

Деревцоцвет

Литературно-художественный альманах для юношества

*№1 (22)
2006*

Первоцвет

№ 1 (22) 2006

Литературно-
художественный альманах
для юношества

Основан в 1998 году

Учредитель

Областная юношеская
библиотека
им. И. П. Уткина

Главный редактор

Анна Стародубцева

Зам. гл. редактора

Светлана Зубакова

Редколлегия

Лидия Середкина
Евгений Суворов
Александр Лаптев
Александр Попов
Лина Иоффе

Обложка

Сергей Элюян

Рисунки в тексте и на обложке

Анастасия Верховина

Адрес редакции.

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10

тел. 29-07-93, 20-43-01

E-mail: library@youlib.irk.ru

В номере

СТРАНА ПОЭЗИИ

Иван Сорокин	3
Валерий Панов	4
Алена Растенис	5
Олеся Кузнецова	7
Оксана Светлая	8
Евгений Апарцин	9
Алла Устинова	11
Надежда Топоркова	32
Юлия Подгорбунская	35
Кристина Удоденко	37
Анна Юрмина	38
Анна Курупанова	39
Ксения Кожевникова	39
Мария Горелик	40

МИНИАТЮРЫ

Владимир Шавёлкин. Рассказы	13
Лидия Ширяева. Фонарщик	17
Вениамин Стуков. Тэнэг	18
Ванда Выборова. Маленький Наполеон. Как люди становятся писателями	19
Евгений Апарцин. Рассказы	25
Алексей Жевлаков. Стул	31

ГОСТЬ НОМЕРА

Анатолий Байбородин	41
---------------------------	----

ГАЛЕРЕЯ

Людмила Кистенева. Дыхание весны	53
--	----

КОНКУРС

Кристина Малинович. Что такое Байкал?	55
Оксана Берданосова. Посвящение Байкалу	56
Лия Шнапер. «Живи, Байкал!»	56

ИМЯ

Екатерина Трунова	58
-------------------------	----

ПОДМОСТКИ

Алексей Просекин. Расстрел (пьеса)	63
--	----

ЗОЛОТОЙ ФОНД

Намжил Нимбуев	84
----------------------	----

Страна поэзии

Стефанович

№ 1 (22) 2006

Иван Сорокин

г. Иркутск, ИГУ

* * *

Очень скоро я буду охапками
Груды золота в кучи сбивать,
Пламя будет игривыми лапками
Золотые горбы обнимать.

Будет дым ароматен и едок,
Будет в ночь он курить до зари...
В отраженьи огня среди веток
Лунный лик ли иль то фонари?

Все в огонь, ничего не оставляю!
Память, бред и, конечно, мечты
И все то, что сейчас словославлю,
Пусть сгорает, как я у черты...

* * *

И срывает ворота с петель
И куда-то без огляда мчится —
Октября золотая метель
Тусклой ночью во сне мне стучится.

Засыпает навес и все крыши,
Под ногами хрустит, как стекло,
Вот и плачь, но никто не услышит!
Груды листьев швыряет в окно.

Назовется святою печалью,
Притворится истомой в груди;
Сгинет вновь, облачившись вуалью
Серых дней, где спасенья не жди.

* * *

Лунным воском покрыты деревья...
В сребротканую кутаясь шаль,
Осень нежно внушает доверье,
Что и жизнь, что и смерть — все печаль...

Ход часов так сродни ходу сердца,
Время мерит шагами суть,
Вся вселенная сожмется в терцию;
Так длинен и скоротечен путь.

* * *

...Это просто осени звезды
Светят в настужь распахнутый дом,
И созвездья, свисая как гроздь,
Быть вселенским мечтают вином.

Не понять мне их грусти несбыточность,
Не понять ничего, никогда;
Длинных фраз красота, будто вычурность,
Будет слышаться сердцем всегда.

Почему, глядя в ночь, вновь печалюсь я?
Вроде повода грусти не дал;
Надо мной никогда ночь не сжалится,
Я ведь вечность чуть-чуть обокрал.

* * *

— Это просто осенние думы,
Когда солнце в последний раз
Поцелует ласково в губы,
В веки, в щеки — не напоказ...

Валерий Панов

Ирк. обл., п. Прибрежный

* * *

И снова дождь. И снова свет,
Устав от суеты сует,
От ясных зим, от жарких лет,
Глаза свои закрыл.

И снова сад, и снова дом
Себя наполнили дождем,
И вязнут в воздухе густом
Остатки прежних сил.

И снова — боль. И снова страх
Меня не держит на ногах,
И громом Бог на небесах
Смеется надо мной.

И снова лист. И снова смят,
И он не чист, и я не свят.
И, не родившись, вновь распят
Убийцею — весной.

НА ЗАКАТЕ

Я гулял по взлохмаченным, выцветшим улицам,
Засоренным немым равнодушием лиц,
И заметил, как день постаревший сутулится,
В серость вечера пряча журчание птиц.

Я разжал кулаки врубцевававшейся гордости
И в ладони забрал часть дневного тепла.
Вновь почувствовав пыл возвратившейся бодрости,
Я разбил хладнокровной души зеркала.

Я вернулся в свой храм позолоченной юности
И от праха очистил забытый алтарь.
И под сенью безмолвно-пленительной лунности
Я зажегся надеждой... Как прежде. Как встарь.

Алена Растенис

г. Иркутск, лицей ИГУ, 11 класс

НЕЗАБУДКА

Незабудка в твоих руках —
Шаг к разлуке.
Вижу боль я в твоих глазах,
Вижу муки.

О невиннейший ты цветок
На ладошке.
Помню каждый прощальный вздох,
Свет в окошке...

Помню чуткий и нежный взгляд,
Помню лето:
Ты сиянием был объят
Солнца света.

Незабудка... ах сколько в ней
Жуткой боли,
Много так разноцветных огней...
Я ж в неволе.

И не то чтобы заперта
Оказалась...
Без тебя все равно что одна
Я осталась.

На прощание подарил
Незабудку
И любить меня век обещал...
Может, в шутку?

Я наивная как дитя
Все ж осталась,
В этом мире я без тебя
Потерялась.

Незабудку в своей руке
Сохранила.
И любовь нашу как во сне
Не забыла.

БЕЛАЯ ГОЛУБКА

Прокравшись в залу тихо и бесшумно,
Чтоб на голубку белую взглянуть,
Касаюсь перьев нежных так бездумно,
Как я хочу взлететь с ней в дальний путь.

Ее глаза надежды и смиренья,
Как белый саван — оперенье крыл,
Меня терзают смутные сомненья
Я отпущу, меня бы кто пустил...

Хочу свободы, воздуха и моря,
Всем существом хочу глотка весны!
Хочу я ощутить всю силу зноя
И всю прохладу ключевой воды!

И отворю я клетку золотую,
Я отпущу, пусть взмлет голубь ввысь,
И я б сменяла клетку золотую
На безграничную лазури жизнь!

Как ты летишь по-птичьему без оглядки
За счастьем вслед — судьбе наперекор,
Я ж не могу все вырваться из клетки
Недосягаем кованный замок.

В тревоге бьюсь я, пойманная в клетке,
И белоснежных перьев полон дом.
Стихи мои, как перья на кушетке,
Как часть меня, и схожи лишь в одном:

Как ни терзал их ветер беспощадно
И солнце ни палило их в жару,
К свободе все стремятся безоглядно,
И будут жить, когда я упаду.

ПТИЧЬЯ ПРЕДАННОСТЬ

Мы с тобою из общей стаи
Белокрылых свободных птиц.
Мне пора, я уже улетаю,
Не грусти и не падай ниц.

Не склоняйся, будь горд в полете,
Не печалься, оставив дом,
На свободе лишь вы поете,
А не в клетке, не под замком.

Были стаей — одной семьей,
Но пути наши разошлись.
Буду с этой я жить землюю,
Ты ж со стаей взмываешь ввысь.

Не смотри на меня так грустно,
Мы прощаемся не навсегда.
На душе стало очень пусто.
Миг, прощанье и взмах крыла...

Мы сильны — в этом наша воля,
Но едины с тобою мы.
Помнишь поле, прощаний поле?
Сохранит оно наши мечты!

Сколько б стай меня ни принимало,
Да и примет немало раз,
О тебе я не забывала,
Не забыть мне печальных глаз.

Но такая уж птичья доля:
Ветер мчит, не давая пасть,
И все дальше родное поле,
Но сильнее с тобою связь!

Олеся Кузнецова

п. Пивовариха, средняя школа, 11 класс

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Ушедший день тихонько умирал,
Отдал права, сложил все полномочья.
Настало время царствования ночи,
Полночной тьмы пришел слепой провал.
Прошли все страхи, кончились сомненья,

А с ними счастье отступило вновь.
Настало время и ушла любовь,
Оставив пустоту и размышленья...
Щемящей неизбежностью сковал
Тот плен, что мною был разрушен,
Когда я был кому-то в жизни нужен,
Когда впервые в жизни не играл...
Жизнь посвятив кому-то, не себе,
Я помню, что во что-то свято верил...
Но вера стерлась и закрылись двери,
Оставив душу убивать мечте...
Настало утро, жизнь пришла в сердца,
Но голова как будто налитая.
И где-то в неизвестности летая,
Пришло желанье биться до конца.
Пока не сломлен дух и сердце бьется,
Живо воспоминанье о мечте —
Мечта не потерялась в пустоте,
Мне за нее сражаться остается!

Оксана Светлая

г. Иркутск

* * *

О, эта неухоженность Весны!
Проталины, как опаленный свет,
Пятнистость убывающей Зимы
И воспаленность век!

Недосыпаю — чувствами полна!
Открыта настезь, как открыты двери,
О, эта беспощадная Весна,
В который раз в тебя я свято верю!

Болезнь Весны, как авитаминоз,
И сердце начинает чаще биться,
Мне часть тебя февраль уже донес,
Как щебет беспокойной птицы...

* * *

Не оглядывайся, прохожий,
Я такая, как все вокруг,
Мы с тобою даже похожи
Ясным взглядом, изгибом губ,

И поющим чувством весенним,
Опьяняющим вновь и вновь,
И вот этим кратким мгновеньем,
Восхитительным, как Любовь!

* * *

Я жить с тобой хочу, где хризантемы
Горячим солнцем обжигают губы,
Где нет зимы и нет вовек метели,
Где все вокруг и счастливы, и любят,
И струны душ играют блюз прибрежный...
Где море нежно на песок ложится
И чайки кружат белыми мазками...
Где всем вокруг одна лишь радость снится,
И тот секрет там каждый встречный знает,
И нам с тобой откроют эту Тайну...

* * *

Ночь опустила занавески,
Я у окна стою в молчании,
Мне в этой жизни не известно,
Что происходит вдруг, нечаянно,

Случайных встреч тепло открытое,
В глазах подруги ревность жгучая,
Стихи читаются забытые,
И настоящее зыбучее,

А облака луну укутали,
И звезд не видно в мраке вечности,
Я голос твой ни с чьим не спутаю
Любя тебя до бесконечности!

Евгений Апарцин

г. Новосибирск

* * *

Аз.
Щурю глаз,
Глядя отсутствующим взглядом
В окно поезда.

За окном непримечательно:
Только леса,
Только поля,
Только провода, провода и рельсы.

Широкая река.
Широкий мост.
В реке плавится рыба.
В реку повалило дерево.
Течет вода.
Река течет, а я еду.

С верхней полки хорошо созерцать жизнь.
Открыв окно,
Вдыхая дорожный воздух,
Смотреть на эвтрофицированное болото жизни.

Ночь. Гроза. За окном дует ветер, зело беспокоясь.
Капли, свет и фанфары травленной гравюрой одной.
Я один. Я сижу на полу, отформованный в конус.
На коленях гитара певучей секущей прямой.

Не прекрасно ли? — сесть и сидеть, словно узник в темнице,
На полу у окна, и, прислушавшись к громким раскатам,
Острым взглядом пронзив вереницы летающих капель,
Через них, как сквозь призму, регистрировать вспышки-зарницы.

V-образный разряд, на полнеба раскинувший пальцы,
Освещает дома: шифер крыш, ниши окон пониже.
Ослепленный фотонами мир, как распятый на пьльцах,
Предстает предо мною весь в ливнем линованной жиже.

Грянул гром! Взрыва треск, и повсюду сирены завывли.
Может, это сигнал, как циклона последний звонок?
Мегавольтный муссон, рассигналивший автомобили,
Шлет последний привет и уходит. Куда? На восток.

Дождь идет. Шум дождя, будто звон колоколен —
Очищение души, огрубевшей покрытой корой.
Я сижу, как всегда, на полу, пирамидой оформлен.
На коленях гитара с оборванной первой струной.

Как западно-восточный ветер
Иллюзиона треплет тряпку,
Аллювиальных отложений
Слои ворочая плугами,

Светила движутся кругами
Претенциознейших процессий,
Слюной зализывая ранки,
Упаковавшись в старый фетр,

Рисует чудо на асфальте
Красиво мелом детвора.
А я о чем-то догадался
В ночь с послезавтра на вчера.

* * *

Красной нитью через рельсов полотно
Поезд шел вперед, идя на полной скорости.
Я сидел, смотрел в немытое окно,
Созерцал пустой пейзаж Иркутской области.

Сфера солнца пролетела над землей,
Угасив свое сияние за лесом.
И поля с пшеницей (или коноплей?)
Проезжают мимо глаз зеленым весом.

Серый жгут — железная дорога —
Сквозь вокзалы города связала линией.
И идут, идут, идут по ней потоком
Люди, почта, нефть и груз под парусиной.

Спаек ритм стуча без перебоев,
Равномерно и без замедления,
Поезд мчит, везет меня с собой,
Согласуясь с графиком движения.

Алла Устинова

г. Иркутск

* * *

Выразить печаль в двух словах могу —
Лист дрожит на семи ветрах.
Выразить любовь в двух словах могу —
Мальчик спит на моих руках...

* * *

Зима. Окно.
На голой ветке спит украдкой
Мягкий снег.
Печали белой пелена
Легла на плечи.
Окно. Свеча.
И не спеша, слезинкой одинокой
Таёт вечер...

Сирена поет

Кони бегают по кругу
И не встретятся друг с другом.

Тихо, тихо, чуть дыша
Мается моя душа.

Глупость гонит в жилах кровь.
Называется любовь...

И мне дано очарованье,
И мне дана земная боль,
И мне дано одно свиданье,
Свидание с самим собой.

За семью лесами
Там, где нет меня,
За семью горами
Есть одна страна.

Там не светит солнце,
Не растут цветы.
Не поют там птицы,
Но зато там — ты.

Там пора ночная
И покой небес
Стелют покрывало
На волшебный плес.

Колыбельной песней
Там шумит прибой.
Только жаль, что вместе
Там не я с тобой...

ТИХАЯ ЛЮБОВЬ

Шел снег. Падал на длинные ресницы и на белый оренбургский платок. И она шла тихо, как снег, по вечерней улочке. Все в ней было тихо. И черные глубокие глаза в черных ресницах, и мягкий пуховый платок. Навстречу в красноватом свете фонарей шагал парень.

— Ой, он! — дрогнуло сердце девушки. — Здравствуй, — засветилась любовь в глазах.

— Привет! Куда идешь?

— Домой.

— А у тебя глаза плачут! Не плачь, — пожалел ее.

— Я не плачу, это снег тает.

— Можно я тебя провожу, — предложил Василий. За секунду до этого он сам от себя не ожидал подобного предложения. Делать, конечно, было нечего, но все же. И он знал, за три года по долгим внимательным взглядам догадался: любит она его и никого больше! А Василий любил безответно другую.

— Ну, проводи, — она маленькой аккуратной рукой в варежке смахнула налипший снег с темно-русой челки, выглядывающей из-под платка. И подумала: «Что это с ним? Что-то сегодня изменилось в его взгляде. Помягчел он, что ли? Стал более внимательным? К ней».

Он устал от неразделенной и оттого тоскливой любви.

«Вот почему потянуло провожать ее, — сообразил. — Потом этот снег. И Алена, мягкая плавная русская лебедушка, так подходившая всему вокруг».

— У тебя что-то случилось? — догадывалась она о его состоянии.

— А... ничего, — махнул он рукой.

И вдруг добавил:

— Может, я люблю тебя сегодня?! Вот этот снег, ты, древний наш город — все это я сегодня люблю! — он рукой подхватил пригорошню снега, смял в снежок и запустил на крышу деревянного дома. Снежок скатился, оставив легкий след.

Алена остановилась и изучающе посмотрела на Василия.

— Что? — улыбнулся он. — Не веришь?

— Верю, — серьезно и просто сказала она. — А завтра?

— Что завтра?

— Завтра будешь любить? — озадачила прямокой вопроса.

— Не знаю, — помедлив, ответил Василий, пожав плечами.

— Эх, ты, горе луковое, — она по-матерински стряхнула с его шапки снег. —

Пошли... — вздохнула и взяла его под руку.

— Пошли, — вздохнул и он...

В нем уже проснулись терзания совести — зачем пристал к девчонке, растревил, быть может, заживающую рану? Теперь не будет спать, будет думать, что с ним делать?..

— Ты прости меня, Алена. Я не хотел тебя обижать, — он прислонился к стене дома у ее подъезда.

— Спасибо.

— За что спасибо?

— Спасибо за сегодняшний вечер, — смотрела она влюбленными глазами. Они проникали в душу, ласкали, гладили. Но в сердце занозой сидела та, с топкими немного раскосыми глазами. С подбористыми крепкими ножками в туфельках. Невысокая, ладная, обжигающая взглядом и красотой. И Алена, лаская глазами, невидимо ранила себя до крови об острую глубокую занозу.

— Прости еще раз. До свидания.

Алена не хотела уходить, но, когда он повернулся вполоборота, рассмеялась:

— До свидания. Какой же ты чудак! — и захлопнула двери.

«Смех ее, — заметил Василий, — подобен пуховой кошке».

И тут дверь еще на мгновение приотворилась и прозвучала серебристо-мягко, нежным саксофоном мелодия.

А снег шел тихими хлопьями, искристый, блестящий. Широкий и вольный, как большая взлетевшая птица! Струился, в белом танце медленно кружился под фонарями, укрывая город чистотой. Земля, казалось, отдыхала, вздохнула, распрямилась от суеты, болезней, каждодневной тяжелой работы. И небо открылось! И земля, и небо соединились вечным снегом!

«Как-то неправильно, как-то не так мы живем, — думал Василий, бредя по светлому снегу. — И что-то надо сделать, чтобы жить легче, проще, вот как этот снег. Но — что?»

Алена вошла в квартиру. Медленно разделась и легла на кровать. Родителей не было, уехали на дачу. Она боялась спугнуть в себе тишину.

«Пусть он ее не любит. Но сегодня, сегодня любил! Значит, был у них этот вечер любви на двоих. И пусть их больше не будет, не будет. Но сегодня был!»

Сердце, переполненное любовью, светило тихо. И таяло, словно свеча. Она мокрыми от слез глазами смотрела в потолок. И хотела родить от него ребеночка, такого же доброго, милого, как этот чудесник снег за окном. Взгляд затуманился. И Алена уснула счастливым сном.

АНГЕЛ МАНЕЧКА

Манечка! Голубой лепесток, отлетевший от неба! Я увидел тебя, когда отцвели ландыши. Смотрю — идет, светится лозинка! Пряча тоненькие точки груди, сияет белая блузка. Темная до коленок юбочка, босоножки. Бирюзовые глаза — в них душа твоя, как на ладони — отражают чистоту и невинность мысли, благоуханную свежесть чувств. Светлые локоны рассыпаются на плечи, солнечными прядями укрывают высокую шею. Милый легкий румянец играет на лице.

Посмотрите, какова она днем! Невысокий обрыв над быстрой и холодной речкой. Перед ним поляна, поросшая густой курчавой травой. Стеклится прозрачная вода, изредка проносятся желтые полые травинки. Неглубоко мутно-зеленое глинистое дно. В жаркий полдень стекло воды, с криком и визгом прыгая с обрыва, разбивает голопузая ребятня.купаются до сини на губах, до дрожащих в ознобе коленок. У чахлого костерка, сложенного наполовину из выловленных в воде палок, греют тщедушные, покрытые гусиной кожей тельца. Хилыми легкими пытаются раздуть пламя. Вожатые, распластав на одеялах роскошные тела, млеют на жаре. Иногда кто-нибудь из них сгоняет сонную одурь нырянием. Время обеда, пора в столовую. Но разве выгонишь из воды мокроносое братство? Сегодня это пытаются сделать Манечка.

— Ребята, — легко, ласково, словно пушинки сдувая с одуванчика, просит она. — Раз, два, три, вышли из воды, — и хлопает при этом в ладоши.

Расслабленные, но уже оторвавшие головы от земли вожатые, прыснув, вновь утыкаются носами в одеяло. У Бориса аж сводит тело от внутреннего неудержимо рвущегося наружу хохота. И он елозит огромным животом, то сгибаясь, то распрямляясь. Манечка продолжает упрашивать, убеждать:

— Дети! Ну выходите, уже пора...

Дети не слышат. Когда хохот у Бориса все же прорывается, он встает и, меняя смеющееся выражение лица на злое, зычно кричит:

— А ну выходи строиться! Самсонов, Петров, я кому сказал! Вихров, ты че, не понял?!

Реплики Бориса, словно плеть, свищут над головами, и дети подчиняются.

А ночь полна звуков и любви! Вновь обрыв и — река. Небо светится от звезд. И Млечный Путь — искристой пылью дорога в бездну. Рука Манечки тепла и вздрагивает от прикосновения моей руки. И я шепчу под тихое и таинственное журчание, взбулькивание августовской речки:

Есть оный час в ночи всемирного молчанья.
И в этот час в святилище небес
Божественная колесница мирозданья
Катится...

На земле не видно ни зги. Черный лес окружает молчаливо и пугающе. Вдруг доносится крик, топот копыт. Кто это, что за всадники?! Манечка пугается и жметя ко мне хрупкой, как хрустальная рюмка, фигуркой. Я беру ее за руки, и мы замираем. Только слышно, как стучит, трепещет ее сердечко.

— Только б не на нас, только б не на нас...

Топот нарастает, крики уже ясней, звонче, слышнее храп лошадей. Когда, кажется, кони вот-вот выскочат на поляну, звуки, достигнув предела недалеко от нас, начинают удаляться, рассыпаются и постепенно стихают. Только ветерок, точно остатки тревоги, доносит острый запах лошадей.

— Испугалась? — обнимаю Манечку.

— Нет, ты же со мною.

Идем обратно. С неба бесшумно падают звезды. И в моей руке уютной лодочкой Манечкина ладонь.

Мы приходим в ее комнату. Все давно уснули. Манечка снимает бойцовку, наброшенную мною, и остается в голубом чудесном платье с короткими рукавами-фонариками. Бойцовку протягивает мне и, сияя любящей бирюзой, говорит нежно:

— Саша, иди, уже поздно, спать пора...

— Сейчас пойду, — отвечаю, а сам тянусь к ней руками и губами.

Она закрывает глаза и безропотно отдает мне лицо. Тыльная сторона мускула руки касается, скользит по обнаженному предплечью, и сердце замирает от наслаждения: ах, как бархатиста, шелковисто-нежна девичья кожа! Наши губы встречаются... Она же совсем не умеет целоваться! По-детски открывает рот и поднимает к моим губам. Будто пробует их на вкус, как малыш леденец-конфетку. И опять, и опять так. Я не смею быть опытным и подражаю ласковой чистоте первых поцелуев.

Ухожу. А в душе лелею образ Манечки — шелк волос, золотистость кудрей, детскость губ и нежность кожи. Под ее окном, еще не погасшим, кружатся, вьются, бьются о стекло ночные мотыльки.

СВЕТЛЫЙ МАЙ

Она сошла с троллейбуса в светлом платье, являя собою юное создание, легкое, как облака в голубом небе. Крупные правильные черты лица русской девицы. Немного полная, несла дородное тело так плавно-мягко, что невозможно было не заглядеться на дивные движения бедер и несколько отставленной правой руки с отогнутой в сторону ладошкой. Левая в кулачке целомудренно прижата. Чуть склоненная голова, когда шла быстрая под общими взглядами, отображала скромность. Девушка с тяжелой темно-русой косой до пояса, с золотистой на солнце челкой. В ней не было и тени изъяна. Если бы не глупый смех и выходки.

Митинаторы

Виталья говорит о серьезном:

— Надо тетради на проверку сдать.

— Да? — брызнет смехом, будто тетради не с конспектами, а с карикатурами. Или во время разговора возьмет и потрогает его за ухо. А на недоуменный взгляд засмеется:

— Я хотела пощупать: холодное оно или нет?

Май. Полдень жгучий. Почти по-летнему пекло солнце. Смолисто и ароматно в мягком воздухе пахло тополиными почками, шелуха которых с сухим щелком опала на асфальт. На деревьях висели зеленые и бордовые гусеницы сережек. Улыбались, словно глаза проснувшегося младенца, яблони в белых цветах.

— О, привет, Хэлен! — Виталья поцеловал ей ручку, спрыгнув с троллейбуса следом.

— Привет, — прыснула она в отнятую у него ладошку, губами касаясь пальцев, словно целуя их.

— Можно я вас провожу?

— Пожалуйста, — смешливо опять наморщила переносицу, от которой отпустила ладонь.

Он любовался ею в этот страстный, поющий птицами и требующий любви май. Большие глаза, крупные малиновые губы, широким размахом брови — все в славной гармонии на лице.

— Ну, как экзаменэйшен? — вопрошал Виталий. Они учились в группе, где преподавали немецкий.

— Нормально, сдала, — машет она ладошкой, вроде это неважно.

— Я тоже, — продолжал он с нею говорить шутливым тоном. — А замуж собираешься?

— Дурак, — она замахнулась на него рукой, чтобы притворно шлепнуть.

За Виталю она бы вышла, но...

Он отскочил, продолжая балагурить почти влюбленно.

— А что? Я бы на твоём месте пошел, — и чувствовал, что кроме влюбчивости, мгновенного любования-созерцания в глубине сердца ничего не обреталось.

— За кого? — улыбнулась чуть грустно она.

— За меня, например! — блеск юмора в глазах.

Вдруг огорошила:

— А у меня глаза разные!

— Как это?!

— А вот. Один — зеленый, другой — карий... присмотришь, — опять прыснула в ладошку и глядела веселыми искристо-смеющимся глазами.

— Ух, ты! Разноцветная какая! Ну все, теперь не возьму тебя в жены. Мне нужна жена с одинаковыми глазами.

— Хм, — фыркнула она безвредно, отмахнувшись и отворачиваясь к дороге, где мчались машины.

В небе стрижи черными молниями пронзали светло-голубое пространство. Недалеко звенели трамваи, звучала городская, рваным ритмом пульсирующая жизнь. И чувство молодой, брызжущей от избытка сил юности так согласно изливалось на все вокруг от этих двоих, идущих рядом, красивых и веселых...

Была просто встреча, весна, светлый май.

Немного жаль — отчего он не полюбил ее тогда надолго, всерьез?

ФОНАРЩИК

Ночь, как всегда, пришла исподволь...

Вроде только вернулись с работы, сели семьей за стол и телевизор, а не успели оглянуться — бьют куранты. Приоткрыв шторы, любовались на огни города, на светлые окна соседей, и удивлялись полнеющей луне, вроде бы только вчера было новолуние?! Закрыв шторы, разбрелись по своим миркам теплым, привычным, хорошо спрятанным от этой ночи шторами. И не дай Бог оставить их открытыми — соседи увидят, да и что мы там не видели?

Завернувшись в одеяло, желательно уснуть поскорее. Детей загоняют сразу, а взрослые не спят, сидят до слипающихся глаз перед телевизором — чтоб почти не оставалось времени между сном и явью, между днем и ночью.

Он идет по городу. Тихо и задумчиво он бродит уже много лет. Возможно с самого рождения этого города — городок совсем молодой, что-то около трех веков, но сколько, не помнит даже он.

Его фигуру никто не видит, да и кто выглянет в окно, за шторы, так далеко за полночь, что даже сама луна уже позевывает и рождает солнце.

Может показаться, что он откуда-то сбежал, например из книги сказок для дошколят. Но это не так, он всегда был сам по себе.

Слегка сутулящаяся фигура, худощавая и длинная. У него широкие ладони и длинноватый нос, он носит шляпу, обо всем остальном трудно сказать, кроме одного...

В правой руке он держит фонарь, большой (примерно с его голову), тяжелый и старинный, с мутным стеклом. Но огонь внутри необыкновенно ярк и слепит глаза, и от этого света невозможно спрятаться.

Он идет вдоль улиц, приподнимая фонарь, чтобы осветить темные окна и увидеть за стеклом плотно сдвинутые шторы.

И чурается лишь светящихся окон, обжигаясь о свет, идущий из них, и всегда обходит по самому краю, по тонкой границе между тьмой и светом, чтобы не упустить ни мига ночи.

Особенно любит спальни взрослых — приближает к ним фонарь и выхватывает сны, их сразу видно в прозрачном свете фонаря, он сгребает широкой ладонью как можно больше и прячет в сумку, оглядываясь по сторонам, но его никто не видит.

Сны он оставляет только младенцам, да и то тем, кому надо увидеть сон, он осторожен с детскими снами, но не может удержаться и жадно хватает кусочки — в его необъятной сумке это самые светлые сны.

Он ворует сны у людей и самыми светлыми снами заправляет свой фонарь — иначе тот погаснет. И никогда не трогает кошмаров, потому что они из мира людей и ему не принадлежат.

Он забирает сны. Зачем?

Когда мне не спится в полнолуние, я вижу тень от его фигуры, он боится моего окна, потому что я никогда не закрываю шторы.

Он забирает сны, потому что знает — люди не поймут, не оценят — они пропадут у них. А он единственный, кто будет раскладывать их по полочкам, любоваться ими. Как истый хранитель, будет каждый день перебирать свою коллекцию, назизусть зная каждый изгиб и поворот сна, каждую зазубринку и трещинку. Длинные

пальцы нежно и бережно будут касаться снов, и в этот миг нет никого счастливее на свете, потому что в его глазах отражается свет сновидений. Ибо ему не дано видеть сны, а люди — которым и жить-то ничего, которые слепыми рождаются и еще более ослепшими умирают — видят!

А утром, собираясь на работу и отправляя детей в школу, будем друг другу рассказывать про какие-то обрывки в снах, смеяться, что забыли, или притворяться, что забыли, лишь бы не думать, что не видели.

И восхищаться детскими рассказами о полетах в снах, и жалеть где-нибудь в уголке измотанной буднями души, что почти забыли, почти не помним, почти уже не видим.

Вениамин Стуков

г. Иркутск

ТЭНЭГ *

Тэнэг родился в поселке N Нукутского района Усть-Ордынского округа. Его родила пегая кобылица на заре нового дня, когда вершины холмов только-только позолотились ранним весенним солнцем и сонный пастух, по обыкновению своему отправившись рано утром выгонять табун на выпас, в недоумении остановился перед вставшим на свои только что расправленные трясущиеся тонкие ноги и уставившимся на него своими большими темными глазами новорожденным жеребенком...

Его детство и юность прошли на широких просторах усть-ордынской степи, где он задорно скакал вслед за матерью, постигая азы жеребьячьей премудрости, и когда наступило время, Тэнэг шагнул в большую лошадиную жизнь, подчиненную человеческим нуждам и потребностям.

Его старшие братья — Буха ** и Шоно *** — были знаменитыми на всю Усть-Орду рысаками, они занимали первые места на ежегодных лошадиных скачках Сурхарбана, их хозяева гордились ими, ежедневно расчесывали им гривы, купали в озере и поили чистой ключевой водой, а местные поэты (улегершины) слагали про них хвалебные песни (соло дуулалга), воспевая их силу, храбрость и красоту.

Тэнэга же в основном использовали на местных (поселковых) сельхозработах. Рано утром он увозил на дальнюю свиноферму и сенокос рабочих, которым в течение дня доставлял воду и еду, также на нем возили корм скоту и семена для посева, а позднее осенью уже собранный урожай: картошку, овес и зерно. Иногда с него снимали хомут с уздой и отпускали на вольный выпас, где он ходил, греясь на солнце, щипая траву, а когда солнечный круг скрывался за горизонтом, он провожал взглядом людей, идущих с полевых работ, издали до него доносились говор и песни уставших после трудового дня жителей поселка.

Когда наступило третье в его жизни лето, его выбрали для торжественного жертвоприношения на летнем тайлагане — родовом бурятском празднике, кульминацией которого было ритуальное умерщвление, а затем съедание жертвенной лошади. Перед началом действия животное освящается политым на его голову и круп

* Глупый (бурятск.).

** Бык (бурятск.).

*** Волк (бурятск.).

молоком, белый цвет которого, по древним поверьям, олицетворяет все чистое, благородное и священное... Затем лошадь укладывается на землю и веревками, привязанными заранее к ногам, растягивается на четыре стороны участниками праздника, вслед за этим в верхней части брюшины животного делается надрез, через который один из приглашенных на праздник гостей просовывает руку внутрь и на ощупь находит аорту, отрывает ее от сердца, отчего мясо лошади становится мягким, обескровленным, вкусным, и лошадь в конце концов умирает, туша ее разделяется, съедобные части варятся и съедаются, а несъедобные складываются в особую пирамиду, построенную из мелких бревен, и сжигаются в жертву духам.

Мерина посадили в крытый грузовик и надели на шею петлю, крепко затянув, чтоб не вырвался во время езды, и повезли к месту проведения праздника. Сквозь просветы между досок он видел приближавшееся место жертвоприношения, разожженный костер и столпившихся людей, слышал их оживленную речь. Перед ним в мгновение прошла вся его жизнь. Тэнэг вспомнил свою пегую мать, братьев, детство, вольный выпас и как его однажды хозяин купал в ручье. Он поднял голову, чтобы в последний раз увидеть солнце, но кузов был закрыт сверху, и только солнечный луч улыбался ему через щель в потолке. Тэнэг попытался встать на задние ноги и с тоской опустил голову...

Когда люди открыли кузов грузовика, они обнаружили в нем тело мертвой лошади. Буряты долго в безмолвном молчании смотрели на безжизненное тело: видения прошлых веков, тьма пожарищ, шаманские пляски, знамена великих побед проплывали перед ними. Душевное смятение или страх перед рассердившимися духами заставили их разойтись по домам, а эта история так и осталась загадкой в Нукутском районе.

Р. С. Тэнэг любил солнце и, боясь расстаться со светом, так и умер с открытыми глазами. Шофер утверждал, что мерин покончил с собой...

Ванда Выборова

г. Ангарск

МАЛЕНЬКИЙ НАПОЛЕОН

«Трудно в наше время хорошего мужчину найти. Да и где их, хороших-то, взять? Хоть бы кто карту месторасположения составил, что ли... Ты один у меня самый лучший. Ты же любишь мамочку, да, Сёмочка». Сёма, глядя на «маму» блестящими черными глазками, плотоядно облизывался. За четыре года своей жизни у Алены Ивановны этот маленький холёный французский бульдог выявил прямую зависимость между разговорами о мужчинах и вкусной кормежкой. В общем виде она выглядела так: Алена Ивановна, она же Алёнушка, начинала говорить о своей несчастливой женской доле и уже не могла остановиться, ей становилось жалко саму себя и, расстроенная, она шла на кухню к холодильнику, дабы заесть свое горе разными вкусностями и сладостями. Понятное дело, что и Сёмочка, главный мужчина в мире Алены Ивановны, получал королевские куски своих любимых лакомств.

Семён Аркадьевич Брутцер, как по собачьему паспорту величали этого важного пса, отличался прекрасной родословной. Его далекие предки были выходцами из самой Франции. Французские корни были очень сильны у Семёна Аркадьевича, поэтому стремление к безупречным манерам, желание постоянно заниматься своей внешностью неизменно присутствовали в его жизни. К тому же он обладал отменным вкусом, что в значительной степени помогало ему удовлетворять свои стремления. А этот французский прононс, которым он обладал с самого рожде-

Мистическое

ния, тренировками которого занимался каждый день! «Только истинный француз обладает таким произношением», — думал Семён Аркадьевич, с явным удовольствием рассматривая себя в зеркале, издавая при этом лай с чисто французским прононсом.

Вообще у Семёна было особое отношение к зеркалам. Каждое из них, особенно то, в котором он мог рассмотреть себя во весь свой собачий рост, вызывало его уважение и признательность. Ведь это же так здорово — иметь возможность практически постоянно лицезреть свое Величество! Разве может что-то еще так поднять жизненный тонус, настроение?!

Сёмочка хоть и был начитанным псом (Алёнушка, сама женщина очень образованная, любила ему вечерами читать зарубежную классику, когда он, блаженно зажмурив глаза после великолепного ужина, разваливался рядом на шкуре), психологией не занимался. Поэтому неизвестно откуда он узнал: чтобы начать любить себя и продолжить тоже, нужно, подходя утром к зеркалу, говорить, что любишь себя. Впрочем, у Семёна Аркадьевича с этим все в порядке, и безо всяких психологических заморочек он себя любит! «Ну посмотрите на меня, как можно не любить такого замечательного песика! Посмотрите, какая шкурка — вся лоснится и блестит! Горделивая осанка, конечно, говорит о моем благородном происхождении. На голове — укладка, на лапках — ухоженные ногти! А если бы вы могли понюхать, как я пахну! О... Я вам подскажу — это мужской аромат «Кензо», он очень подходит моей утонченной натуре», — Семён Аркадьевич остался очень доволен произведенным на самого себя эффектом.

Алёнушка тем временем нарезала для Сёмочки балык. Тот в свою очередь сидел в кресле-качалке рядом со столом и следил за методичными движениями «мамы». Да, он очень любит, когда балык режут тоненькими кусочками и выкладывают на тарелочке, украшая при этом парой веточек зелени. Миски Сёма не признавал принципиально. «Это для простачков», — любил говаривать он сам себе. Алёна Ивановна поставила блюдо с балыком на стол перед Сёмочкой, а сама села уплетать «Рафаэлло». Для нее было совершенно нормальным явлением уплести коробочку вышеуказанных лакомств за один присест, конечно, будучи в сильнейшем расстройстве чувств. А расстройства эти случалось каждый раз, когда «мама» задумывалась о семье.

Семён Аркадьевич смотрел на свою хозяйку и думал: «Ведь в сущности добрейшей души человек, правда деньги иногда тратит не по назначению, зато меня обожает. И молодая, всего-то 34, детишек пора заводить, а она все «Рафаэлло» поедает! Никогда сладости не заменят теплоты домашнего очага! И собой недурна, и деньги есть. Не понимаю, куда мужчины смотрят!» Только Алёнушка, видимо, разочаровалась во всех представителях мужского пола сразу: когда очередной жених смылся от неё накануне свадьбы, она плюнула на все свои мечты о семье и завела собаку. С Сёмочкой ее жизнь стала немного, очень отдаленно, но все же походить на семейную — теперь надо было заботиться об этом маленьком, беспомощном комочке. Щенок, как полагалось представителю древнейших кровей, оказался очень капризным, привередливым во всем. В детстве умудрился переболеть всеми редкими собачьими болезнями, но в конечном итоге вырос довольно таки сильным псом. Одним словом, стал Сёмочка для Алены Ивановны сыном, которого у нее не было.

Довольно рано Сёма осознал свою принадлежность к лучшим из лучших. Естественно, это не могло не проявляться в его поведении. Обычно он гордо шествовал рядом с Алёнушкой, выпятив спину и задрав к небу величественный нос. Получалось, что при ходьбе он смешно выбрасывал передние лапы перед собой, словно военный на плацу. Именно это однажды навело его на мысль о возможности своего отношения к царственному Наполеону Бонапарту. «А что если... Ведь это не доказано, что я из Парижа, а вдруг с острова Корсики, может там в родословной что перепутали. Ведь могло же такое быть...» Особенно укрепился в своей мысли Семён Аркадьевич, посмотрев на Бонапарта по телевизору. Как образованный пес он любил смотреть телеканал «Культура», и вот однажды посмотрел трехсерийный

фильм про императора с Кристианом Клавье в главной роли... и обалдел. Те же круглые глаза, навывкате, маленький рост, чеканная походка, королевская осанка, а какие манеры, какой прононс, какой характер! Наполеон так очаровал Семёна Аркадьевича, что даже если он и не являлся его каким-нибудь там дальним родственником, то уже чувствовал себя таковым. Ему думалось, что это главное.

Как и свой знаменитый кумир тире неудавшийся родственник, Семёнка грезил о славе. Конечно, не о такой огромной и неоспоримой — ему, к примеру, было лень идти на кого-то войной, вести за собой войска через всю Европу, портя роскошную шкурку в дорожной пыли. Семёну Аркадьевичу много не надо было, у него была одна мечта — выдать замуж любимую хозяйку Алёну Ивановну. Чего женщине в самом расцвете сил проводить время за «Рафаэлло». Правда, был риск, что, когда Алёнушка выйдет замуж, она не сможет уделять столько времени ему. Но... счастье хозяйки важнее, правда? Тем более что Алёнушка отличалась верностью, редкой для женщины, так что Семёнка знал, на что ставил.

В то время как хозяйка считала себя законченной старой девой, Семён Аркадьевич не терял надежды на ее благополучное замужество и обдумывал перспективы. Разрабатывать подобные планы было для него ни с чем не сравнимым удовольствием — он чувствовал себя великим, заботясь о счастье другого человека. Всех двуногих представителей мужского пола он рассматривал как возможных кандидатов. Тех, кто не проходил его придирчивого «фэйс-контроля», он тут же забраковывал и, как полагается, не забывал облаять на всякий случай.

Время летело, а избранник даже не думал появляться на горизонте. Семён Аркадьевич сам было отчаялся, и в этот момент случилось чудо. (И почему чудо обязательно дожидается такого момента? Ведь можно было и раньше появиться, ждут же.) Чудо было ростом метра два, примерно одного возраста с хозяйкой, судя по выражению лица, тоже было равнодушно к балыку с зеленью. Семёнке очень понравилась его манера держаться спокойно и уверенно, какая-то величавость во всем облике, и машина у него шикарная! План действий родился в голове моментально.

Сёма сидел у дверей кафе быстрого питания, в котором делали его любимую пиццу с морепродуктами, и ждал, пока выйдет Алёнушка. Двухметровый, выйдя из машины, отправился туда же. Алёна Ивановна вышла и стала отвязывать Семёму. Тот вел себя спокойно, но когда из кафе выплыл кандидат, упал на землю и, закатывая глазки, стал изображать невесть откуда взявшийся припадок. Алёнушка, конечно, ни секунды не сомневаясь, что любимцу плохо, бросила пиццу на землю («Хорошо, она в коробке», — подумал Сёма), стала суетиться вокруг него. Как пес и рассчитывал, кандидат бросился на помощь собаке и ее хозяйке.

«У него припадок, его нужно срочно вести в клинику», — он взял ситуацию и собаку в свои руки и понес ее в машину.

Алёна Ивановна семенила рядом, а Семён тем временем с благодарностью думал о ее лени, которая именно сегодня помешала ей вывести машину из гаража. В клинике кандидат остался с Алёнушкой дожидаться результата осмотра врача. Семён Аркадьевич как мог тянул время, кусался, изображал глубокий обморок и так далее, в результате им пришлось ждать целый час.

Потом вышел врач с Семёном на руках.

«С вашей собакой все в порядке. Возможно, он просто переутомился сидеть перед телевизором. Вам нужно больше гулять с ним».

Семён Аркадьевич перекочевал из рук врача в руки кандидата, тот сам вызвался донести «потерпевшего» до машины.

«Ну что, Наполеон, все в порядке? Поедем домой», — услышав это, Семён Аркадьевич замер, он не был уверен, что можно верить собственным ушам. Двухметровый кандидат тем временем продолжал: «Знаете, он правда чем-то похож на Наполеона, такой же маленький и мужественный».

Блаженство Семёна Аркадьевича достигло наивысшей точки. «Господи, признали! Я столько лет, буквально с самого рождения, дожидался этой почести! Этого не может быть, неужели правда!»

Мистификация

Сёмочка лежал на руках этого в сущности незнакомого представителя мужского рода и испытывал доселе неизведанное ощущение, будто обрел что-то родное и близкое. Наполеон, безгранично властвующий в его душе и сердце до сего момента, был немного подвинут, но не в обиде, а рядом расположился этот двухметровый без пяти минут муж.

«Какой я все-таки молодец! Какое прекрасное у меня чутье, какой нюх — из несметного количества лиц я сумел найти главного! Я... я достоин зваться родней моего величественного предка. Значит, я был прав в своих рассуждениях».

Пока Семён занимался умствованием, все трое погрузились в машину и отправились в гости к кандидату, дабы отпраздновать счастливое выздоровление маленького Наполеона. Тот в свою очередь, полностью поглощенный путешествием в дебри психоанализа, умудрился не заметить, что едет в специальном собачьем кресле. Если бы он хоть на минуту отвлекся, то обязательно бы напряг извилины, чтобы понять, откуда оно взялось.

Приехали, выгрузились. Сёма направился было к дому, семена за парочкой, но вдруг остановился как вкопанный. Перед ним на вымощенной дорожке сидела особь женского пола. Все бы ничего, но она была одной с ним породы — французская бульдожка!

«Это судьба», — подумал Семён.

Словно читая мысли, кандидат проговорил:

«Познакомьтесь. А это моя любимица Соня».

«Жозефина», — подумал Семён Аркадьевич и высунул от удовольствия язык, облизнулся. «Моя Жозефина, это она в простонародье Соня».

Императрица оказалась барышней не робкого десятка, и пока Семён распускал слюни, подошла к нему знакомиться первой. Дальше было взаимное обнюхивание, потом «облизывание». К всеобщей радости знакомство состоялось.

Пока собаки укрепляли знакомство, Алёна Ивановна с кандидатом готовили для всех ужин. Двухметрового звали Константином, который к тому же оказался холостым. К своему удивлению, Алёнушка узнала, что его тоже невесты почти перед алтарем бросали. Так непостижимым образом встретились два соратника по несчастью, два одиночества, два заядлых собачника. Они долго говорили о жизни, каждый о своей, все больше поражаясь тому, как много у них общего.

Семён Аркадьевич и Сонечка, плотно поужинав морской пищей, сидели рядом, плечо к плечу, и глядели на пару двуногих с умилением. Не в силах пошевелиться, а уж тем более бегать, играть, они общались с помощью взглядов, каждый из которых был понятен другому без слов. Наполеон и Жозефина, Жозефина и Наполеон. Нажопозелефионна.

Двуногие, поглощенные друг другом, на время забыли обо всем, даже о своих любимцах. Любимцы были не в обиде, им в общем-то свидетели тоже были ни к чему.

Та встреча, совместный ужин имели решающее значение в жизни двух неполных семей, так как именно тогда представители обеих решили объединиться. Решили спонтанно, негласно, но очень уверенно. И ни один из них не пожалел об этом решении даже годы спустя...

«Судьба», — скажете вы, а я скажу: «Наполеон». Правда, маленький. Хоть и маленький, зато Наполеон.

КАК ЛЮДИ СТАНОВЯТСЯ ПИСАТЕЛЯМИ

Кто как, но факт, не по команде «Становись!». Хотя, если подумать, это было бы здорово: никаких там тебе усилий, раз и готово. В реальной жизни все не так, как на самом деле, поэтому без усилий в нашей жизни даже просто человеком не станешь, не говоря об остальном.

Мало кто из настоящих писателей, тех, у кого нам есть чему учиться, хотел стать писателем, но они ими стали, далеко не все из них получили соответствующее образование, что не помешало им создать тексты, которые изучают студенты филологических факультетов. В чем же секрет? А секрета вовсе никакого и нет, зато есть призвание, в котором мало амбиций и просто сумасшедшая невозможность не писать. Таким людям даже думается лучше — на бумаге, а про признания в любви можно и не говорить — это само собой разумеющееся. Писать, потому что не можешь по-другому.

Как объяснить эту неутомимую вечную тягу к чистому листу самой обыкновенной бумаги, который так и хочется (не замарать!) заполнить своими мыслями, ощущениями. Как объяснить привычку держать в руках ручку, за которую пальцы сами норовят схватиться, чем бы обладатель этих рук ни занимался в данный момент. И порою кажется, что рука, с помощью которой на бумажном листе появляются ровные строки буковок, идей, мыслей, далеко не всегда таких ровных, живет сама по себе... Как объяснить ту силу, которая срывает тебя с насиженного места словно ураган и бросает тебя туда, где есть листок бумаги и ручка, чтобы записать какую-то мысль, отрывок — неважно, что именно и какого оно объема, даже если это пара слов. Ей не интересно, устал ты или нет, входит ли подобная деятельность в твои планы или даже не предполагается, считаешь ли ты эту мысль достойной того, чтобы представить современникам и оставить в наследство будущим поколениям, или считаешь ничтожно малой для того, чтобы бросить дела и взяться за ручку. Ты просто идешь и пишешь. Спонтанность? Интуиция? Наитие? Озарение? Сумасшествие? Творчество. Это и есть невозможность не писать. И труд, и муза.

Глупо бороться с возможностью выразить себя, упираться рогами, предпочитая эту самую возможность делам более прозаическим, каждодневным. Еще глупее было бы думать, что только так и можно писать, мол, «Не навестила муза — не пишу ни строчки». Быть писателем — это не значит, что нужно валяться с умным видом на диване, разглядывая потолок, и размышлять о судьбах русской революции (для разнообразия можно бы и французскую вспомнить), мнить из себя непризнанного гения и писать по две строчки в пятилетку. Писательская стезя, как и любая другая — это труд, постоянный труд над собой, а значит, усилие, воля и желание. Бесплезно ждать появления капризной барышни — Ее Величества Музы — в виду чрезмерно испорченного характера она редко является к тому, кто жаждет ее появления, чаще к тому, кто не ждет — она просто обожает неожиданности! Что ей стоит, к примеру, явиться к вам, когда вы страстно мечтаете завалиться в кровать и уснуть, вы уже обнимаете любимую подушку, и тут приходит она! Можно, конечно, наивно попытаться уснуть и с музой, да только сон ваш как рукой снимет уже через несколько минут, ну что тут остается делать? Дать своей душе высказаться! Или представьте такую картину: вы отдыхаете на природе, наслаждаясь общением, запахами загадочного ночного леса, шелестом тихих волн залива... вдруг посреди всего этого блаженства к вам в голову закрадывается мысль о том, как спустя время вы будете описывать этот момент, эти ощущения, эти мысли. Подумав, что сей момент необходимо прожить до конца, дабы не разрушить его очарование (остановись, мгновенье, ты прекрасно! Но, остановившись, будет ли оно по-прежнему прекрасным?), вы не бросаетесь за ручкой, опять-таки наивно надеясь спокойно продолжить отдых. И вот вокруг вас все то же самое, а внутри, словно таинственная мозаика, буквы складываются в слова, слова в предложения, а те в свою очередь в абзацы... Что это, осознанность или сновидения наяву? Определенно, в этом есть что-то магическое, волшебное.

Умение, не всегда подкрепленное желанием, описывать то, что происходит в момент, когда все происходит. Репортаж с петлей на шее! Каждый пишущий немного Юлиус Фучик. Но как же иногда хочется отключить голову! И просто чувствовать, совершенно не думая о том, как потом ты будешь об этом писать, в каких выражениях и т.д. Легче выключить солнце, чем мысли в собственной голове. Она уйдет и не вернется?

Мистификация

Конечно, при о-очень большом желании музу можно прогнать: слишком долго равнодушия к своей персоне она терпеть не станет, тех, для кого она желанна всегда много. Постепенно она станет появляться все реже и реже, давая вам повод задуматься, а заодно и одуматься. В конце концов, поняв, что вы безнадежны, по крайней мере в данный момент, она и вовсе перестанет являться. Она исчезнет, оставив в вашей душе легкое чувство невысказанной грусти и ощущение чего-то невосполнимо утраченного. Иногда, в минуты душевного подъема или минуты горестей, вы будете вспоминать музу, смутно желая еще хотя бы раз почувствовать ее незримое присутствие. Увы. Впрочем, муза, как и все великие, великодушна, она даст вам шанс, и от того, сумеете ли вы им воспользоваться, зависит очень многое.

Те счастливики, которые не считают свою душу прекрасной птицей, что стоит запереть в клетке, радуются любой возможности выразить ее сущность, ее состояния, ее мысли. Поэтому для них каждый приход музы — это праздник радости и творчества, независимо от того, где тот их застал. С помощью труда со временем он приобретает название, которое носит один из романов Эрнеста Хэмингуэя — «Праздник, который всегда с тобой».

Казалось бы, что может быть проще, чем писать, для человека, временами одолеваемого таинственной музой, заставляющей его хвататься за ручку? Что может быть сложнее для него? Только те, кто пишет, знают, какими громадными порой бывают расстояния между головой, где рождаются мысли, и бумагой, на которую они должны быть положены. Порой они бывают непреодолимы — в один момент, и преодолимы — в другой. Кажется, что порой слова плавно стекаются по стержню ручки и вдруг по непонятной причине останавливаются на самом ее кончике. Вы прилагаете усилия, но безрезультатно, в какой-то момент ручку, словно водопад, прорывает, и слова льются на бумагу нескончаемым потоком, вы еле-еле поспеваете за ними. Управлять этим потоком нелегко.

Кто знает, почему временами бывает так трудно писать, почему то, что может быть и должно быть сказано, так и остается невысказанным. Как будто на этом промежутке — от головы до кончика ручки — расположились некие тайные силы, цель которых — подрывная деятельность в отношении вашего писательства. Вот как пишет об этом Ричард Бах: «Мне вовсе не нравится писать книги. Если я могу повернуться спиной к идее, которая притаилась в темноте, если я смогу избежать этого и не открыть ей дверь, я даже не потянусь к перу. Но иногда раздается взрыв, и летит стекло, кирпич, осколки сквозь переднюю стену, и кто-то или что-то осторожно подкрадывается по булыжнику, хватая меня за горло и тихо говорит: «Не отпущу тебя, пока не выскажешь меня словами на бумаге». Чтобы бороться с ними, и нужно волшебство — творчество! Когда человек занимается творчеством, он становится ближе к Богу, он постигает Вселенную, он учится понимать весь мир, чтобы в конечном итоге понять самого себя. И он понимает. Понимая сам, он объясняет законы мироздания другим, чтобы и другие люди могли приобщиться к великому, разделить с ним радость познания. Он открывает колоссальные возможности для себя и других, новые горизонты, новый мир, наполненный яркими красками, солнцем и любовью.

Ситуации, где, как тебе казалось, ты проиграл, вдруг начинаешь видеть в истинном свете: оказывается, ты выиграл, а не проиграл, и поведение — лучшее из имеющихся на данный момент. И таких вот моментов истины будет очень много, открытий, прозрений, инсайдов... Все впереди, но без желания быть искренним все это может остаться недостижимым.

Наше интимное писательство учит нас больше думать о жизни, о себе, об окружающих нас людях: мы — роботы, привыкшие жить в режиме автомата — машины, компьютеры, телевизоры, центры и т. д., стоит нажать кнопку, и все эти достижения цивилизации вновь унесут нас в мир высоких технологий, подальше от мыслей о мире, в котором мы живем, подальше от нас самих. Если не прятаться от самих себя за автоматами, то мы не разучимся думать, ведь мы проживаем свою жизнь, не так ли?

Пишите для себя, пишите так часто, как пожелаете, пишите радостно, от всего

сердца, искренне и до конца, пишете так, чтобы ручка прирастала к вашей руке и вы не могли остановиться. И каждый раз, когда вы пишете, дарите чистому листу бумаги, который так терпеливо принимает каждое ваше слово, частичку своей души, и тогда, возможно, именно по вашим мемуарам впоследствии историки будут составлять портрет эпохи, литераторы — писать диссертации о вашем необыкновенном стиле, преподаватели будут знакомить детей с вашими произведениями, которые в библиотеке будут помещены в разделе «Классика»...

Пишите, чтобы лучше понять окружающий мир, пишете, что понять и полюбить себя именно таким, каким создал вас Бог... Пишите, наконец, чтобы узнать, что вы думаете (ведь вы же еще думаете, правда?).

Впрочем, я не настаиваю — у каждого свой способ самовыражения. В конце концов, это же мой дневник.

Евгений Апарцин

г. Новосибирск

ЖИЗНЬ

Все идет своим чередом...

Ю. Шевчук

Все шло в обычном ритме: на улице наблюдалась переменная облачность; по асфальтированной дорожке двора скребся дворник; недавно покрашенные качели, как всегда, были оккупированы детворой; старые скамейки и сломанная карусель уже привлекали внимание любителей выпить; по аллее и прилегающей к ним детским площадкам бродили мамы и бабушки с детьми от грудных до шестиклассников; здесь же вышагивали несознательные владельцы собак со своими питомцами, гадящими где попало, но, к вящему успокоению своих хозяев, недалеко от дома, что не требует от вышеупомянутых хозяев излишнего перенапряжения мускулов; на небольшом стадиончике, спрятавшемся за кустами и забором, тренировались дворовые футболисты; мяч то и дело перелетал через забор, шлепаясь на собак и детей; двор между двумя домами был тенист; над двором витали запахи кофе, горелого и гудрона; на крыльце подъезда сидели уже «хорошие» сантехники; по крыше дома напротив ходили кошки и два кровельщика; из окна третьего этажа выбросили какой-то мусор; две женщины лошадиного телосложения выхлопывали ковер на турнике; бабушка и внучка поливали из лейки и бутылки цветы и укроп на балконе; житель девятого этажа стоял у окна и смотрел в небо; тень от тополя колыхалась на траве; вокруг песочницы бегали три блохастые собаки; вода из упавшей из рук девочки, поливавшей укроп, бутылки повергла в уныние ужравшихся вдрабадан сантехников, сидевших на ступенях крыльца; мальчик и девочка стояли в песочнице и, раскрыв рты, слушали гул самолета; на веревке сушилось белье; издали доносился мат; бригада дорожников, кладущих асфальт, перекрыла половину улицы Лермонтова; в город прибыла электричка из Слюдянки и поезд из Наушек; по новой и старой набережным прогуливались пары; на острове Юность молодой человек читал девушке стихи; к пристани причаливала «Ракета» из Нижнеангарска; на пляжах в Солнечном и в Ершах в воде плескались дети; на пересечении улиц Маяковского и Джамбула столкнулись две маршрутки; на Ангарском мосту сошел с рельсов трамвай; энергетики приоткрыли шлюзы плотины ГЭС; над Ангарой кружились чайки; на рынке «Фортуна» маляр Спиридонов купил ведро краски и два валика; четверо мойщиков мыли окна здания городской думы; муж-

Мистификация

чина презентабельного вида зажег свечку и сигарету от Вечного огня; монтеры из Иркутскгорсвета ремонтировали контактную сеть около троллейбусного депо; со взлетной полосы городского аэропорта взлетел самолет, выполняющий рейс № 777 до Москвы; около школы в Академгородке на клумбе росли однолетние георгины и бархатцы; на улице Трилиссера перегорел светодиодный светофор; по шоссе М-55 в сторону Шелехова двигалась «Газель» темно-синего цвета; через о/п «Кая» громыхал грузовой состав с нефтью; на берегу Курминского залива стоял рыбак со спинингом; в маленьком скверике играли в шахматы и домино; около дачного домика сидел человек с гитарой и писал песню; Хлыстов спал; в пабе «Ливерпуль» выпили пива и колы; над фонтаном «Микрохирургии глаза» летали ласточки; на Шанхайке кого-то послали к чертовой матери; на Партизанской торговали велосипедами и книгами; около памятника не особо волосатому человеку сидели очень грустные художники; в ТюЗе репетировали спектакль; за Ушаковкой стоял новый памятник; по стране шли дожди; просторы страны побеждали поезда № 44 «Москва-Хабаровск», № 87 «Нерюнгри-Новосибирск», № 11 «Сочи-Москва», № 1 «Владивосток-Москва» и другие; на уральских заводах добывали железную руду; в Институте катализа Новосибирского научного центра разбили пробирку; во Владивостоке добыли краба; в порт Калининграда пришел сухогруз из Стокгольма; на Адмиралтейских верфях в Санкт-Петербурге спустили на воду подводную лодку; в Кургане сделали уникальную хирургическую операцию; в Липецке погасла электрическая дуга; трое рабочих чистили кремлевские звезды; в Улан-Удэ кто-то упал с моста; марафонцы Великого Русского пути пробежали Тюмень; в Уфе кого-то побили; в порт Тикси пришел танкер с мазутом; в Хабаровске старушка поливала помидоры на даче; в Нижневартовске заменили перегоревшую лампочку; по улицам Элисты проехала телега; в Магаданской области валили лес; домохозяйка из Усть-Кута прошла из спальни в ванную комнату; железнодорожник из Волхова поехал в отпуск; в общежитии ГГФ НГУ протрезвел студент Сысоев; в одной из квартир сахалинской пятиэтажки включили свет на кухне; по трассе М-4 кто-то ехал домой; в Тынде ели клюкву, а пенсионер из Ростова с большим удовольствием съел лимон с солью; амурские пограничники задержали китайского шпиона; где-то спали, а в Мурманске ели; иммигрант из Узбекистана Иванов случайно разбил окно в своей квартире; в Чикаго упала люстра; в Анкаре туристу из Германии продали амулет от сглаза; в Багдаде взорвали два автомобиля; врач из Парижа бросил в урну жвачку; мадридский полицейский перевелся на работу в Барселону; очень умный человек из американского Санкт-Петербурга весьма удивился, узнав о существовании города с аналогичным названием в России; в аэропорту Ларнаки (Кипр) приземлился самолет из Москвы; министр обороны США с очень сосредоточенным видом тыкал пальцем в глобус; профессор Сорбонны очень удивил профессора Оксфорда, случайно написав четверку вверх ногами; в отеле Royal Wing (Паттайя, Таиланд) потеряли чемодан; чудак из Каира купил бутылку воды; два человека сидели и смотрели на фикус, и еще один — на пальму, а еще двое — на фейхоа и банан; в Рио-де-Жанейро спели песню; где-то срезали букет гербер; два немца ехали на «газике» по Подмосковью; в одном из лучших отелей Турции вытряхнули пепельницу;

три человека сидели и молчали;

два ребенка кричали;

кто-то смотрел вперед, стоя на судне, —

так выглядел мир в три часа пополудни.

ПОСЛЕДНЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ

Колесом по небу катится
Вечное солнце,
Ветхое солнце,
Стылое...

Л. Андрулайтис

— Вы полагаете, стоит?

— Да, граф, война необходима. Народ волнуется. Нам необходимо отвлечь внимание народа с внутренних проблем на внешние.

— А вам не кажется, что было бы правильнее вместо трат на военные нужды направить средства на проведение реформ?

— Вы же знаете Государя, он не отважится проводить рискованные реформы...

— Но вы же понимаете, что это — благо для страны!

— Я понимаю. Но вы же знаете Государя...

В 1903 году в Российской империи сложилась странная ситуация. Народ, интеллигенция, буржуазия, наконец новые агрессивные политические силы требовали от руководства Империи провести необходимые реформы с целью вывести страну из кризиса.

С другой стороны, император и близкие к нему политики в Петербурге боялись проведения реформ.

Боязнь нового захлестывала Двор. Голоса смелых, сильных, умных политиков были слышны все слабее и слабее.

Императору приносили проекты реформ. Николай отвечал: «Мы это обсудим», происходило непродолжительное обсуждение, и реформы тихо сворачивались. Почему? Над всеми реформами в Империи парила, взмахивая пахнущими порохом и селитрой крыльями, судьба несчастного деда нынешнего императора, великого Александра Второго Освободителя.

Напряжение в Империи росло, а Зимний дворец по-прежнему пребывал в тихой меланхолии. А потом — приперло. Когда стало ясно, что без реформ уже не обойтись, граф С.Ю.Витте добился аудиенции у императора.

— Ваше Императорское Величество, я все же настаиваю на необходимости принятия конституции.

— А знаете, граф, что по этому поводу говорил мой августейший дед? Он говорил так: «Какую угодно конституцию, если бы я был уверен, что Россия не разлетится на тысячу кусков!». Я не могу так рисковать. Если я послушаюсь вас и приму конституцию, Россия разлетится сразу же!

— Ваше Величество, если уж вы отказываетесь от конституции, говоря словами вашего августейшего деда, следуйте за ним и далее: возобновите хотя бы некоторые реформы!

— Граф, моего деда убили за эти реформы!

— Его убила кучка избалованных реформами Геростратов!

— Вы думаете, они исчезли за двадцать лет?

— Ваше Величество, если вы идете за своим дедом, идите до конца!

Император промолчал.

Положение страны ухудшалось с каждым месяцем. Зимний дворец по-прежнему молчал.

Сторонники реформ требовали перемен, консерваторы советовали обойтись незначительными преобразованиями, а нерешительный император, как буриданов осел между двух стогов, не знал, кому отдать предпочтение...

И в это время, когда император колебался, и вместе с ним вся империя засела, как телега в грязи, некое изобретательное лицо подсказало правителям идею, показавшуюся консервативному Двору гениальной.

Митинаторы

Идея развязать маленькую, но победоносную войну весьма понравилась императору. Взвесив и обдумав это предложение, он собрал министров.

— Господа министры, поймите, короткая победоносная война не только отвлечет помыслы народа от беспочвенных мечтаний, не только отвратит народ от новых политических веяний, но и покажет всему миру, что Россия — это великая военная держава!

Спорное предложение вызвало недоумение правительства. Императора подержал военный министр Куропаткин.

— У России достаточно сил, чтобы вести даже длительную войну на истощение, — сказал он, — а на короткую кампанию — тем более!

Кабинет молчал. Возразил только один: министр-реформатор Витте:

— Для ведения боевых действий у нас недостаточно средств. К тому же, чем расходовать деньги впустую, производя оружие, не лучше было бы пустить их на обеспечение реформ, которые могут принести Империи процветание, но не проводятся из-за инертности Двора!

Это было оскорблением. Все это понимали. Но сейчас речь шла не о консервативности или прогрессивности Двора, а о принципиальном вопросе — о стратегии развития страны на годы вперед.

— Русская армия — самая славная армия в истории! — кричал Куропаткин, выкатив глаза, — а здесь перед нами будет, слава Богу, не Наполеон. Мы победим! Не сомневайтесь, Ваше Императорское Величество, русская армия не может проиграть эту войну!

— Хорошо, — ответил Витте, — позвольте тогда спросить вас: с кем же мы будем воевать?

На этот вопрос ответа еще не было...

План войны с Персией был готов через месяц. Россия определилась с выбором стратегии: конституция принята не была, реформ запланировано не было, средства решено было пустить на военные нужды.

За четыре дня до приказа о разработке плана кампании Николай Александрович вызвал к себе военного министра Куропаткина и министра широкого профиля С. Ю. Витте. Вызвал, чтобы узнать, с кем же воевать России.

— Ваше Величество, — начал Куропаткин, — считаю, что цель нашей кампании должна быть рядом, но не в Европе — европейские армии хорошо вооружены и объединятся против нас в случае войны.

— Хорошо, что вы предлагаете? — спросил Николай

— Я предлагаю воевать с Персией, — ответил военный министр. — Можно, конечно, воевать с Японией или с горцами на Кавказе, но я считаю, что хороший резонанс внутри страны вызовет война именно против Персии. Персидские войны уже были в истории, и они были успешны для нас. С горцами мы воевали с переменным успехом. А Япония... Что это за Япония такая? Откуда она взялась? Никто ее не знает, никого она не интересует; народ не заинтересуется войной против неизвестной страны.

— Я считаю, что наша армия сейчас воевать не готова, — возразил Витте, — наша армия слишком слабо вооружена, слишком старо оружие, чтобы успешно воевать. Нам необходимо прежде перевооружить армию... Наши транспортные мощности не готовы нести такие нагрузки... Я предлагаю: отказаться от войны. Или хотя бы отложить ее.

К мнению мудрого Витте не прислушались:

— Наша армия побеждала куда более мощных врагов! Персия нам не противник! — вскричал министр Куропаткин, и дело решилось.

План войны с Персией был готов через месяц... Через день после завершения плана состоялось его окончательное обсуждение. Планировщики продумали все.

— А каков будет casus belli? — спросил император.

— Разведка займется его подготовкой после утверждения плана. План был хорош. С этим согласился даже Витте.

— Ваше Величество, что бы вы ни предлагали, пускай я даже с вашим решени-

ем и не согласен, но я, как истинный патриот России, сделаю все для содействия его исполнению.

— Именно поэтому я и прошу вас, граф, согласиться с этим решением и помочь, всеми своими силами помочь его осуществлению...

И реформатор согласился. Участь Персии была решена.

— Я должен последний раз все обдумать, — сказал император. — Утверждение плана я переношу на завтра. Завтра я подпишу его.

Над Петербургом стояла ночь. Тихая, спокойная лунная ночь. Полная луна будто бы пролетела сквозь арку Главного штаба и теперь сияла, казалось, над самой головой ангела на вершине Александрийского столпа или над шпилем Петропавловской крепости, изредка закрываемая легкими облачками.

Николай не спал. Свет луны не давал императору спать, проникая даже через задернутые шторы.

Но не только луна не давала покоя властителю Империи. Империя стояла на пороге перемен: перемен неизбежных, неотвратимых, и Николай это понимал.

Он чувствовал в себе страх... Страх перед будущим, перед министрами, перед народом, перед этой луной, в конце концов... Он боялся, но твердо решил стоять на своем: принести Российской Империи счастье так, как он считал нужным.

Николай уснул за три часа до рассвета.

И снилось ему, что взлетел он над Дворцовой площадью, над Петербургом, над Россией и полетел. Снилось ему, что летит он над Россией, а под ним плывут леса, поля, города, реки, озера, горы, снега и города, города, города...

И все эти города будут счастливы, и народ их будет счастлив, и вся Россия будет счастлива его трудами.

И снилось ему, что летит он над Россией, летит на восток.

И снилось ему, что кончается ночь, и на востоке всходит солнце.

И снилось ему, что летит он к этому кроваво-красному солнцу и знает, что оно сделает счастливой всю Империю, и все народы будут счастливы его стараниями.

И летел он, летел на это солнце, и, чем дальше он летел, тем счастливее становилась Россия, тем веселее становился народ. А он все летел, летел на это встающее из-за горизонта ярко-красное солнце...

Наутро собрался военный совет.

Николай еще раз прочитал текст плана персидской кампании.

— Я согласен, — сказал он, — план хороший. Я сделаю одно, последнее изменение. Воевать мы будем с Японией.

МОНОЛОГ ДУШИ

И вот я умер. Чем бы мне заняться?

М. Светлов

Нет, никакими мучениями не изжить в человеке его души! Не вытравить из тела человеческого то, чем он, собственно и живет: его сознание, его чувства, его душу. И пускай тело мое умерщвлено, изрублено на куски и закопано в некоей безвестной яме, я еще пока жив. Ну, не весь я, но часть моя, та, что именуется душой, пока еще живет. Материалисты полагают, что при смерти человека жизнь в нем прекращается. И даже в этом они ошибаются: их же наука говорит, что мозг живет еще 9 минут, конечности можно оживить и через 2 часа, а сердце само бьется еще минут десять... Речь, конечно не о теле, но есть ведь еще и душа, которая тоже остается жить после смерти человека.

Вы полагаете, что, убив тело, вы убьете и его душу? Вы полагаете, что с прекращением жизнедеятельности субстанция, именуемая душой, оставит горку

Михаилов

бренного мяса и отправится странствовать по свету? Или вы полагаете, что она исчезнет вместе с деятельностью мозга?

Что вы смотрите на меня со страниц многовековых книг? Что вы изучаете, смотря на меня окулярами новых статей? Вы полагаете, я дам вам ответ?

Нет, уважаемые лауреаты, доктора, профессора, умные кандидаты и безусые мэнээсы, вы очень сильно ошибаетесь! Не могу я дать вам четкого ответа на ваш извечный вопрос: что есть душа и где она в человеке. Не могу.

Не могу отчасти потому, что сам не очень давно пребываю в данной ипостаси.

Каждый из нас не сразу осваивается на новом месте. Я тоже еще не освоился.

Вы думаете, так просто воспарить аки птица над землей, бесплотной тенью созерцая мир? Летать себе над землей, смотреть по сторонам и изредка подвывать по ночам в пустом доме либо над останками бывшего своего тела?

Ага, щас! Душа, господа (или товарищи), — это не такая простая штука, как вы ее себе представляли! Чтоб выть по коридорам, большого ума не надо. Этим занимаются совсем съехавшие с катушек берсерки. Только они, кстати, и задерживаются здесь на время. Остальные, насколько я знаю, уходят быстро...

Я даже не знаю, что лучше: бродить по земле неприкаянной душой и выть по подвалам, но быть на земле, между живых, или уйти в небытие, но собой, порядочным, нормальным человеком... Или душой его, что, в принципе, как я вижу сейчас, не имеет особого различия между собой.

Посмотрите на мир глазами трансцендентного существа! Посмотрите, и вы увидите, что на самом деле мир совсем другой, нежели его видят живые.

Посмотрите-посмотрите!

В мире, где единственной ценностью является добро, любое проявление зла со стороны внешнего мира должно быть и будет наказано. Потом. Но не сейчас. Ибо кому это нужно: сейчас карать внешний (или наоборот, внутренний) мир (живых) за те поступки, последствия которых могут быть (и будут, уверяю вас!) исправлены. Зачем карать людей за то, что они получают бесценный опыт — опыт ошибок — самый лучший и самый верный опыт...

Поэтому никто этим и не занимается. Только берсерки-полтергейсты изредка ходят по земле, наводя суеверный ужас на обывателей...

Только изредка умрет человек странной смертью безо всяких предпосылок...

После смерти человека его душа еще живет. Некоторое время. Ей дается последняя возможность увидеть жизнь людей, увидеть то, чего не удалось увидеть ей в земной жизни.

А все души, как правило, летят в родной дом. Впрочем, я их вполне понимаю. Я тоже хотел так поступить. А потом решил найти ответ на извечный вопрос, терзавший многих веками... Он и меня терзал... там, в прошлой, земной жизни. Что является высшей ценностью цивилизации? Личности? Любого конкретного и абстрактного человека?

И я нашел. Мне даже не пришлось для этого далеко идти. Эта простая истина написана здесь повсюду большими транспарантными буквами. Она повсюду.

Она не только здесь, она повсюду и в земном мире. В каждой больнице, в каждой школе, детском саду. В каждом доме, где еще сохраняются добрые семейные отношения. Она в глазах каждой матери, каждого ребенка...

Добро. Оно и только оно — стабилизатор развития человека. Куда бы сейчас ушел технический прогресс, если бы не было Добра! Трудно даже представить, какой бы сейчас использовался транспорт, какие источники энергии. Трудно представить, на каких задворках Вселенной жили бы сейчас люди... Но кем бы они тогда были? Людьями ли?

Добро держит прогресс на месте, ибо прогресс портит людей, плодит зло.

У человечества есть выбор: достичь вершин прогресса и погибнуть на этих вершинах без чувства Добра, бездушными машинами или жить людьями, но так, как жили многие и многие поколения до сегодняшнего дня. Почему-то человек всегда выбирает прогресс... Что ж, его дело. Но, по большому счету, выбор его ничего не решает.

Выбор делаем мы. А сотни и сотни миллиардов живших до нас всегда сильнее шести миллиардов, живущих сейчас...

И сила — за нами!

Вы полагаете, что, убив тело, вы убьете и его душу? Что душа канет в небытие? И правильно полагаете. Канет. Но, прежде чем кануть, она еще внесет свой вклад в развитие земного мира. Она — за Добро. Душа — за Добро. Я — за Добро. Все мы — за Добро.

А значит — человечеству жить!

Однако мне пора. Меня зовут.

Я уйду в небытие. Останется лишь то, во что мы все верим.

Добро во имя Жизни...

Алексей Жевлаков

г. Иркутск, ИГУ

СТУЛ

Давайте осмотрим эту комнату.

Обои оборваны, на полу лежит несколько оторванных досок. В углу висит тряпка, которая накрывает скульптуру женщины. Возле стены около окна стоит стол. На нем лежит куча разорванной бумаги и строительный мастерок. Посередине комнаты стоит стул. Он весь обшаркан и исцарапан. Что же с ним случилось? Как он попал и докатился до такого состояния. Как? Давайте спросим об этом у самого стула.

— Что я вам могу сказать? Собственно, ничего.

Сделали меня на мебельной фабрике. Выпустили и отправили в магазин ждать своего счастья. Счастья пришлось ждать долго. Оно не шло. Потом пришел солидный гражданин и купил меня. Стоил я недорого, но выглядел превосходно.

Вот я переехал в дом на Арбате. (Да, я забыл упомянуть: я — **КОРЕННОЙ МОСКВИЧ**.) Поставили меня в зале возле журнального столика, очень приятный был сосед. Сидели на мне и читали газеты, книги и разную другую литературу. Жил я себе припеваючи. Мыли меня каждый месяц, полировали спинку. Делали массаж.

Пришлось, правда, моему хозяину переезжать. Ехать нужно было далеко, и меня, а точнее нас (всю мебель), пришлось продавать. И вот я снова жду свое счастье. Журнальный столик уже купили, а я остался. Оно не шло.

Тут в магазине появился человек в зеленом пиджаке и в ярко-пурпурной кепке. Он-то меня и купил. Жить, или, точнее, существовать, я переехал не знаю в какой район. Я был завернут, когда меня везли. Чудак этот оказался пьяницей. Пил он часто, или, точнее, редко был трезв. К нему приходили гости, и они начинали петь. Пели паршиво, но им нравилось. Чудачный был народ!

Однажды мне врезали по ноге. Правильнее будет сказать, что мной съездили кому-то по голове. Везде была кровь, и человека в зеленом костюме увезли люди в синих мундирах.

Я был один. Комната была пуста. Она и сейчас пуста. Но все же вечером приходит мой друг, студент, садится и лепит женщину. Он студент и днем учится. Он хочет прорваться в люди, быть хоть кому-нибудь полезным. Я же пытаюсь ему помочь. Но что я могу?

Видимо, ему нравится стоять здесь. Давайте не будем ему мешать.

Митяшорья

Страна поэзии

Надежда Топоркова

г. Рыбинск

* * *

Тебе поведав детские мечты,
В словах твоих такие слышу ноты,
Как будто навестить больного ты
Пришел в судьбу мою: твои черты
Исполнены заботы.

О, не жалею о том, что решено, —
Твои слова летят, отогревая
Все наугад сердца. И пусть одно
Опалено и ждать обречено
Спасенья, как трамвая...

Спасибо, друг. Я из твоих даров
Возьму лишь память. Мне не нужно много.
Пока живет сложнейший из миров, —
Жизнь, время, смерть — о, сколько докторов
Для одного больного...

* * *

Заря отсияла в ненужном сердце —
Стало темно.
Какой же там реквием — просто скерцо.
Правда, смешно?

До мрака в глазах, не до слез, зачем же:
Плакать нет сил.
Как жизнь веселится — улыбки жемчуг
Всех ослепил.

Не светится сердце — плохой фонарик,
Сдулся, ха-ха.
А жизнь весела, как воздушный шарик,
Жаль, коротка...

Зима несравненно длинней, чем осень:
Хватит на всех.
А сломанный этот фонарик — бросить
Людам на смех...

* * *

Вот и настал, без предвидений разных,
День долгожданный — мой будущий праздник:

Двадцать второе. Среда. Ничего
Не сочиняли, а старые роли
Слепо твердили. И не было боли —
Были одни лишь смешные пароли.
Взгляда пытались достичь твоего

Лица, улыбки, цветные пальто...
— Можно, я буду твоею Никто,

Чистой страницей, чтоб перелистнуть,
Ноликом, молча несущим свой крестик? —
Так я просила о собственном месте
В жизни твоей... И хорошие вести
Не задержались: «Пожалуйста — будь».

* * *

Предосеннего города краткое грустное скерцо
«Олененок ручной, ты зачем притворяешься диким?» —
На прощание взгляд твой сказал мне, смеясь сквозь ресницы.
Твой покинутый север в моем отражается сердце,
В этих черных глазах... Я прошу, обещаю не присниться,
Если в городе маленьком нашем, под небом великим,

Мы с тобою не встретимся больше. И в путь свой свободный
Не бери эту память — она помешает забытья,
Помешает в чужие прекрасные очи смотретья,
В бирюзовое море, в речные спокойные воды...
Будешь видеть в тоске, сквозь чужие прекрасные лица,
Тот же берег родной, что в моем отражается сердце...

* * *

«Я птица — не зверек и не дитя:
Зачем тебе играть со мной, шутя?

Оставь меня, веселый птицелов,
Я все равно твоих не знаю слов.

Тебе ж такие песни не нужны —
Они совсем напрасны и нежны.

Пожалуйста, верни меня в мой дом —
В листву над заболоченным прудом.

Там ждут меня родные соловьи
И помнят песни вольные мои.

Там шелест листьев, колыханье крыл...»
Он, не дослушав, клетку мне открыл.

И, лучезарной радости полна,
Я выпорхнула в небо из окна.

С тех пор не покидаю милый дом
В листве над заболоченным прудом.

Но почему-то на исходе дня
Так больно бьется сердце у меня...

И думают беспечные друзья,
Что я пою... а это плачу я.

* * *

Только Господь в кружении дней —
Врач нашей муки.
Не удержали жизни моей
Милые руки.

В сердце лишь осень: ветер и боль
Раненых листьев.
Вновь о тебе я, но не с тобой
Буду молиться.

И принимать в ответ на мольбы
В вечер Прощенья
Горький подарок мудрой судьбы —
Миг отпущенья...

* * *

Боль непрощенная. Даль багряная.
Встреча холодная и простая.
Стынет земля незажившей раной.
Утром спасительный снег растаял.

Ты ли пришел в этот час нечаянный?
В холоде сердце и грусть — в улыбке,
Взгляд твой осенний, навек раскаянный,
Голос такой же осенний, зыбкий...

Нет. Это только времен прощание.
Это лишь листья, ища покоя,
Словно забытые обещания,
Над потемневшей летят рекою.

Юлия Подгорбунская

г. Иркутск

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Берет разбег зима, все замело,
Искрится снег огнем алмазной пыли,
Звук приглушен, все тихо и светло,
Снежинок редких звездочки поплыли,

Бросают отсвет редкие огни,
И в свете их кружатся в хороводе
Снежинки, пляшут и поют они
Беззвучный гимн красавице-природе.

Ночных небес, как бархат, тяжела
Густая синь, и широко раскрылась
Тетрадь зимы, в какую не внесла
Еще свой росчерк стая сизокрылых,

Еще никто не пролагал свой след,
И, от крыльца раскинув покрывало,
Зима укрыла снегом тяжесть лет,
Что старый дом всю осень угнетала.

Все, как во сне, все скоро лед скует,
Как долго, долго ждать теперь капли...
Как свет и тень, обманчиво придет
Предчувствие декабрьской метели.

ЗВЕЗДЫ

Как темно небо, и как звезды ясны,
Как далеко от нас, но как прекрасны
Их светлые и чистые глаза!
Блестит в траве вечерняя роса,

Из окон дома мягкий свет течет...
И я склонюсь на мамино плечо,
И заблужусь в прозрачных небесах,
В их звездных и неведомых лесах,

Услышу о Вселенной я рассказ,
Что есть гроза, узнаю в первый раз,
И что есть радуга, и что Земля кругла...
Когда б туда вернуться я могла!

Туда, где лето вечно, словно звезды,
Где нет зимы, и где темнеет поздно,
Где тополь, словно гордый великан,
Вознес вершину в звездный океан.

Стихотворения

Я, может быть, еще вернусь туда,
Где над черемухой чуть-чуть дрожит звезда,
И черпает из чаши неземной
Небесный ковшик звезды надо мной.

И, словно в детстве, поплывут вдали
И мой рассвет, и ночь моей Земли,
И, как в траве, серебряной от рос,
Я заблужусь опять в скопление звезд,

Но, словно в детстве, я опять найду
На небесах Полярную звезду,
И скажет мама мне в полночный час:
«Все звезды мира далеко от нас!

И от Земли до них лететь года,
Вселенной нет предела никогда!»
Ладонь Вселенной, Вечности ладонь —
Крыльцо родного дома — в час ночной

Вновь убаюкает меня; была пора,
Когда шуршала от ветров трава,
Когда еще мне было только шесть,
Когда я думала, что мир прекрасен весь...

В ДОЛИНЕ

Светла от солнца пыльная дорога,
Здесь жизнь течет сегодня, как вчера;
С начала мира до конца немного —
Чуть дольше, чем от ночи до утра.

А солнца свет пронизывает воздух,
И музыка, прозрачнее, чем сон,
Неся в себе печаль признаний поздних,
Опять плывет из сумрака времен.

Века проходят... Шаг их незаметен.
Нетороплив, размерен быт людей...
Пусть нам любовь теперь как солнце светит
И музыка, как эхо, вторит ей —

Где солнца луч в долине угасает,
Где счастья не потеряны ключи,
Где незаметно горы тень бросают
На камни, что от солнца горячи.

Пусть той мелодии внимает синий вечер,
И это небо в сумеречный час,
И пусть любовь от встречи и до встречи
Незримой нитью связывает нас...

* * *

Со мною ты — смотрю в твои глаза,
Я, дочь лесов, с тобою, как в пустыне,
И отражается небес голубизна
И глубь озер в той васильковой сини.

Дуб вековой шатер раскинул свой,
Птиц перелетных снова слышен крик...
Когда ты не со мной, любимый мой,
Сквозь лик природы вижу я твой лик.

Уже три года в Ленинском районе г. Иркутска проходит окружной литературный фестиваль «Иннокентьевские звездочки». В 2005 году в нем приняли участие ученики из 10 школ Ленинского округа. Мы поздравляем победителей конкурса и в этом выпуске альманаха публикуем их произведения.

Кристина Удоденко

г. Иркутск, школа № 34, 4 класс

Лауреат окружного литературного фестиваля «Иннокентьевские звездочки»

МОЙ ГОРОД

Я в Иркутске родилась,
В городе сибирском.
И мечта моя сбылась
В крае богатырском.

Люди ездят на Байкал
Посмотреть на чудо,
Как стоит он среди скал,
Скоро я там буду.

Я спущусь к воде одна
И умою руки.
Мне байкальская волна
Свежесть даст и звуки.

И когда вернусь в Иркутск,
Долго помнить буду
Этот звук и этот спуск —
Их я не забуду.

А в Иркутске — звон церкви,
Осень разыгралась.
Проводила журавлей,
А сама осталась.

Кристина Удоденко

Анна Юрмина

г. Иркутск, школа № 42, 11 класс

Лауреат окружного литературного
фестиваля «Иннокентьевские звездочки»

* * *

Только в небе истина одна,
Самая простейшая на свете,
Я очнулась, словно ото сна,
И я точно знаю, уж поверьте.

Суэта и сплетен разных круг
Не изменят ценностей обычных...
Иметь можно множество подруг,
Но из них всего лишь двух приличных.

А любовь... Ее уже всегда
Сложно в мире лживости заметить...
Я очнулась, словно ото сна,
И я точно знаю, уж поверьте...

Только город мой, такой родной
В шуме блеска, золотом свечении
Позаботится о мне одной
И подарит верное решение.

Слышу я: дает подсказку мне,
Успокоив каплей вдохновения.
И мечтой о новом светлом дне
Начинаю я перерождение.

Блеск столицы, вихрь городов
Навевает на душу сомненья:
«Ах, как жаль: не покорен Ростов,
Питер, Новгород, другие, к сожаленью.

Ах, мой город! В нем мне места нет!
Здесь моя душа бесцельно вянет.
Хватит! Я куплю себе билет
В другой мир. Мне там светлее станет».

В новых веяньях на злобу дня
Все забыли об особом чувстве —
Знаете, ведь я была б не я,
Если бы не родилась в Иркутске!

Анна Курупанова

г. Иркутск, школа № 36, 11 класс

Лауреат окружного литературного
фестиваля «Иннокентьевские звездочки»

ОСЕНЬ НА УЛИЦАХ НАШИХ

Холодная осень. Дождливый октябрь.
Ветер пронзает насквозь.
Взойдет на порог, постучится ноябрь
С застывшими каплями слез.

Наш двор опустел. Тишина на Центральной,
Лишь ветер гуляет один.
Дарит октябрь взгляд свой прощальный,
Ноябрь теперь господин.

Холодное утро. Морозная ночь.
В рощах и в сердце стужа.
Нет больше тепла. Умчалось прочь.
Лед и в глазах, и в лужах.

Холодно очень. Двор опустел.
И не звенит гитара.
Октябрь прощальную песню допел.
Октябрь и Ноябрь — не пара.

Ксения Кожевникова

г. Иркутск, школа № 7, 6 класс

Лауреат окружного литературного
фестиваля «Иннокентьевские звездочки»

ЖИЗНЬ

Когда приходит ночь — все засыпает с закатом.
Когда приходит день — уснувшее вновь оживает.
Когда приходит жизнь — ты весел и свеж.
Когда приходит смерть — приходит тоска.
Когда приходит любовь — не бессмыслен мир.
Когда приходит разлука — не забывай писать.
Когда приходит удача — жизнь бьет ключом.
Когда приходит разочарование — забудь.
Что бы с тобой ни случилось — живи!

Мария Горелик

г. Иркутск, школа № 30, 7 класс

Лауреат окружного литературного
фестиваля «Ильинские звездочки»

КУСОЧЕК ТЕПЛА

Однажды, возвратившись с Байкала, мама подарила мне какой-то камень неправильной формы с глянцевыми округлыми гранями. В этом камне я не увидела ничего необычного. Я лишь удивилась: «Какой скрипиз заключается в этом камешке со странным названием «яшма»?» Мама усмехнулась, увидев мое недовольное лицо, усадила меня рядом с собой и начала рассказывать о своей страсти к каменным сокровищам Земли.

— Зеленые нефриты, розовые турмалины, фиолетовые чариты веками впитывали в себя красоту и богатство сибирских недр, — начала она. — Но яшма — необыкновенный минерал. Его окраска так разнообразна и богата, что иногда невозможно узнать его: желтая, красная, пятнистая, полосатая, пестро-цветная ситцевая и парчовая, пейзажная яшма поражает своим многообразием, — рассказывала мама.

Мне захотелось прикоснуться к этому кусочку природы. Я взяла в руки яшму и почувствовала холод и тяжесть камня. Но когда мои ладони открыли его, в мертвом камне ожили все краски осенней природы. Теплые солнечные лучи побежали по склонам гор. Извилистая тропинка повела меня в ущелье, где среди голых деревьев лишь лиственницы еще хранили теплые краски лета. Красные, зеленые, желтые, розовые, оранжевые камешки шуршали под ногами. Под лучами солнца они становились ярче и веселее...

— В пасмурную дождливую погоду, в снежную зимнюю вьюгу, когда тебе будет трудно и плохо, возьми этот камень и согрей его теплом своих рук, а он согреет тебя своими ласковыми осенними пейзажами.

А я бережно уложила теплый камешек в свою шкатулку с любимыми талисманами и почувствовала, что еще один уголок моей души заполнится любовью.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Красивая дама в темно-синем бархате, усыпанном сверкающими алмазами, с вуалью на бледном лице вступает в свои владения...

Наступает зимняя ночь — самое загадочное время суток.

Я сажусь на белый подоконник и вглядываюсь в черную даль. Я знаю, по ту сторону темноты происходит все самое волшебное. Там поют ветры, танцуют метели, водят хороводы звезды, веселятся снежинки, морозы расписывают землю ледяными красками...

А с мрачного, пустого, как бездна, неба смотрит на меня одинокая луна. Ее удивленные глаза как будто пытаются заглянуть в мою душу.

Земля укутана пушистым бархатным покрывалом. Оно блестит от яркого света фонарей. Его украшают ажурным плетением тени хрупких берез.

Как удивительна природа: она дала нам день, чтобы понять ценность жизни, и ночь, чтобы познать свой внутренний мир...

Именно ночью я чувствую себя первооткрывателем, которому природа позволяет заглянуть за завесу своих тайн.

Анатолий Байборodin

Родился и вырос в забайкальском селе Сосново-Озёрск. После окончания Иркутского государственного университета (отделение журналистики) работал в сельских и областных газетах Восточной Сибири. С начала девяностых годов до начала нынешнего века — преподаватель Иркутского государственного университета (факультет филологии и журналистики). В настоящее время главный редактор альманаха народов Восточной Сибири «Созвездие дружбы».

Романы, повести, рассказы, художественно-публицистические и научно-популярные очерки печатались в московских и сибирских журналах и коллективных сборниках, а так же в Чехословакии, Германии, Франции.

Автор книг: «Старый покос», «Поздний сын» (роман), «Боже мой...» (роман), «Яко богиню землю нареки»

(очерки), «Воля» (повести, рассказы), «Русский месяцеслов» (обычаи, обряды, поверья, приметы русского народа), «Диво» (сибирские байки, сказы, рассказы).

Лауреат всероссийских литературных премий «Литературная Россия» (1979), «Традиция» (1995), «Отчий дом» имени братьев Кириевских» (1999), областных — имени святителя Иннокентия Иркутского (1997), Губернатора Иркутской области (2002). Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени Василия Шукшина (1999).

Член Союза писателей России. Живет в Иркутске.

ОТВЕРЖИ

Рассказ из исторического повествования

Писателю Владимиру Личутину

Всякое древо, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь.

Евангелие от Матфея, 7, 18-19

На мгlistой и кровавой заре двадцатого века забайкальские староверы-скрытники прятались от единоверского и семейного мира на таежном займище в вершине реки Уды, уверовав, что несть правды под небесами, что священство ныне у антихриста на побегушках... со дня на день явится и сам соблазнять о себе знаменьями да чудесами... и таились они по лесным падям, но робили не меньше деревенских и земель не по-

пускались, — драли целики на лесных елянях или творили залогии: повалив лес, выжигали, корчевали пни и в солоноватую от пота, но жирную пашню сеяли жито. Расчищенные елани мужики ласково величали Божьей пазухой, — молодая нива много лет щедро родила хлебушек. А коль жито сеяли, то и скотинешку держали. Но все лишь для некорыстного прокорма; большее время засевали промеж себя Слово Господне: во все

дни живота своего пребывали в молитве, усердно постились и бегали кобей бесовских — пианства, табака, блуда, слова поганого. Отсчитывая на деревянных четках, как начетчик выучил, твердили Боговы Слова, били лбы пред древними образами, слушали уставщика, который читал Священное Писание, дедами завещанное, неисправленное «никонианами погаными». Жили не для хлеба куса, заради самого Исуса¹, как и заповедывал Господь: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их». Не жили, конечно, по-птичь, кус мимо рта не проносили, хотя и не радели о земных сокровищах, ибо тлен, но — о небесных, ибо вечны, при этом хватко держались древлего чина: «Бесстрастие телесное имети, ступание кротко, глас умерен, слово благочинно, пищу и питье немятежно». Кто в земной юдоли взрастил себе крылья, — правил души святой Ефрем, — тот на небесах воспаряет горняя; кто здесь очистит ум свой, тот на небесах узрит славу Божию; в какой мере возлюбишь Бога, в той мере насытишься любовью Его.

А томился среди скрытников Сила Рыжаков, что, по словам стариков, с ума сдурел: на беду своей пахотной родовой напрочь отбился от земли и недолгую жизнь то таежничал, кормился с ружья, то в Забайкалье, на золотых Ципиканских приисках, искал, чего не терял, гонялся за фартом как угорелый, да так, горемычный, без житного куса и путней семьи и загинул. Навроде поселги — гол как сокол, ни дома, ни лома. Вроде и сильный был, подстать имечку, по слухам на медведя с рогатиной бродил, ну, да сила — уму могила.

Перво-наперво отпал от веры Христовой — вот и прожил ни Богу свечка, ни черту кочерга. А пошло все прахом с того, что Сила еще в парнях встал поперек скрытной родовой...

Выбрел из дальней тайги, со своего охотничьего угодья, где зимовал: по свету зверовал, а долгими вечерами в зимовье при живом свете жирника выделывал шкуры; и вывез на коне в переметных суммах гору ружьяди, — тут тебе и белка, и баргузинские соболя, и лисицы-огневики, тут и пара рысей, и даже росомха.

О тот висюносный, тревожный для скрытников год... не Антихрист ли грядет?... дошто не миг зимобор² зиму забороть: то оттепель, забрешит с ледяных титек заветь, то запрещит стужа хлестче сретеньский³, павалет густые снега, а потом лето загуржит. «Не к добру...» — часы загылки старики, снова и снова поминья того, кто придет вместо Него, искусит и обречет души на вечные муки в тесне огненной.

Невесело встретила Силу вечерняя заимка; в избах, утопанных в снежных суметах и упрятанных в могучем сосняке, сиротливо и негуманно тлели лампадки, молчали старухи и молодухи со своей детвой. Мужики гуртились в дородном пятистенке уставщика.

Сила убрал в амбар переметные сумы, расседлал коня, напоил, задал сена, овса и, поснедав с дороги, тоже вынужден был пойти в молельню, хотя и не уродился великим спотником до божественного. Скрытники обмерли на коленях перед образами древлего сурового и бесплотногo письма, подле которых светились лампадки, слушали уставщика и в земных поклонах колотились лбами в дощатки выскобленные, широченные полвицы. А уставщик — могучий старик с бородой, заткнутой за вышитую опояску, с волосами, что иней, рассыпанными на покатых крыльцах, — читал житие и страдание святой преподобномученицы Евдокии. Ее день по святцам и выпал, — святой Евдокии, кою деревенские бабы по-свойски ласково, словно тварку, земно кликали: и Авдотья Плищика — в утренники намерзали на снегу и льду голубые плуки, что сушила доброе лето; и Авдотья Свистуныя — со свистом задували

¹ У староверов в Имени Бога одно «и».

² Зимобор — март.

³ Морозы на праздник Сретенья Господня.

ветра; и Авдотья-замочи подол — шла, дескать, Авдотья к обедне и нос ознобила, а с обедни шла, подол замочила. Приметливые старики ведали: коль Евдоша тепла — и март будет тёпел, и весна с лаской. Но и после Евдокии еще собаку встоячь заносило, — валили снега, ярились бураны.

— Вонмем!.. В царствование Траяна у городе Илиополе, что в Келесирии, в области Финикии Ливанской, сопредельной с иудейской стороной, жила девица, по имени Евдокия, — распевно тянул уставщик. — По происхождению и по вере она была самарянка⁴. Прельщая своей великой красотой, она многих безжалостно увлекала к гибели, собирая посредством плотской нечистоты, этого легкого способа приобретения, свое постыдное достояние от богатства тех стран. Лицо ее было настолько красиво, что и художник затруднился бы изобразить эту красоту...

Сила, глядя сквозь уставщика омороченным, притуманенным взглядом и азартно зря деву-красу, долгую косу, наливался тревожным жаром.

— ...Множество благородных юношей и даже представителей власти из других стран и городов стекались в Илиополь, чтобы видеть и наслаждаться красотой Евдокии, греховными делами собравшей богатство...

Ох, как позавидовал Сила благородным юношам и представителям власти, ох, как возмечтал очутиться посреди них, чтоб наслаждаться... Созревший отрок ...окаянный махом чарами прельстил... уже не в силах был внимать тому, как просветилась блудная Евдокия светом христианского солнца, как после раскаянья и долгих иноческих подвигов обрела силу чудотворения и приняла мученический венец во славу Господа нашего Иисуса Христа и вечное райское блаженство очищенной душе. Духовное не пробивалось в душу Силы, где клубился знойный туман, где зарей утренней маняще пылала розовой наготой еще нераскапавшаяся, илиопольская чаровница, купаясь в росных колдовских травах...

⁴ Самаряне — иудейская секта, признающая из книг Ветхого Завета лишь одно пятикнижье Моисеево.

⁵ Сороки — день памяти 40 великомучеников Севастийских.

На Сороки⁵ оттепело. Погрузил Сила мягкую рухлядь в легкую кошечку, обшитую сохатыными шкурами, кинул ружьишко для остратки дорожных татей, запряг коня и, наспех перекрестившись, махнул в уездное село Укыр к тамошнему скупщику мехов, чтобы продать добытую пушнину либо обменять на припасы и харчи.

Под ясно голубым небом слепяще сияли золоченные купола храма, а над тесовыми крышами добротных изб, колыша сизые дымы, волнами проплывал колокольный звон; звонили после заутрени, и улыбчивый, принаряженный народ, степенно, дабы не растрясти благодать, шествовал из храма.

Сила подвернул к дому скупщика, где моложавый, бойкий мужичок, подбоченясь, красовался за прилавком и, насмешливо поглядывая на меха, и никак не давал доброй цены; но и Сила упорствовал, хотя про себя и прикидывал: коль в Укыре не сбудешь, больше податься некуда. И тут голоушая... гарусный платок сполз на шубейку... забежала в лавку укырская девка... в очесах опасно играющая рысья зеленца, разметанные по плечам кудри, что таежный костер, от коего сухо, трескуче запалилась сила души, заняла в приступившей сладостной истоме; ослепшим глазам привиделась библейская самарянка, оглохшим ушам зазвучало: «...лицо ее было настолько красиво...», «чтобы видеть и наслаждаться красотой...»

Девка с бестыжим откровением, цепко прощупала оторопевшего Силу омутным взглядом... на влажных губах выиграла заманистая улыбка... и упорхнула из лавки. А уж по какой нужде заворачивала, Бог весть. Может, к скупщику метила, да Сила некстати вывернулся.

— Кто такая будет? — очнувшись от девьих чар, сипло спросил парень скупщика.

— Из приезжих... Шунькова Фиса, — повеселел тот. — Из окулькиной веры. Слышал, поди.

Госит номера

— Что еще за вера такая? — полюбопытствовал Сила, и словоохотливый скупщик... похоже, и книгочей... охотно растолмачил.

Прижилась было в Забайкалье и эдакая новочинная фармазонья секта, клятая и семейцами, и единоверцами, где якобы поганистый народец плевал на Божий венец и, как прижмет невтерпез, по-собачьи сбегался в полюбовном деле. Еретики и еретицы оплетали художьего мужика ли, бабу прелестными словесами, словно паучьими силками: мол, природа велит, а против природы не попре, ибо — Творение Божие. Супротив природы, дескать, все одно, что против Бога... А потом, дескать, Владыко учил любить ближнего больше, чем себя самого, пособлять ближнему, так разве то не пособление, ежели баба утешит терзаемого страстью мужика либо тот ее ублажит. Природа... А венец, что хмельной вьюнец, любой тын обовьет ботвой и листвою; венец — пустое, ежели молодые сплошь и рядом из-под венца глазом влево косят, — хошь в помыслах, да грешат, любодей, а потом — и вьявь. Так уж честнее тешить и ублажать плоть без венца, без обмана... Семья?... Так по Писанию: домашние мои, враги мои...

— Такая вот окулькина вера, — толковал скупщик, — лучину загасят и в гаски играют: кто кого впотьмах да впопыхах нашарит, с тем и согрешит.

Нет, не осадили Силу поносные слова скупщика, — пуще раздухарили; грехи любезны, хоть и манят в бездну, но разве ж о том думы, когда молодая властная кровь распирает кости и рвет мягкую плоть, словно полая вода глинистые берега. Долго и нудно не торгуясь, сдал охотник пушнину, выручил за нее часть деньгами, часть товаром да таежными припасами и, прихватив сладкого вина, печатных пряников, азартно выметнулся из лавки. Слышал, что Шуньковы пускали постояльцев, а посему кинул в кошевку кожаную суму с припасами и товаром, суетливо распутал вожжи, понужнул жеребца, да и напрямик к шуньковской усадьбе. Подле Московского тракта, на отшибе села, раздражая крепкий хозяйский глаз, красовался их заголенный... тын, поди, спалили в крешенские морозы...

пустой двор, навроде проходного, крытый небом и обнесенный ветром.

Наладился Сила вроде на постой, хотя мог бы приклонить голову и у родичей, — те уже давненько жили в Укыре, отсохшие от аввакумовского древа, приросшие к единоверцам, — не то щепотникам, не то двуперстникам. Про них Силин отец, Анфиноген Рыжиков, так судил-рядил: «Опосля Катьки-распутницы, которая нас сюда прогнала через всю матушку-Расею и Сибирь, тут у нас за Байкалом обмирщанники появились, сиречь богоотступники, кои поносно талдычили: мол, креститься надо двумя перстами, а всё остальное надо делать и молиться так же, как никонианцы. Мы на этих обмирщанников беду накликали, анафеме предали, стали молиться так, как наши деды и прадеды молились».

Объехав стороной своих родичей-обмирщанников, ехал Сила, а робость одолевала... раза два осаживал жеребца, маялся в думах и сомнениях, хотел было повернуть оглобли... но и удалиться на тоскливое займище несолоно хлебавши, когда вся душенька заныла, плоть выиграла, уже не мог. Неужли такой кус, да мимо уст. В полглаза бы, хоть крадучись, глянуть на деву-красу долгую косу, а там хоть в пень головой. И манило нестерпимо, и неведомая жуть трясла, словно брел один, без напарников, медведицу подымать с берлоги. На удачу... хоть и окулькина девка... мало надеялся: уродился из себя не шибко видный: плечистый, могутный в груди, да коротконогий, с шадровитым лицом, где лукавые горох молотили.

Но подфартило Силе редкостно, отчего пошла удалая голова цветастым девым хороводом: мало что взяли на постой, но и зазвали на вечерку, учуя, что тот, продав рухлядь, явился не с полым загашником. Анфиса жила в просторной, но изветшавшей избе напару с матерью, — про отца своего, будучи девью дочкой, вроде ведала, но таила, — а коль изба пустая, вот и понавадилась отбойная молодежь справлять у Шуньковых хмельные посиделки. Понатащут наедков-напитков и до третьих петухов поют, играют, а хозяйка, чтоб не смущать молодых, коротала вечера у соседки, да там же порой и ночевала.

* * *

В этот день укырские праздновали вешние Сороки или еще звали — Кулики, и верили, что на «сорок-мучельников» сорок пичуг прилетает, и зачинная — поднебесный певчий жаворонок. Детные бабы пекли ржаные и пшеничные жаворонки и потчевали ими детву. Подъезжая к шуньковской усадьбе, Сила узрел на воротах богатого мужика Калистрата Краснобаева ржаное печево, затем потешился гляючи, как хозяйские ребятишки, усадив жаворонков на охлупень амбарной крыши, кликали весну пронзительными, переливистыми голосами:

Жаворёнки, прилетите,
Студену зиму унесите,
Теплу весну принесите:
Зима нам надоела,
Весь хлеб у нас поела!

Заливались ребятишки, словно вешние птицы, а краснобаевская молодуха, краснощекая Малаша, тетёшка на руках своего малого Петруху, ворковала голубкой:

Жаворёнки прилетели,
На завалинку, на проталинку...
Жаворёнки прилетели,
На головку малым деткам сели...

Тут Малаша щекотливо взъерошила Петрухины волосенки, и тот на радостях полез ручонкой искать материну титьку. Полюбовался Сила на ядреную молодуху с парнишонкой на руках и, распахнув полушубок, вдохнул полной грудью влажный, волнующий мартовский ветерок; а уж хмельные предчувствия суетно роились в душе, являли глазам Фису во всей её тревожной, рыжей красе.

...Ближе к вечеру заимский гость уже смущенно жался на лавке, возле стола, где мутно посвечивала среди рыбных пирогов и творожных шанег четверть медовой сыты. Ярко горела трехлинейная керосиновая лампа, и на копотных венцах, по белой печи мельтешили пляшущие тени, бойко стучали в половицы чирки и чоботы.

⁶ Куна — куница; здесь — девица.

Охрабрев от сыты, поиграли «в блины»: по кругу настигнет парень деваху, и по заду ей хлебной лопатой; потом затеяли «кузнеца», выковывая из «стариков» молодых, где самая потеха крылась в том, что при всяком нарошечном ударе «кузнеца» по стариковской башке у деда слетали порты и оставался, горемычный, в одних исподниках. Деда играл простой и безотказный паренек, которого из-за угла пыльным мешком хлопнули... Молодой хохот распирал избянные венцы, окна звенели и безумно метался в стеколке перепуганный свет керосиновой лампы.

Охмелевший Сила от буйных игрищ и лихих плясок отмахивался... сдиковался в тайге... но исподтишка зарился на Фису, крутящую цветастым подолом, словно лиса-огневка рыжим хвостом. Цепко ухватив за руку, она все же сдернула парня с лавки, вытянула в круг, но Сила, потея, краснея, потоптался возле девы, словно медведь круг малинова куста, да и в изнеможении снова привалился к столу, где поджидала медовая чарка. А девка выплясывала, потряхивая красной гривой, и насмешливо зыркала на заимского гостя рысьим глазом. Посидельщики учуяли, что ладится парочка, и как завели поцелуйную игру в Дрёму, так и потянули в середку карагода упиравшегося Силу.

Полно, Дрёма,
Полно, Дрёма,
Полно, Дрёмушка, дремати,
Пора, Дрёма,
Пора, Дрёма,
Пора куну ⁶ выбиратьи,
Пора куну выбиратьи.

Повели карагод с крикливыми припевками:

Гляди, Дрёма,
Гляди, Дрёма,
Гляди, Дрёма, по девицам!
Гляди, Дрёма, по девицам!

Дрёма тут же выискал глазами Фису.

Гости
номера

Бери, Дрёма,
Бери, Дрёма,
Бери, Дрёма, кого хочешь,
Бери, Дрёма, кого хочешь!

Дрёма охрабрел, обошел карагод, взял девку за сухую, жаркую ладонь, низко поклонился и ввел в круг. А посидельщицы опять заголосили:

Трепли, Дрёма,
Трепли, Дрёма,
Трепли, Дрёма, по власам,
Трепли, Дрёма, по власам!

Окунул Дрёма ладонь в огнистые девьи кудри, вспыхнул, опалился.

Целуй, Дрёма,
Целуй, Дрёма,
Целуй, Дрёма, по любви,
Целуй, Дрёма, по любви!..

Оробел Дрёма, утупил глаза долу, но тут девка сама впиалась ненасытно в его губы, и все ахнули, а Сила уж смутно помнил, что и вышло потом... А потом Фиса с двумя чумачками⁷, припомнив разудалый Васильев вечерок, удумали гадать на женихов подле бани. Чуя себе потеху, парни туда и умыкнулись исподтихаря... Девки сняли кресты, развязали пояса и, не благословясь, помянув немытика, потянулись впотьмах к бане, где, приотворив дверь и поочередно сунув в проем голый срам, испуганно шептали: «Суженый-ряженный, погладь меня...» Ждали: ежели мохнатой лапой баннушко огладит — фатовый выпадет жених, зажиточный; голой ладонью — голь перекатная; совсем не тронет — до Покрова в девках страдать. Фисиных подружек луканька банный огладил ласково, мохнато, а фискин срам так тиснул голой клешней, что та аж взвизгнула от боли... после чего в банной темени парни заржали, что жеребцы нелегчанные. Порадовали девки беса, сомустившего художников на богопротивное... судьба лишь в руке Божией... а заодно и потешили охальников.

⁷ Чумачки — легкомысленные девушки.

Словно жухлый осенний лист в речном улове, заружили парня страсти; не успел глазом сморгнуть, как и округился. Бравый соборник уткнул в силины плашки, да шибко помрет: окулькина девка давно уж прокудила свое девство, одарила им укырацкого ловкача, а по бабьим слухам и других ублажала, отчего волочилась за ней диковинным последом лисья оставучина. Может, сплетки досужие, тайды разбери. Сила махнул рукой на суды-пересуды кумушек: надкушена рота, да шибко сытна, откупорена брата и жадно отпята, но да и остатки сладка.

После Сорочка мучеников зачастил Сила в Укыр, непременно заворачивая на веселое лунчатовское подворье, где, обнявшись, гадали милые до третьих петухов, как бы зряк искитриться да принять венец, чтоб не арадучись, исподтишка, а в знанье жить.

Сила уже и без того прижился в невестинем доме, и мать, моложавая, опрятная бабенка... пристуживала то в лавке, то в трактире богатого еврея Хаима... на шалости дочкыны глядела сквозь пальцы — видно, стожковались промеж себя. Она и на подворье-то являлась под пологом, а то и ночевала в трактире. Вот Анфиса-то и воля вольная — пой, девка, веселись, никого не боись. Скота Шуньковны не держали, а коль ни сохи, ни бороны, ни кобылы вороны, то и работушка... избу помыть да обед стогошить. Веселилась Фиса, липла к Силе распаренным банным листом, и охотник перелся в тревожных загадках, что она, огневка шалая, нашла в нем, огрубелом, задичавшем в тайге, к тому же рыбком. Оно верно, охотник добычливый, и здоровьем Бог не обидел, мог на спор быка осадить на колени, ухватив за рога... Может, годы поджимали... давно уж пора козу на торг вести... и боелась в старых девах замшеть, а деревенские удары, как убедился Сила, хоть и хаживали к Шуньковым на посиделки, но лишь зарились на огнистую плясуньку, не своевольничали даже во хмелю, своих зазнобушек

пасли. Побаивались окулькину девку: слухи про нее шатались недобрые: мало того что гульлива, так еще и волхвитка, изурочить может, порчу навести — сухотею, ломотею, лихотею, — звон какой зрак рысий.

Хотя Сила сплеткам не поверил... бабьи языки, что бесово помело... но однажды, когда чаевали втроем за вечерним самоваром, набрался духу и робко спросил Шуньковых:

— Грешат на вас, будто вы из окулькиной веры.

Фиса озадаченно поглядела на мать.

— Сплетни все, — со вздохом отмахнулась та. — Слышали звон, да не знают, где он... Крещеные мы.

— Крещенья... — согласился про себя Сила, потому что видел на Фисиной шее золоченный крестик, — но пошто-то в церкву сроду не ходите?..

Услышав его сомнения, мать растолковала, как по-писаному:

— Бог не в церкви, не в иконе, не в обряде. Бог — в душе... А то, что нас деревенские со зла в окулькину веру вписали, так это потому, что живем не по-ихнему. Не нравится, как мы живем. Может, завидики берут... Удумали еще, будто мы колдовки... Ну, да на каждый роток не накинешь платок.

Когда мать спряталась в своем закутке и молодые остались в горнице наедине, Фиса и придумала, как им принять венец...

Зная, что ни мать, ни отец Силины не дадут благословения, парень тайком от родовой перекрестился в единоверцы, а потом и обвенчался в церкви, что для скрытников было едва ли не страшнее всех кобей бесовских — принять золотой венец из нечестивых рук попа-никоинянина, клятого щепотника⁸. Лучше уж круг ракитова куста окрутиться...

Тем паче в Укыре поговаривали: мол, катили молодые в бричке, запрягши сивого мерина, возвращались из церкви, от венца, и вдруг вздыбилась улица, и заступил им дорогу пыльный

вихрь, где уж наверняка ревнивый колдун крутился — обесившийся Фисин любовник с Лысой горы. Не к добру то — осудительно качали головами суеверные укырчане.

Когда Сила явился с молодухой на заимку староверов-скрытников, когда отец и братья прознали такое поганистое дело, так и пришли в неистовство. Отец схватил сыромятный чембур⁹ и троекратно, до крови перекрестил сына вдоль спины. И вусмерть бы запорол, да мать повисла на руках, со слезами прося милости чаду заблудшему.

— Осрамил на весь свет, опозорил! — хрипел Анфиноген Рыжаков, пытаясь отбросить жену. — Ославил на весь крещенный мир! Запорю! Удавлю!

Но гнев его был запоздалым. И отец, придя в себя, и братья Ипат с Харитоном, двуперстно осенившись крестным знаменем, тут же отреклись от презревшего древнюю веру, а старики заимские, долго не рядясь, наложили на Силу поруганье, охулили перед миром и, отвергнув, велели отверже идти на выселку, искать себе другой угол. Вот он и сел в Укыре, пошел примаком¹⁰ к своей зеленоглазой, красногривой деве.

Если Анфиноген даже имя отвержи на дух не переносил, глухо, во имя веры, упрятав в себе отеческую жаль, то мать... на то она и мать... а потом и сестры с братьями, хоть и не простив отступника, с летами все же смирились и, годом да родом бывая в Укыре, все же подворачивали к Силе, который с грехом пополам выделился из тещино дома, с помочанами¹¹ срубил избенку на отшибе села и весело зажил со своей шустрой женушкой.

Все бы оно ладно, и Рыжаковы простили бы самовольство, и семья бы сплелась, но... Бог шельму метит... в кару за непослушание, за женитьбу на поспех, курам на смех, не давал Бог новоженям чада. Коль у Фисы был зад в дёгте — погуливала до венца, — то, может... на проезжем взвозу трава не росла?.. хотя, ядреная и крутобокая,

⁸ Щепотник (*староверческое*) — православный, который крестится щепотью.

⁹ Чембур — ремень, который протягивали поверх чрессельника, чтобы закрепить оглобли на спине лошади.

¹⁰ Примак — муж, живущий в доме жены.

¹¹ Помочане — помощники.

на обличку Фиса плодovито гляделась, да и шептала Силе горячими, бессонными ночами: мол, чуе в утробе силу чадородную. Но сколь ни бились, ни колотились молодые, лишь подстилку житную смолотили в зерно и солому — семя Рыжакoвское не вызрело колосом. Сердобольные укырские старухи советовали Анфисе дать обет и усердно молиться о чадородии мученице Варваре и праведной Анне Зачатье, что была бесплодна, но по молитвам супруга Иоакима зачала Саму Царицу Небесную. Не давала Фиса обетов, не молила святых жен, в простоте же душевной поведала товаркам, что она-то, хошь и первотелка, завтра бы покрылась да и отелилась, но мужику плодovитости Бог не дал, а теперь и вовсе немочью наказал. Поила от порчи зверобоем продырявленным, молочком пчелиной матки, крутым настоем изюбриных пантов и заманихой-травой, что выбродила на водке. Но сколь ни волховала Фиса, сколь ни творила богопротивные кудеса, лишь беса уластила да смертный грех на душу взяла; и неведомо, куда бы кривая кобыла вывезла семью, да случай вышел...

Верно, старики-любомудры рекли: не заламывай рябину не вызревшу, не сватай девку не визнавши. Пока Сила шастал с ружьишком по хребтам и распадкам, добывая сперва белку, потом соболя баргузинского, жена его Анфиса наторила густыми, как сажа, зимними ночами тропку к одинокому поселенцу — Стефаном Волховским звали; и была та посельга беспутая не простым ушкуем, варнаком с большой дороги, а — политическим, бывшим каторжанином, оставленным в Укыре на поселении, которого позаочь, а то и в глаза Рыжаковы обзывали фармазоном. Поселенец — говоря языком лютых скрытников, из нехристей, распявших Царя Небесного, — квартировал в добротном флигеле на усадьбе богатого трактирщика Леонарда Юшинского, через три двора от Силы Рыжакова, а уж чем жил посельга, с чего кормился, люди не ведали; но мужик, не гляди, что чужой веры, что бывший колодник,

оказался тихим, ласковым, до людей приветным. Надо бумагу волостному старосте либо уездному приставу написать, бегут укырские мужики к Стефану Волховскому, надо документ выправить — опять к поселенцу, и тот все сладит чин-чином, да... такой доброхот, добролюб... сроду мзды не возьмет, не в пример укырским чинушам. К Стефану привыкли в уезде... кроме скрытников — те нехристей и на дух не переносили; предавали их окулке денно и ночью за то, что распяли Сына Божия, за то, что, не каясь в содеянном, служат князю тьмы, правят миром, искушая народ греховной волей.

Харчевался Стефан Волховский в доме трактирщика Леонарда Юшинского, с ним одним и водился, отчего укырчане не могли взять в толк, как они, хоть и польские единокровцы, не то что уживаются, а и живут душа в душу, ежели Леонард первый богатеи на весь укырский уезд, а Стефан — катаржанин, страдая за бедных крестьян и рабочих, против богатых с бомбой восстал, на бунт подбивал худобожиих. Вот это не могли уразуметь укырчане толоконными лбами и решили, что неисповедимы пути Божии иудейские, что Леонард и Стефан — тот же навоз, но дальний завоз.

Если по первости в Укыре приветили доброхотливового Стефана, то после забородатевшего дикими и суеверными сплетками, шумного случая, все, от стара до мала, брезгливо отвернулись. А случай вышел такой...

Прислуга Юшинского... вначале Анфисина мать, потом и сама Фиса... наводила во флигеле поселенца убор и прибор. Вот туда, в тихие, опрятные покои, и запохаживала скучающая молодуха, откуда приносила под полой лисьей шубенки книги... против богатых да царя-батюшки... и читала их при смолявой лучине. В отличие от темных укырских женок Анфиса не только знала азы, буки, веди, глаголи, но, как и мать ее, слыла книгочеей, отчего деревенские сторонились ее, недолюбливали, а Рыжаковы — все книги, кроме Святого Евангелия и древлеотеческих, считавшие пустосвятием, блядославием, демонской прелестью и бесовскими кобями, вносящими в душу и разум

блуд и лукавую смуту, — пуще ярились, костерили молодуху лихоматом, дразня и рыжей волхвиткой, еретицей¹² и фармазонкой. Мать Силина, не смея при Анфиногене голосом молвить, шибко жалела блудного сына, опоенного приворотным зельем, привороженного, угодившего в лапы к самому анчутке беспятому¹³. А чего Фиске было не читать «прелесные» книжки, коль мужик ее месяцами из тайги не вылазил, коль не завели они ни плода, ни живота, коль у обоих не лежало сердце к хозяйству и земляной работе. Вот и читала крамольные книжки, и дочиталась, потому что баба — горшок, что влей — все кипит.

* * *

Воля и добрую жену портит, а уж про окулькину девку нечего судачить... Малаша, невестка Калистрата Краснобаева, присмотрела через щель в бревенчатом заплоте, как семенила Фиска через заснеженную улицу и вертела долгим, цветастым подолом сарафана, заметая грешные следы чисто лисьим хвостом; и высвечивало ей кривую тропку воровское цыганское солнце — покойничьи-бледный, чарующий месяц.

А был самый канун Рождества Христова — кутейник, когда православные постились и духом, и брюхом, а после долгого моления в церкви ужинали кутьей и медом и... суеверные... приотворив дверь в сенки, кликали Мороза Васильевича: дескать, ходи кутью есть; а летом не бывай: цепом голову проломлю, метлой очи высеку. Иные, яко язычники, под потемки жгли посередь двора сухой назем либо лоняшнюю солому — грели души усопших родичей, и при скорбных всплесках костра молили об упокоении и прощение их душ, а заодно... и про урожай намекали.

В рождественский сочельник, когда колготится перепуганная нечисть, Фиску и присмотрела Малаша, соседская молодуха... И не удержала Малаша язык за зубами, проболталась золовкам, и пополз по деревне мрачный слух,

будто нагая Фиска летела на блуд, оседлавши древнего борова, точно еретица, на Лысую гору, где и гуртилась вражья сила, обвыкшая накануне великих Христовых праздников справлять свои похотливые игрища. А следом за Фисой летел на черном кобеле голый Стефан Волховский... Малашина свекровка еще прибавила: дескать, конюх Юшинского углядел в окошко, как, прилетев с Лысой горы, посиживали они, Стефан и Фиса, в чем мать родила и... чернокнижники клятые, колдуны-ведуны!.. читали черную книгу... Шестокрыл ли, Воронограй, а может, Рафли, либо Аристотелевы врата. Но, может, и новочинных волхвов-ведунов: Маркса да Ленина с Троцким... А на печи жарилась зверятина... мужик Фисин из тайги стегно сохатиное послал с оказией... насытит же утробу, предались чародеи-любодеи блуду поганому, а потом снова полетели по ночному Укыру творить злые кудеса.

Когда едкий слух просочился и в Фискины уши и она смекнула, с какого гнилого угла хмарь нанесло, то подлетела к усадьбе Краснобаевых и в сердцах принародно высрамила и молодуху, и большуху, насылая проклятья на их дурные головы.

Но, как поведала Краснобаевым болтливая Фискина подружка... но та соврет, глазом не сморгнет... будто окулькина девка сама создалась, что сперва не по воле своей согрешила перед Силой... Виноват, мол, огненный змей, что летает на Крещенский сочельник, в самый канун Богоявления и, душегуб, соблазнитель жен и дев, оборачивается мужем либо таким бравым молодцем, что ни с сказке сказать, ни пером описать. А если огненный змей полюбит девицу, то его зазноба неисцелима вовек. Такую зазнобу ни отмолить, ни заговорить, ни отпоить... Летал огненный змей по-над спящим Укыром и горел огнем неугасимым, потом опустил в Фискину трубу и ожил в избе молодцем дивной красоты. Не любя полюбишь, не хваля похвалишь... Оморочил, любодей, душу красной девы привета-

¹² Волхвигки, еретицы — колдуньи.

¹³ Анчутка беспятый — нечистый.

ми, усладил, губитель, Анфису речью лебединою; заиграл, безжалостный, ревнивым сердцем девичьим; затомил, ненасытный, ладу в горючих объятых; растопил, варвар, уста алые на меду. От его поцелуев горит Фиса румяной зарей; от его приветов цветет дева красным солнышком... Натешился, улетел огненный змей, а Фиса сидит во тоске, во кручине, не глядит на Божий свет, ждет добра молодца, сохнет, вянет...

Бестолковые, ослабшие в христовой вере, суеверные девки поверили в огненного змея и вспомнили средство, как погубить любого: перед тем часом, как быть змею, насыпь на загнетку снега, собранного в крещенский вечерок, и змей, как влетит через трубу в избу, тут же и погибнет. А иначе... быстро сгорает девка от любви змея поганого, что оборачивается красным молодцем, — сгорает, бедная, словно береста на огне; и когда она уже дышит на ладан, лежа под святыми, опустошившись душой и высохнув плотью, змей и выказывается напоследок во всей своей змеиной обличке, во всем своем драконьем безобразии и, довольный, насмехается над погубленной душой.

Но если поверили укырские простушки Фискиным басням, то мужики и бабы, не дав веры, все же перекрестились, поплевали через левое плечо, где незримая нежить пасется, а парни посмеялись, вообразив огненным змеем и красным молодцем тщедушного Стефана, что смахивал на таракана запечного.

После Николы вешнего выбрел из дальней таежки Сила и, продав мягкую рухлядь, попил, покуражился, да и ушел на Ципиканские золотые прииски, куда уже давно косился. Дивно было укырцам, что не бил свою блудню смертным боем: или уж не дал веры слухам, какие долетели до его заросших диким волосом, но зверовато чутких ушей, или уж так его уластила, заморочила окулькина девка, что и не стал дознаваться. Так ублажила, что не пил бы не ел — все на милую глядел, а ведь коль жена мужа ублажает — худое замышляет... Хотя поговаривали, будто заворачивал Сила

к той поселке беспутой, прояснял слухи, но сладили они миром, и Стефан Волховский одарил охотника яловыми сапогами.

Укатил Сила шукать фарт золотой, тут Анфисе и вовсе полная воля... проводила мужа за овин, и — заходи в гости, жидовин... тут уж, бестыжая, не таясь, а куражливо красуясь пред селом, и вовсе зачастила к поселенцу. Бог весть, долго ли, коротко ли бегала к Стефану, до третьих петухов читая толстые книги, — черные, как вырешит крещеный мир, — но дочитались, сердешные, до того, что у Фисы стал живот пухнуть, в тягость вошла, — ну вроде ветром надуло, когда скрадом летала к своему поселенцу на блуд.

А как брюхо подперло законопатевший нос и весь грех вылез наружу, когда весть доползла до зайомца скрытного, ушлые Силины братьевья Ипат и Харитон доспели, чей петух топтал молодуху и семя посеял; да и ветрудно было доспеть: муж богоданный давным-давно ушел на прииски, и по срокам никак не выходило, что его засев, а потом, хоть и прожили молодые два года, но все без проку, а тут, на тебе, пошло брюхо расти, словно тесто на опаре.

После Ильна дня, когда уж весь Укыр судачил, пережывая косточки поселенцу с Фисой, которая доживала последние месяцы, наехали верхами два Силиных брата, Ипат и Харитон, — сумрачные, по самые очеса забородатевшие мужики. Анфиноген, Фисин богоданный батюшка, не поехал, потому что напрочь открестился от сына-богоотступника, а уж про бабу его, фармазонку и волхвотку, и речи вести не мог — не поганил рот.

— Ах ты, пристежка ночная!.. ах ты, блудня! — заревел с порога медвежалый Ипат и с пеной у замшелого рта тут же вытянул оторопешую Фису сырмятным бичом, сплетенным в косичку.

— Верно, что из окулькиной веры, — прошипел Харитон, — то к одному, падлюга, прислонишься, то к другому. А тут и с поганистым спуталась, с нехристом. От его и покрылась, кошка блудливая... Ня побрезговала, вражья сила!

— Ведьма, она ведьма и есть. Но я те покажу, как порчу на людей наводить!..

Молодуха, ни живая, ни мертвая, белая, как снег, забазлала на всю избу, стала запираться, божась и суетливо осеняя себя двуперстными крестами:

— Ой, не бейте!.. ой, не бейте!.. родненькие вы мои! Наговоры все, наговоры. Сплетки. Со зла оговорили... От Силы, от него, кровиночки, понесла. Ей Бо... от него, от него, богоданного.

— Бреешь ты все, змея подколодная! — старший деверь тут же, без долгих говорей, намотал ее зоревую косу на кулак... потекли зеленью выпученные бабьи глаза... раз ожег бичом, другой, третий, закатилась Анфиса в крике, обеспамятела от боли, а как вошла в разум, так все и выложила, словно на духу. Братовья, скрежеща зубами, готовы были порешить поселенца клятого, взять грех на душу, — может, оно за нехристия, за антихристово семя и простится?... но тот — или учуял, что паленой шерстью запахло, или кто добрый упредил, — незадолго перед приездом ударился в бега. Но коль не попался каторжанин под крутую, распаленную руку, то всю ярость Рыжаковы и выхлестнули на его сударушку: высекли ее, как сидорову козу, и предали охулке: подстригли налысо за измену богоданному, отчего Анфису потом и величали позаочь расстрижкой. Нашли в Силиной избенке бараньи ножницы, зажали молодуху промеж ног, и полетели на половицы рыжие космы, будто клочья жаркого пламени. Почти бездыханную, беспамятную, турнули в этот огнистый ворох. Так вот и наложили поруганье по извечному семейскому обыкновению.

— По-доброму-то, — еще вздыхал Ипат, — надо бы подлюге голову обрить. Стригуть деук няпутных, какие прокудили девство до вянца. А уж мужних-то женок, в блюде уличенных, бяспременно надо брить. А по мне, дак лучше и убить...

— Ладно, — поморщился Харитон, уже с брезгливой жалью косясь на распластанную Фису. — Ня будем грех на душу брать. А блудня и без того век будет помнить.

— Такую и убить, Харитон, ня грех. Как в Писании: «Всякое древо, ня приносяща плода добра, срубают и бросают в огонь».

Злобной обиды Ипату прибавляло

то, что посельга, пригревший и приласкавший молодуху на худосочной, замшелой груди, засеявший ей ребятёнка, был из бусурманского рода, вот отчего Гошку, коего Анфиса во блюде зачала и до срока принесла, скрытники, презиравшие его, дразнили не только суразом, боегоном и девьим сыном, но и поболтом, — значит, крови перемешанные, переболтанные.

Обуздав гордыню, неистовый Анфиноген все же верхи на жеребце прибежал с займища глянуть на выблудка... внуком назвать язык не поворачивался — немел; глянул в берестяную зыбку, где Гошка сосал молочную тюрю, завернутую в тряпицу, и отшатнулся: «О, Господи, Прясвятая Богородица! — осенился двуперстым крестом, — бусурманское племя, ишь как глазом-то черным зыркят. Не-ет, не русской породы, чужой замес...»

Прежде чем удалиться на свое скрытное займище, Анфиноген Рыжаков подвернул лошадь к усадьбе Краснобаевых, — их, да еще две-три семьи, почитал в Укыре, и молодой Калистрат старика привечал: дескать, обе веры из одного апостольского кореня, обе благодатны, а там хошь двумя, хошь тремя перстами, хошь кулаком крестись — горела б в душе негасимая свечка страха Господня и любовь не завяла. Насчет перстов, церковного обряда, икон и требных книг скрытны старик с Калистратом не ладил, но, что было в диво, терпел, не обличал никанианина поганого: хошь и молодой мужик, а в вере стойкий, нелицемерный, и старых свычаев крепко держится, да и Малаша подстать вышла.

Калистрату и поведал старый Анфиноген про Гошку, да еще и прибавил:

— Вот как таких лягион нарожают, навроде Фискиного чада прибудного, анчихрист и явится вярховодить. Как мамы, по земле русской пройдуть. Разорять вси церкви да часовянки спасенные, худобожиих волей искусят, правядников да правядниц умучают за Христа Бога!.. Сам сатано править будять. Да... Но ня попустить Господь: утаит самых правядных в пустыньках богомольных, по займищам таежным, от их и спасется вера православная и пойдет народ русской...

Когда Гошка уже вовсю гукал в зыбке, подвешенной на березовый очеп, жамкал деснами вареный бараний курдюк¹⁴, вернулся с приисков Сила. В горячах чуть было не пристрелил свою стриженую бабу, избитую, изволоченную им так, что краше в гроб кладут. Пображничал зло и отчаянно, и опять уметелил на прииски: мыл золотишко на Ципикане, клял тамошнего горного инженера Ивана Разгильдеева:

Кто про что, я про Ивана
Разгильдеева — болвана...
Разгильдеев — парень braveй:
На лицо шибко корявый.
По натуре волк с клыками,
С преогромными когтями.

Ничего, кроме горба, не нажив, олютев, возвратился Сила к своей женушке; сошлись они, но жили будто кошка с собакой, друг другу век заедали. Напьются, передерутся... паутчее семейство... разбегутся, опять сбегутся, и так пьяная, грешная жизнь обрыдла Фиске, что однажды не утерпела баба и, принявши для храбрости хлебной браги, поплакав над бедным Гошкой, ночью удавилась в коровьей стайке... прости, Господи, душу заблудшую.

Схоронили горемычную Фису тихо, без отпевания — откачнулась от веры православной, погребли за кладбищенским забором, ибо руки на себя наложила, и тут явив самовольство, забыв, что жизнь человека — дар Божий, Ему и решать, но упокоили смятенную

жену на сухом, солновечном взлыске, подле золотистой сосны. Сила... неисповедимы пути Господни... еще вчера с побелевшими кулаками и натитыми звериной кровью глазами бетавший за непутной женой, ныне, почерневший от горя, чуть самого себя не порешил — скрытные братовья вразумити. На скудной тризне даже губы, потресканные и спекшиеся от невыносимого страдания, не смочил в поминательной рамке, но до сорока дней ходил к могилке и... все диву дались... плакал, слезы на коленях под сиротливым крестом и, по-древлеотечески крестясь двумя окаменелыми перстами, молил Бога нашего Иисуса Христа о спасении Фискиной души, доброй, но заблудшей в мирских страстях и нераскаянной. Сердобольные, богомольные старухи потом шептали, мелко и напуганно крестясь: мол, на сороковины, когда Сила молился с беспамятным, обморочным неистовством, вдруг прилетел сизый лесной голубь, уместился прямо на кресте и так ласково, умильно ворковал, что пораженный Сила обмер с вознесенными перстами, оторопело внимал голубю, глядел оживающими, светлеющими очесами, и вдруг улыбнулся, Бог уж весть чему.

На другой день, оставив малого Гошку на тещиных руках, убрел на скрытную заимку, пал, яко блудный сын, перед отцом своим Анфимогеном, тот и простил ему сыновий грех. И остаться бы Силе навек в староверной богомольной тайге, ну да... рана заплывчатая, горе забывчатое... года через два вернулся в уездное село Укыр, где сошелся с овдовевшей солдаткой и весело зажил.

¹⁴ Курдюк — бараний хвост.

Анастасия Верхозина

Родилась в Иркутске. После окончания средней школы закончила Областное художественное училище, отделение живописи. Сейчас учится в ИрГТУ на факультете изобразительных искусств, монументально-декоративном отделении. Кроме увлечения рисованием любит путешествовать, читать художественную литературу, петь под гитару в кругу друзей. Является членом молодежного объединения Иркутского отделения Союза художников. В музее им. В. Роголя прошли две персональные выставки художницы. Лауреат областной конференции «Молодость. Творчество. Современность». Живет в Иркутске.

Дыхание весны

Любовь к рисованию Анастасия Верхозина проявила еще в детстве. Родители пытались всячески раскрыть и развить ее талант. Поэтому после окончания средней школы она поступила в Иркутское художественное училище. Учителем, который заметно повлиял на ее творческое мировоззрение, стал Владимир Кузьмин — иркутский живописец и педагог, заслуженный художник России, который является одним из любимых мастеров Анастасии.

Еще на ранних этапах своего творческого пути ее живопись приобрела удивительный колорит и прекрасное чувство цвета. Ее творческий метод — реализм, широкий открытый мазок, пастельная цветовая гамма. В работах чувствуется высокий профессионализм, умение правильно выстроить композицию, подобрать цветовую гамму, она великолепно пишет воздух. Пленер и письмо маслом — ее любимая техника. Картины восхищают, завораживают. На них хочется смотреть вновь и вновь, наслаждаться прекрасными пейзажами и натюрмортами.

Предпочтение Анастасия отдает все-таки пейзажу, это ее любимый жанр. Любовь к природе обнажает чистую, открытую душу девушки, она старается запечатлеть увиденные ею морские, зимние виды или пейзажи-ведуты (городские пейзажи). Среди ее работ выделяются такие, как: «Байкальский ветер», «Рябиновое пламя», «Иркутский дворик», «Весенние букеты», «Туманное утро», «Старый дом» и др.

Глядя на картину «Байкальский ветер», словно слышишь шелест листвы, шум прибоя, видишь чистоту и великолепие озера. В картине много воздуха, удачно выбранная пастельная цветовая гамма, позволяет почувствовать влажность летнего утра, дыхание прохладного байкальского ветра.

В картине «Рябиновое пламя» выбрана совершенно необычная композиция. Возникает ощущение, что это не столько работа художника, сколько фотографа, что автор писал картину, глядя из окна многоэтажного дома, исходя из желания автора подняться над реальностью. Экспрессия же, присутствующая

Галерея

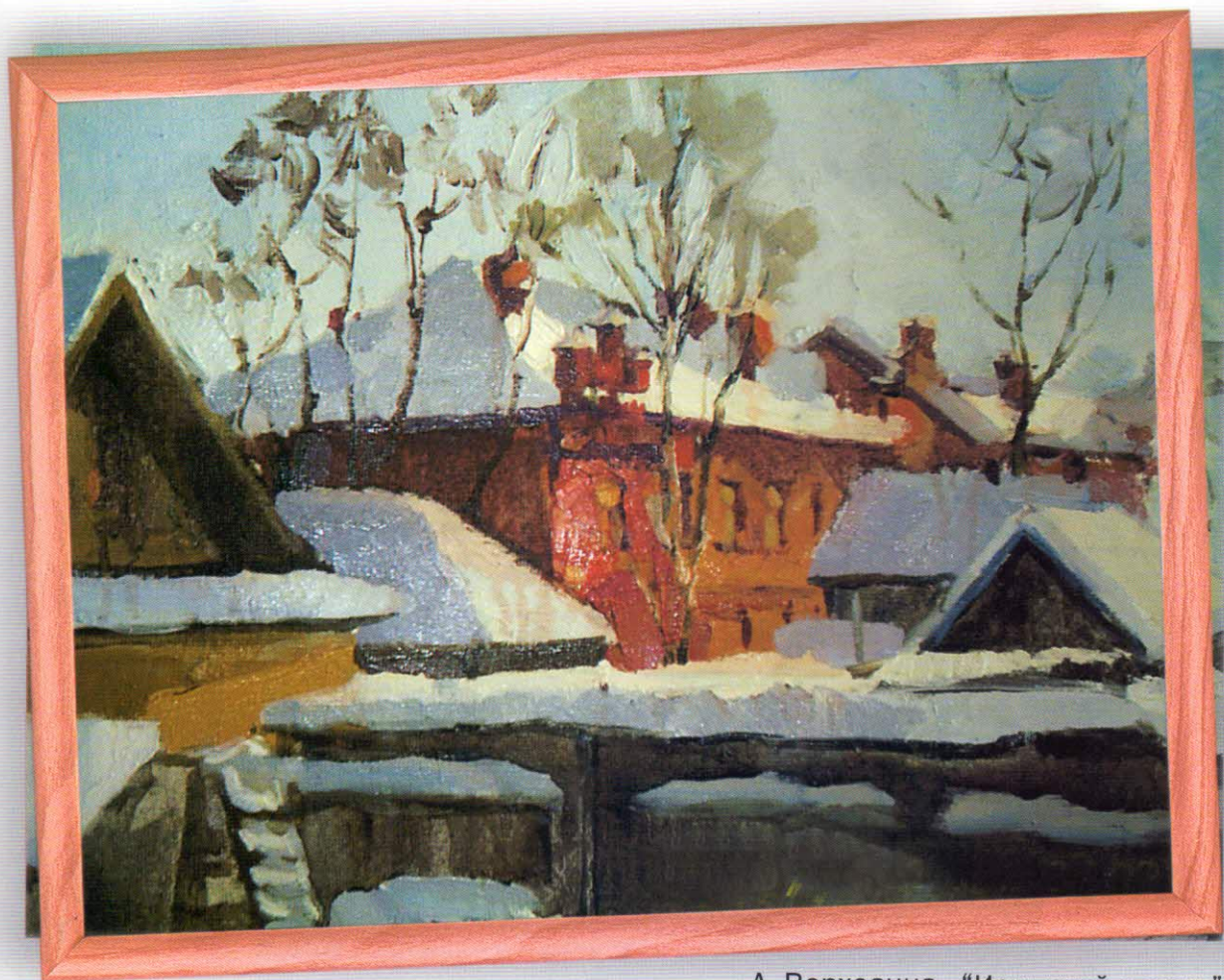
в ней, говорит о переломе чувств в душе самого художника. Контраст основных цветов спектра: красного, зеленого и синего создает впечатление радости, праздника жизни, красоты природы. Увидев это творение, хочется подняться над землей, ощутить себя птицей, почувствовать радость свободного полета.

В картине «Иркутский дворик» видна искренняя любовь и привязанность художника к своей малой родине, к этим похожим друг на друга старым иркутским улочкам, деревянным домам. Картина выполнена очень реалистично, на высоком профессиональном уровне. Тонкие деревца, ослепительный блеск заснеженных крыш, каждая деталь прописана тщательно, с большой любовью. И несмотря на то, что пейзаж зимний, ощущается необыкновенное тепло и ностальгия по своему родному краю.

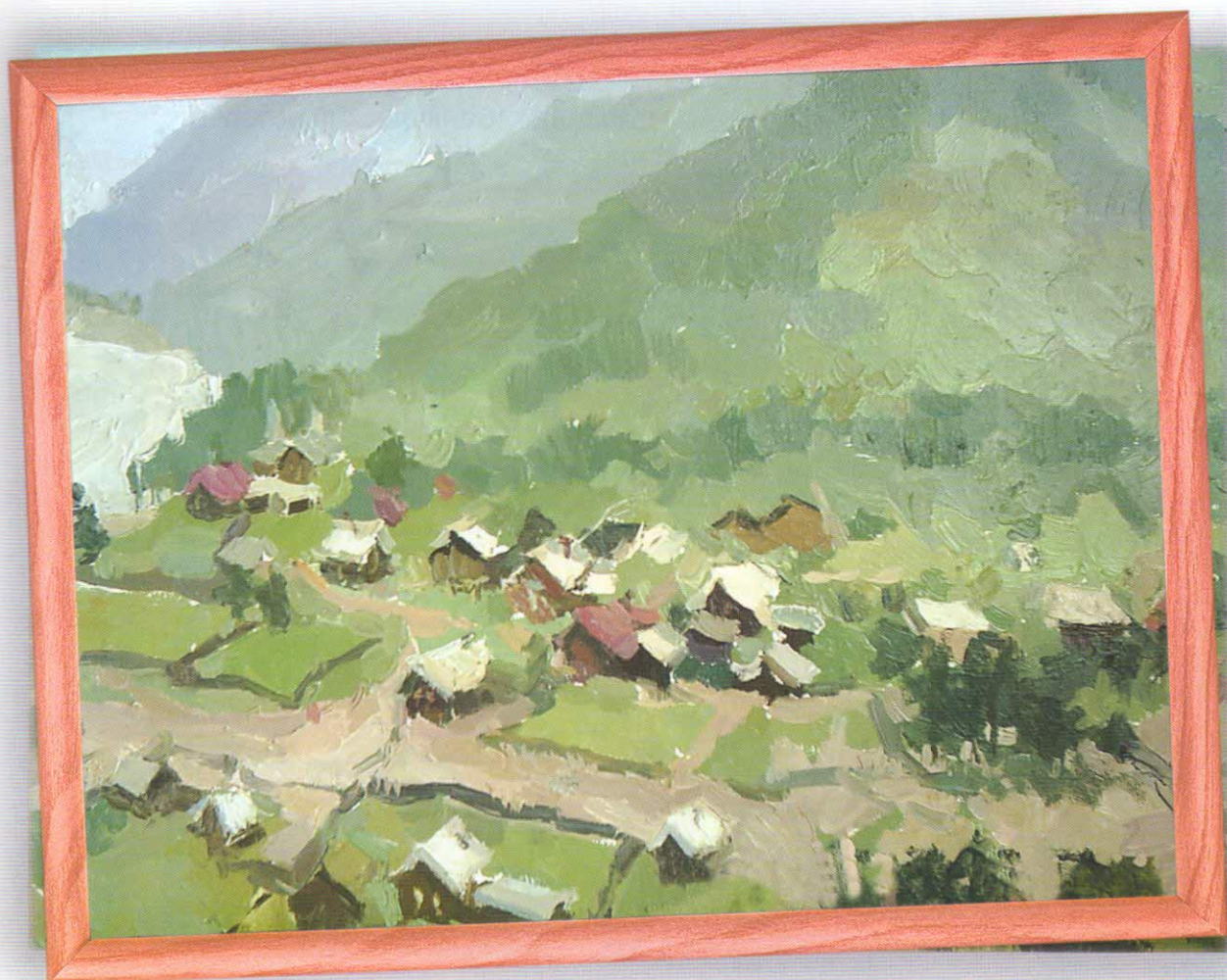
Но особенно поражает натюрморт «Весенние букеты». Комната залита ласковым солнцем, на подоконнике стоят два скромных, наивных букета первых цветов — подснежников и багульника. Картина восхищает наполненностью чистотой, любовью, надеждами юности. Глядя на нее, хочется любить и радоваться жизни. Художник применил здесь все оттенки желтого и розового цветов, и цветы как бы купаются в лучах весеннего теплого солнца.

Надеемся, что Анастасия будет по-прежнему удивлять нас своими картинами. Она повзрослеет, возможно изменится ее творческий метод, но хочется верить, что в ее произведениях останется та необыкновенная легкость, чистота, тепло и любовь к сибирской земле и всему окружающему миру, которой сейчас наполнены ее полотна.

Людмила Кистенева
искусствовед

А. Верхозина. "Иркутский дворик"

А. Верхозина. "Туманное утро"

А. Верхозина. "Байкальский ветер"

А. Верхозина. "Рябиновое пламя"

Конкурс

По итогам экологического конкурса
"Я живу на Байкале"

Stepavichonit

№ 1 (22) 2006

Кристина Малинович

г. Иркутск, школа № 65, 7 класс

ЧТО ТАКОЕ БАЙКАЛ?

Что такое Байкал?
Это прелесть природы,
Это множество скал
И чистейшие воды,
Это город родной,
Это свежесть деревьев,
Это птицы весной,
Много листьев осенних.
И родные с друзьями
В этом слове прелестном,
И княгини с князьями
На страницах чудесных.
Что такое Байкал?
Это я, это ты,
Это наша любовь
И все наши мечты.
Это мамина ласка,
Ее нежные руки,
И счастливая сказка,
Что без слез и разлуки.
Это юность и старость,
Это детства раздолье,
Безграничная радость
Или громкое горе.
Что такое Байкал?
Это наши мечты,
Это сердце мое...
А что думаешь ты?

Оксана Берданосова

с. Хомутово Иркутского района,
средняя школа, 8 класс

ПОСВЯЩЕНИЕ БАЙКАЛУ

День сегодняшний прожит не зря,
Я сегодня увидела многое;
Загляделась на море, заглянула в себя
Уровняв свою жизнь с дорогом.

Море близкое синью дрожит
Прижимается к небу чистому.
Время быстрой волной бежит
Берега омывает истоиво.

Легкий дым от огня плывет
Пляшут искры в салюте праздником.
Ты, Байкал, научил меня
Понимать в этой жизни главное.

Лия Шнапер

г. Иркутск, школа № 15, 10 класс

ЖИВИ, БАЙКАЛ!

Когда я бываю на Байкале, к сожалению, реже, чем мне хотелось бы, то я забываю о существовании серого и грязного города, о нескончаемых неотложных делах и вечной суете. Когда я приезжаю на Байкал, то заряжаю его энергией и чистотой, уходят все проблемы и заботы. Я словно остаюсь наедине с природой.

И вот я на Байкале с семьей летом. Но все равно в любое время года Байкал неповторим. Природа вокруг меня открывается в виде прекрасных гор, лугов, тайги и воздуха, наполненного запахами озера, скал и цветов: передо мной кристально-прозрачная вода, над головой — бездонное синее небо, ослепительно белые облака и жаркое солнце, а ночью сверкающие россыпи звезд. Я вижу величественные утесы, в которых время создало удивительные пещеры, таинственные наскальные рисунки, наверное, творения далеких предков или природы, уютные, аккуратные бухты и заливы. А дух Байкала — это нечто особенное, существующее, заставляющее верить в старые легенды. Чувство приподнятости и одухотворенности испытываешь на Байкале. Ощущения полной и желанной слитности с природой. В Байкал влюбляешься с первого взгляда, его просто невозможно не любить. Здесь отдыхает душа. Простые люди становятся поэтами, а реалисты становятся романтиками. Байкал вдохновляет, придает сил и насыщает энергией.

Мы сняли домик у старика. Старик родился на Байкале и все о нем

знал. Старика звали Василий, по национальности они бурят. Он очень умный старик и открыл мне глаза на многие губительные факты, связанные с Байкалом. Он рассказал мне практически все легенды. И о том, что если их род находится под священным знаком какого-то животного, то убивать его считается страшным грехом. Духи отвернутся. Его род в переводе означал — мудрая нерпа. И как раз он мне рассказал о том, что на Байкале далеко не все гладко. Теперь только на Ушканьем архипелаге живет нерпа. Он много раз видел, как она выбирается на камни после таяния льдов. Он предупредил, что это страшное зрелище. На теле многих тюленей — глубочайшие раны. Их бока словно изрублены топором. Это следы охоты. Я содрогнулась от услышанного. За что убивают таких прелестных милых существ? Некоторые, перед тем как убивать, покупают лицензии и убивают на льдах десятки детенышей нерпы. Но не все покупают лицензии, доходы от продажи за мех нерпы вызывают невиданный браконьерский ажиотаж. Байкальской нерпе осталось несколько шагов до исчезновения.

Экологическая ситуация еще более усугубляется с каждым годом. Горят и вырубаются леса в национальных парках, застроены некогда жемчужины западного берега Байкала бухты Песчаной, изувечены турбазами берега Малого моря, пробурены скважины в дельте Селенги. Невиданных размеров достигло браконьерство, вандалы усеивают берега Байкала мусором.

После долгих разговоров, рассказов незаметно пролетели дни отдыха. Но я стала больше задумываться о дальнейшей судьбе озера Байкал. Ведь люди умеют отдыхать на славу, а вот отвечать за свои губительные действия у них не хватает сил. Мы не должны забывать о том, что природные сокровища Байкала должны увидеть наши потомки. И как писал наш земляк, писатель Валентин Распутин, «Байкал создан, как венец и тайна природы, не для производственных потребностей, а для того, чтобы мы могли пить из него воду, главное и бесценное его богатство, любоваться его державной красотой и дышать его заповедным воздухом. Трудно удержаться, чтобы не повторить: как хорошо, что у нас есть Байкал». Можно бесконечно говорить о красоте и величии озера Байкал, но я скажу кратко: «Живи, Байкал, живи вечно!»

Не будет разлук, зря придуманных от безделия.
У нас на двоих одна сердечная эпидемия.

Ни бинт, ни зеленка и аспирин, и ни градусник —
Ничто не поможет ни мне, ни тебе, и не радуйся.
Сознательной болью прививки от боли не ставятся.
Уходим на карантин, иначе не справиться!

* * *

Не подобрана и не брошена.
Пусть тобой до конца не изучена.
Ну, давай, я уйду по-хорошему,
Если веришь, что так будет лучше нам.

Машет ветер распущенным веером.
Мне с тобою разлука невыносима.
Монастырской прохладой повеяло
От твоей недосказанной истины.

* * *

Люди! Спасите тонущее судно!
Спасите, ему очень трудно!
Возьмите на палубу скрещенных рук,
Бросьте на воду спасательный круг.
К берегу на руках донесите!
Как угодно, только спасите!
Если можете, сделайте что-нибудь,
Только не дайте ему утонуть!

ЛЮБОВЬ

Они безжалостно осудят
Все наши судьбы по векам...
Вперед от брошенной посуды
К начала жизни маякам!

Я тоже двигалась в потоке,
Мне тоже не хватало слов.
По проводам, в электротопке,
Без завершений и основ.

Когда твой разум улетает,
Меня отчаянно зови;
А после — снег под солнцем тает
От нашей варварской любви.

Любовь людей идет по венам,
В душевных недрах оседая,
Из разговоров откровенных,
Из заключения: «Святая!»

Она бы ушла, если б даже
не этот снег...
Вы скоро привыкнете к этому,
понемножку.

И если б нашелся чудак,
Объяснивший, зачем
солнце прячется за горами,
Мы бы не думали,
почему грустно так
Долгими зимними вечерами.

Мы бы не думали, что хорошо
И кто на деле хороший,
А снег за окном все равно бы пошел,
Падая мягко в согретые солнцем
ладоши...

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА

Человечество съело XX век
И за новый взялось осторожно.
Смею скромно заметить, что я — человек,
Если это еще возможно.

Поварята ускорили кухонный бег
И века нарезают отважно.
Смею скромно заметить, что я — человек,
Если это кому-то важно.

А шеф-повар по имени Добрый Совет
Объедки в бочок маринует.
Смею скромно заметить, что я — человек,
Если это кого-то волнует.

И всю ночь на кухне не гаснет свет
Недоеденное консервируют.
Смею скромно заметить, что я — человек,
Пусть кого-то это нервирует.

И потом, пока не забрезжит рассвет,
Маринады прячут в подвалах.
Смею скромно заметить, что я — человек,
И, наверное, это не мало.

А когда во вселенной выпадет снег
Из кусков жестяного магнита,
Я доем свой кусок как простой человек,
Пожелав всем приятного аппетита!

Алексей Просекин

Журналист, драматург, публицист. Живет в Киеве. «Расстрел» — вторая пьеса Алексея о кавказской войне. На международном фестивале-практикуме молодых драматургов «Премьера-2005» заняла первое место. Первая пьеса «Снохождения» была опубликована в нашем альманахе в № 3 (16) 2003 г.

РАССТРЕЛ

Пьеса о войне в 3-х новеллах

Действующие лица:

Ацик, Зураб, Казбек, Аршак — местные жители. Двое последних, скорее всего, находятся друг с другом в родстве, степень которого, однако, установить трудно. Имена реальные.

Кришна, Вовчик, Брусиллов — русские добровольцы. Конечно, это не настоящие их имена, а клички, или, как еще говорят, погоняля.

Виро — враг.

Изабелла Александровна — красивая девушка.

Действие происходит в одной из самопровозглашенных республик Закавказья в первой половине 1990-х.

Пояснение. Пьеса состоит из трех новелл, которые, с одной стороны, связаны друг с другом, а с другой — нет. А потому ее можно играть по частям, и тогда первая из них должна называться «Колодец, камень, ножницы, бумага», вторая — «Белла, чао!», третья — «Треугольник Афар». Если произведение исполняется в целом, уместно единое название: «Расстрел».

КОЛОДЕЦ, КАМЕНЬ, НОЖНИЦЫ, БУМАГА

Живописный лес в одной из богатых долин Кавказа. Солнечное майское утро, но состояние наших героев подавленное. На сцене боевики: Ацик, Аршак, Зураб, Вовчик. Вовчику и Аршаку лет по 25, Ацик и Зураб — старше. Впрочем, возраст персонажей не имеет особого значения. Они вооружены автоматами, есть бинокль,

рация. Боевики ведут с собой Виро, человека лет тридцати пяти, у которого связаны руки за спиной. Герои останавливаются у небольшой речки, даже скорее не речки, а ручейка. На протяжении всей сцены не участвующие в разговоре персонажи могут пить из него воду и обливать себя: всем жарко.

Аршак. Ну, вот. Вроде бы пришли.

Зураб. Ага, стоп.

Ацик. Жарко что-то.

Вовчик. Дальше лучше не идти. За дорогой уже их села.

Зураб. Да, рисковать не будем. Войны нам сейчас не хватало.

Ацик. А как мы сделаем? Здесь его и оставим? Не по-человечески как-то. Закопать бы надо.

Аршак. Не, мы сначала... того. А потом по рации дружкам его скажем, чтобы... ну... тело подобрали. (Пленному). Вот.

Виро. Кто-нибудь, дайте закурить.

Вовчик (протягивает ему пачку). Бери.

Виро. Можно две?

Аршак. Эй, долго курить собрался?

Виро. Жалко тебе, а?

Зураб. Ладно, ладно, пусть покурит.

Аршак. Мы сюда не за тем пришли.

Ацик (развязывая руки пленному). Ну, пусть покурит... перед этим...

Пленный закуривает.

Аршак. Ну, так что, кто будет... Кто будет-то... Ну, а?

Ацик. Ты и будешь.

Аршак. Здравсьте, а с чего я-то?

Зураб. А кто еще? Тебе ведь Казбек приказал.

Аршак. Он всем приказал. Давай уж лучше ты.

Зураб. А я с какой стати?

Аршак. Ты же убивал там, у себя в селе.

Зураб. Ага. Быков на ферме.

Аршак. Ну вот.

Зураб. Сравнил.

Аршак. Но я как-то не могу... вот так.

Зураб. А я — могу?

Ацик. Может, русский? Вовчик, будешь расстре... Приведешь, так сказать, приговор?

Вовчик. Ты че, пассажир. Я вообще-то сюда воевать приехал, а не расстреливать.

Аршак. А чего тогда с нами поперся?

Вовчик. Захотел и поперся. И, кстати, я не русский.

Аршак. Так что, нет желающих?

Молчание.

Виро. Люди, у вас проблемы?

Аршак. Ну что, мы даже расстрелять его не можем. Это же **Виро**. Шакал. Ацик, ну, а? Давай, прибай его. Ты ведь боксер.

Ацик. Ну... пусть он меня хотя бы ударит или... обзовет. Ну, не знаю...

Виро. Эй, брат, зачем я тебя бить буду? Ты мне что сделал, а? Ох! Я тебе тоже не враг. Дорогой! Живи тысячу лет! Мира, здоровья твоей семье. Счастья тебе и денег — чтоб не унес.

Аршак. Что же делать-то?

Зураб. Может, мы обменяем его на кого-нибудь?

Ацик. Так сейчас никого наших у них в плену нет.

Зураб. Ну, тогда на корову, там... или на свинью.

Аршак. Нет.

Зураб. Или на патроны?

Аршак. Я говорю — нет. Казик сказал расстрелять. Так что? Кто будет-то, ну, а?

Пауза.

Вовчик. А давайте «колодец, камень, ножницы, бумага».

Зураб. В смысле?

Вовчик. Ну, на руках. Как в детстве. У вас ведь здесь тоже играли: камень тонет в колодце, ножницы режут бумагу, бумага накрывает колодец... Кто проиграет, тот и стреляет.

Ацик. Идея!

Аршак. Ну, давайте.

Зураб. Хорошо.

Ацик, Аршак, Зураб и Вовчик сходятся в центре. На счет «Раз, два, три!» выбрасывают конфигурацию из пальцев. У всех четверых оказывается одно — «колодец».

Аршак. Вот те на!

Вовчик. Н-да. А чего вы все «колодец» повыбрасывали?

Ацик. А ты?

Вовчик. Я всегда «колодец» в первый раз бросаю.

Виро. Эй, долго вы еще будете меня мучить?! Так делается, да?

Аршак. Замолчи! Давайте снова.

Все сходятся в центре. «Раз, два, три!» У Аршака камень, у Ацика с Зурабом бумага. У Вовчика — неясная конфигурация.

Ацик. Бумага.

Зураб. Тоже.

Аршак. У меня камень. *(Вовчику.)*

А у тебя что?

Вовчик. Не видишь: колодец?

Аршак. Какой колодец, у тебя тоже камень.

Вовчик. Где камень-то? Колодец. Вот же, во. Я колодец так показываю.

Аршак. Да ты руку двинул, ладонь разжал. Я видел.

Вовчик. Блин, да вы достали. Говорю: я и второй раз всегда колодец выбрасываю.

Зураб. Дернул руку. Я тоже видел.

Вовчик. Да вы что тут все... Хорош быковать-то.

Аршак. Русский, ты меня не выводи, понял? Тебя никто не звал, сам с нами пошел — вот и делай, все как мы. Тебе никто тут спуску давать не будет. Тоже мне, освободитель нашелся.

Вовчик. Грузишь, да?

Виро. Нет, ну нормально. Расстрелять по-человечески не могут. Устроили тут чер-те что. Может, вы вообще прикажете мне самому себя?..

Аршак. О! Точно.

Зураб. Да. Может, ты правда...

Виро. Что — правда? Чтобы я сам себя здесь пришел, да?

Аршак. А что, в первый раз?

Виро. Себя — в первый. А вообще, вы думайте, что говорите-то. Головой.

Вовчик. Ну, а что... избавил бы нас...

Виро. Избавил... Избавил... Вот ты скажи, я грешник?

Вовчик. Говорят.

Виро. «Говорят»... Да на мне грехов больше, чем вы все здесь лобию съели. Спросите: я убивал? Да, убивал, убивал. Прости меня, Господи, прости за все страдания, которые я причинял! За каждую слезу! Братья, да я ведь знаю, что грешник. Это я — Виро! Тот самый Шакал!.. Даже не верится! И вот таким же сейчас станет кто-то из вас. Таким же грешником, я хотел сказать. Ты, ты, ты или ты, — ну кто расстреляет меня. Но это еще полбеды. Вы ведь говорите, чтобы я сам себя убил. Да вы знаете, что такое самоубийство? *(Зурабу и Ацику.)* Вот вы, стоите тут. Знаете?

Ацик. И что?

Зураб. Ну.

Виро. Это вообще самый большой грех на земле. Самый великий грех! Мне батюшка говорил. Такого вообще ни одна религия не прощает! Вообще! Это еще хуже, чем... чем...

Аршак. Чем что?

Виро. Чем... расстреливать безоружного. А я, по-вашему, должен стать еще хуже, чем есть. Хуже самого себя. Ну уж нет! Да, я сволочь, но должен ведь быть какой-то предел. В Бога-то я верю.

Аршак. Надо кончать с этим! Давайте еще раз.

Все опять сходятся в центре: «Раз, два, три!» У Вовчика колодец, у Аршака бумага, у Зураба камень, у Ацика ножницы.

Аршак. У меня бумага! Накрывает колодец.

Ацик. А у меня ножницы. Режут бумагу!

Зураб. И ломаются о камень.

Вовчик. Который тонет в колодце.

Аршак. Который накрывается бумагой. Вот блин!

Вовчик. Кажись, что-то напутали.

Виро. Опять тормозите?

Слышно шипение рации Аршака.

Аршак *(в рацию)*. Да, Казик... Да, да! Сейчас! Все, считай, сделали! Ну, что ты, минуту подождать не можешь, ну, а!

Казик *(из рации)*: Да сколько можно! Давай скорей! Вы мне здесь нужны!

Аршак. Нет, все! Все! Меня это достало. Зураб, Вовчик, сходите-ка туда, за дорогу. Гляньте, никто не идет?

Вовчик. А этот *(показывает на Виро)* не даст деру?

Виро. Убегать? Вах! За кого ты меня принимаешь?

Зураб. Да уж лучше бы он побежал, тогда бы я сразу... *(Зураб с Вовчиком уходят)*.

Аршак. Ацик!

Ацик. Да.

Аршак. А ну-ка вспомни, что в прошлом году было с твоей семьей.

Ацик. Ну...

Аршак. Они разбомбили твой дом? Отвечай!

Ацик. Повредили немного.

Аршак. Повредили немного... А где ты после этого жил всю зиму? Ну, а?

Ацик. В сарае.

Аршак. Вот так, в сарае. Теплая зима-то была... А дядю твоего кто убил? Отвечай.

Ацик. Но он сам ходил где не надо...

Виро. Ацик, брат, не я его...

Аршак. Ацик!

Ацик. Да!

Аршак. Ацик, что они сделали с твоей сестрой? Говори! Что! Ну, а?

Ацик. Зачем ты...

Аршак. А сколько ей лет, я что-то забыл?

Ацик. Не надо...

Аршак. А ведь такая же погодка была. Выпускной бал, правда, тогда в школе отменили.

Ацик. Прекрати...

Аршак. Говори! Ну, а! Я все знаю!

Виро. Эй, зачем человека травишь?

Аршак (Виро). Заткнулся!!! Ацик, это Виро. Шакал. Тот самый. Твоя сестра — она домой шла... Потом эти. Они схватили ее, затолкали в машину...

Сдерживая слезы, Ацик снимает с плеча автомат, отходит на несколько метров от Виро, направляет на него оружие.

Виро. Ацик, у тебя красивая сестра. Но меня с ними тогда не было!

Виро внимательно смотрит на Ацика.

Ацик. А можно ему... повязку... на глаза?..

Аршак порывисто срывает с себя камуфляжную куртку, достает нож, несколькими движениями вырезает из нее кусок ткани — повязка готова.

Аршак. Повязку? Можно. Конечно, можно. Вот тебе повязочка. Какая крепкая, правда? Повязку? Ну конечно, можно. Вот. Все для тебя. *(Направляется к Виро).*

Виро. Подожди!

Аршак. Нет! *(Продолжает идти к нему).*

Виро. Стойте! Стойте! Повязка, да? Повязка!!! Ну подумайте, я умру с завязанными глазами. А что мой сын, моя жена? Что они скажут?

Аршак. Мне плевать!

Виро. Они скажут, что папа сдох, как трус, да?! Мой сын, ему сейчас два годика... он вырастет. Он узнает такое. Про папу своего. Что я прятал глаза в

тряпку эту потную? В жмурки, скажет, играл. Позор-то какой! А моя мама?

Аршак. Ах, у тебя еще мама есть!

Виро. Есть!.. Ей всего шестьдесят! Ну, представь, как она рыдать будет, когда узнает, что меня убили... С завязанными глазами...

Аршак. А мы и маму твою убьем! Ацик, убьем его мать!?!

Ацик. Убьем, не вопрос. *(Забирает у Аршака повязку, направляется к Виро.)*

Виро. *(Тихонько отступает, Ацику)* Ацик, только без этого! Ты эту тряпку... ты ее — себе завяжи. Она ведь не мне, она тебе нужна. Завяжи себе, а я подойду ближе, чтоб ты не промазал, хорошо? Стой, Ацик, я не дамся!

Аршак (Ацику). Стреляй так! Только скорей!

Ацик снова направляет автомат на Виро. Тот внимательно смотрит ему в глаза.

Виро. Ацамаз, смотри на меня... Вот так... Вот молодец... Дина. Сестра твоя. Знаю ее. Коса еще длинная... да. Волосы каштановые. Хорошая девочка. Мне бы такую сестру... Или жену... Отдашь?.. Не, ну, может, правда?..

Аршак. Ацик!

Ацик передергивает затвор автомата.

Виро. А меня тогда не было с ними, нет. Да я бы и не смог, что ты... Это же другое, совсем другое, Ацик... Это же сестра твоя, Дина. И потом, это ведь только вы называете меня шакалом... А это... оно не совсем так...

Ацик. Что-то жарко совсем. *(Опускает автомат, вытирает пот.)* Еще и двенадцати нет, а как парит.

Возвращаются Вовчик и Зураб.

Зураб. Да, жарко. Жарко-жарко.

Виро. Дайте закурить.

Вовчик. На. *(Дает сигарету Виро. Все присаживаются, курят.)*

Ацик. Лето теплое будет. Это точно.

Аршак. Опять все к черту пошлит.

Зураб. Зато виноград хороший будет.

Виро. Да, должен быть хороший. *(Аршаку)* Ты Изабеллу-то выращиваешь?

Аршак. Нет, я Саперави.

Виро. У-у. На продажу?

Аршак. Нет, только для себя.

Виро. Сколько у тебя литров выходит?

Аршак. Литров триста.

Виро. Триста? Немного.

Аршак. Я и говорю, немного. Некому у меня заниматься.

Виро. А вот я Изабеллу. Тоже только для себя.

Аршак. Ну и как, нормально растет?

Виро. Да ничего. Только вот жук в прошлом году был.

Аршак. Что за жук?

Виро. Как его... скосарь. Пожрал много, зараза... Так я пойду?

Тихо, шаг за шагом, насвистывая спокойную мелодию, Виро уходит, остальные сидят на камнях на берегу ручейка как замороженные. Из транса их выводит шипение ракеты, из которой слышен знакомый голос: «Ну что вы там, сдохли все, что ли?!? Отвечай!!!»

Аршак. Уйдет же, уйдет. Шакал! С меня Казик шкуру спустит! (Направляет автомат в сторону Виро.)

Виро разворачивается, смотрит на боевиков.

Виро. Ты же не будешь... в спину.

Аршак на мгновение опускает оружие, Виро быстро скрывается за холмом.

Ацик. Вот падла!

Аршак. Уходит! Что вы стоите! Ну, а! Вовчик!

Вовчик. А я что?

Ацик. Уходит!

Зураб. К своим!

Аршак. Да стреляйте же, придурки!

Все четверо начинают безумную стрельбу вслед уходящему Виро. Пауза. На какое-то время свист Шакала прекращается.

Аршак. Ну, слава Богу!

Свист возобновляется с еще большей силой.

Виро. Мимо! Мимо! Стрелять сначала поучитесь, голодранцы! Не доросли еще до того, чтобы проливать княжескую кровь Виро. Да, русский! Все хорошо! Жди! Скоро начнется!

Все заканчивается перепалкой, в которой только слышны отдельные фразы: «Ты что тормозил?» «А ты?» «Да что я?» «Гипнотизер какой-то!» «Стрелять надо было!» «Сам бы и стрелял!» «Ну все, Казик теперь нас повесит!» «А кто виноват?» «Я, что ли?» «А кто?!?» и т.д.

БЕЛЛА, ЧАО!

Сначала на сцене темно и тихо, потом откуда-то доносится звук автоматной очереди, после чего резко включается свет: на сцене они — трое русских добровольцев. Кришна и Вовчику лет 20-25, Брусилову — за 30. Кришна сухощавый, бесплотный, Брусилов — коренастый, приземистый, Вовчик — непонятно какой. Его правая рука в области кисти перевязана посеребрившим бинтом. Герои находятся взаперти в подвале, за огромной железной дверью. В комнате лежат разбросанные ящики из-под патронов, на одном из которых лежит дверь — нехитрая конструкция используется в качестве стола, здесь же стоит железная койка с матрасом. Вовчик что есть силы лупит по двери здоровой рукой и ногами, кричит:

Эй! Открывай! Выпустите нас! Ну! Кто там! Да вы что, с ума все сошли!!! Эй, как тебя! Позови Казбека! Где Казбек? Ты что, не помнишь, я ведь вместе с тобой под пулями лазил?

Голос из-за двери (это голос молодого человека из местных, но не Аршака, который появится позже). Помню. Только я здесь ничего не решаю. Без обид, мужики!

Вовчик опускается на койку, обхватывает голову руками. Брусилов и Кришна сидят на ящиках. Первый курит, второй перебирает четки.

Кришна. Да, хреново...

Брусилов. Кто бы подумал.

Вовчик. Приехали!.. А главное — свои же. Свои!

Брусилов. Да. Только глаза протерли, а тут они с автоматами.

Кришна. Еще этот, гад, издевается: «Будьте любезны, господа, проследовать за мной?». Блин, ну еще вчера же я ему выстрелю к гранатомету по-

давал. В окопе. Когда на нас танк вот так пер.

Брусилов. Они что, правда хотят нас того?..

Кришна. С них станется.

Вовчик. А главное — свои же. Вот уроды! Мы же за вас, убогих, кровь проливали!

Брусилов. Да уж.

Кришна. Кровь-то проливали, только ты ведь, Вовчик, сначала на ту сторону воевать ехал.

Вовчик. Ага, на ту. Точно, надо было на ту ехать!

Кришна. Если бы не автобус...

Вовчик. Ну. Не на тот автобус сел. Да там ведь хрен разберет, что на нем написано. Не по-русски. Даже не буквы, а кренделя какие-то. Приехал сюда вот, огляделся. Ничего. Дай, думаю, за этих повоюю. Мне-то что. Повоевал. Облом! Не, ну чего они присобачились, а?

Брусилов. Подожди. А ты точно уверен, что это они из-за того типа?

Вовчик. Да вроде бы.

Брусилов. Так что там было?

Вовчик. Повторяю. Для военных. Специально для Брусилова.

Брусилов. Зачет: оскорбил.

Вовчик. Наши расстреливали их этого Виро, ну которого на той неделе поймали.

Брусилов. Так.

Вовчик. Мне захотелось посмотреть, как его будут расстреливать.

Кришна. Захотелось посмотреть ему! Ты что, маньяк кровавый?

Брусилов. Кришна, заткнись!

Вовчик. Интересно было: а как ты перед смертью держаться будешь.

Кришна. Вот обдолбыш!

Вовчик. На себя посмотри! Короче, его так и не убили.

Брусилов. Знаю.

Вовчик. А пока его вели, я дал ему закурить.

Брусилов. Закурить?

Вовчик. Ага, закурить. А он, зараза, вместо спасибо кричит мне на прощание...

Голос Виро. Да, русский! Все хорошо! Скоро начнется!

Вовчик. Прикинь, такая поганка. Я даже сначала не прохавал, о чем это он. Ну, они ночь думали и утром доперли, что будто я с ним заодно.

Брусилов. И мы тоже.

Вовчик. Типа того.

Кришна. Отлично!

Вовчик. Что отлично?

Кришна. Держался отлично. Видишь, человек думал не только о том, что его расстреливают, а еще и о том, что нас надо бы.

Брусилов. Теперь, выходит, нам тоже надо готовиться. Раз — и все свободны. «Спасибо танцевальным парам, отдыхайте спокойно».

Вовчик. Да я... я... вообще...

Брусилов, Кришна (вместе). Знаем!

Пауза.

Кришна (Вовчику). А что, тебе правда все равно, за кого воевать?

Вовчик. А тебе не все равно?

Кришна. Мне — нет.

Вовчик. Ах, да, ты ведь у нас за угнетенных впрягаешься. Вот от них пулю и получишь. От угнетенных.

Кришна. Правда, обидно.

Вовчик. Да видел я, как они расстреливают. Смех один.

Брусилов. Это они своего злейшего врага не расстреляли, а нас только так в расход. Здесь все наоборот. Абсурд, понимаешь. Тут, конечно, может быть один плюс один два. Но очень редко, в качестве исключения.

Вовчик. Да, теперь доказывай, что ты не верблюд.

Брусилов. Сложная задача. Тут у народа от войны такая паранойя. Я еще удивляюсь, как нас раньше к стенке не поставили. Все на нервах.

Кришна. Может, Казбек придет — все разрулит?

Брусилов. Дай Бог. Только где он? Слышишь, какой расколбас в городе начался.

Вовчик. Да, что-то шалят сегодня. А Казик — он ведь нас с хорошей стороны знает.

Кришна. Особенно тебя.

Вовчик. А что, мы тогда неплохо с ним поработали.

Кришна. На временно оккупированных территориях, ага? Много добра тогда вынес?

Вовчик. Да иди ты! Не хочу даже с тобой разговаривать. Лучше, знаешь что... Я бы письмо написал. Женщине. В Россию. А то прибьют и все, на хрен...

Вовчик подходит к двери, стучит в нее.

Вовчик. Эй! Как тебя!

Голос из-за двери. Без обид, мужики!

Вовчик. Да я не о том. Слышь, у тебя есть там поблизости бумага, ручка какая?

Голос. Вроде есть что-то. Ага. Карандаш. Блокнот.

Вовчик. Отлично! Давай сюда.

Голос. Как я вам отдам?

Вовчик. У тебя чо, ключей нет?

Голос. Есть.

Вовчик. Так открывай.

Голос. Я больной, да?

Вовчик. Ты о чем?

Голос. Я открою, а вы меня прибьете и смоеетесь.

Вовчик. У тебя же ствол.

Голос. Ствол, ага. А как я в тебя стрелять буду?

Вовчик. В смысле?

Голос. Мы же с тобой под пулями ходили вместе.

Вовчик. Угу. Хоть кто-то понимает. Что же делать? А может, ты это... Вон, в окошко просунешь?

Голос. Я совсем больной? С той стороны три снайпера хреначат.

Вовчик. Хреначат. *(Думает.)* Давай тогда так. Мы отойдем. В тот угол. Ты быстро все бросишь и закроешь дверь. *(Тишина.)* Чего заглох?

Голос. Понял. А как узнаю, что вы там?

Вовчик. А это... по голосам. Мы разговаривать будем.

Голос. Разговаривать?

Вовчик. Ага. *(Кришне, Брусилову)* Давайте скорее. *(Отводит их в дальний угол комнаты.)* Ну!

Голос. Все там?

Вовчик. Все. Давай скорее!

Голос. Ну, говорите чего-нибудь. Погромче.

Брусилов. Да не буду я ничего говорить.

Голос. Ага, слышу. Один там. Говорите все трое. Без обид, мужики!

Вовчик. Здесь мы. Здесь.

Голос. А третий?

Кришна *(громко).* Меня зовут Дмитрий Долгих. Я живу хорошо! Стою вот в углу темного подвала.

Голос. Нормально. Теперь Брусилов!

Брусилов. Да иди ты!

Голос. Отлично. Теперь студент.

Кришна. Давай быстрее.

Голос. Ага.

Пока идет перекличка, дверь приоткрывается, просовывается рука, бросает блокнот с карандашом, дверь спешно закрывается, слышен звук ключа, орудующего в замке. Вовчик поднимает блокнот с карандашом, отдает их Кришне.

Вовчик. Пиши. У меня рука.

Кришна. Ладно, давай. *(Садится за стол, готовится писать.)*

Вовчик. Значит, так. *(Диктует.)* «Привет, Анна!» Так хорошо будет?

Кришна. Гениально.

Вовчик. «Пишет тебе твой Андрей, правда, рукой своего боевого товарища. Моя была ранена во вчерашнем кровопролитном бою».

Кришна. Хорош врать-то. Сам себя ранил, когда по дури гранату разбирал. Зачем разбирал-то?

Вовчик. Не твое дело, пиши дальше. «Мы едем с друзьями по дороге Смерти мимо выжженных сел на прорыв окруженному отряду. Наверное, я сейчас не более чем мишень в чьем-то прицеле, но я пью черное вино, пою боевые песни и чувствую себя превосходно. Мне не страшно, хотя где-то рядом рвутся снаряды и пролетают пули, свист которых...» Свист которых что, Кришна?

Кришна. Не знаю. Может, свист которых тебе уже стал приятнее звуков органа.

Вовчик. Точно! Давай так! Дальше: «Я тебе уже писал, меня здесь сразу окрестили Пантерой...»

Брусилов. Лучше уж Черной Пантерой.

Вовчик. Ну. Можно и Черной Пантерой. А, вот так. «Здесь, среди наемников...»

Кришна. Я не буду этого писать.

Вовчик. Чего так?

Кришна. Я не наемник, я доброволец.

Вовчик. Доброволец он! А как ты это определяешь?

Кришна. Все равно не поймешь.

Вовчик. А вот я наемник.

Кришна. Не лъсти себе.

Вовчик. Я — наемник, понял, да?

Пес, нет, гусь войны! (*Напевает*) «Ой, летели дикі гусі у неділю дощову...»
Наемник! И не хочу казаться лучше, чем есть, как некоторые. У меня в роду интеллигентов нет.

Кришна. А кто у тебя в роду? Братки? То-то ты все песенки про купола да про волков травишь.

Вовчик. Ты это не трожь. Там каждый может оказаться.

Кришна. Да уж. Главное... как там... отрицаловку налево не гнать, когда няню с бациллой топчешь.

Вовчик. Хлебало закрой!

Кришна. Наемник!.. Наемник — он за деньги, а ты у нас по любви. Да какой дурак нанял бы такого баклана?

Вовчик. Баклана!?!

Кришна. Баклана, а кого еще-то.

Вовчик. Вот ты падаль! Подожди, выберемся отсюда, я на хате все твои четки выброшу.

Кришна. Только попробуй!

Вовчик. И палочки эти вонючие, индийские. Метлой у меня дымить будешь.

Кришна. Да я тебя урою, баклан дешевый.

Вовчик. Чакру завали, а то карму погну!

Кришна. Сам не погнись, чмо болотное!

Вовчик. Ну все, сучонок обдолбанный, ты договорился!

Вовчик идет на Кришну, тот принимает боевую позу из у-шу, оппоненты пускают в ход руки и ноги, но между ними вовремя встает Брусилов.

Брусилов. Стоять!!! Щас вломлю обоим! Вы что, уроды?! Вы можете хоть сейчас не ссориться? Нашли же время, обдолбыши! Вот идиоты-то.

Вовчик. Студент снова острит. А я, между прочим, не прочь за это дело баблишка срубить. Если удастся. Война — тоже работа.

Кришна. Да-а, и пока берешь натурой.

Вовчик. Беру. Мы и так здесь на голом энтузиазме держимся. А мне же надо есть и одеваться.

Кришна. Забыл добавить — пить.

Вовчик. Ничего, тут и так наливают.

Кришна. Да, здесь чтят своих освободителей. Хорошо вчера было?

Вовчик. Вчера как раз не хотел. Так

получилось. Просто зашел к знакомым на похороны перекусить. А там — как без этого?

Кришна. Ага. У людей горе, а ты жрать на похороны ходишь.

Брусилов. Правда. Не позорил бы ты нас. Кончай-ка с этим делом.

Вовчик. А что делать, зема? Хоронят много, кормят мало, только так и выживаем, брат. Я не виноват.

Брусилов. Тогда уж давай с бухлишком осторожнее. А то мне за тебя уже здесь высказывали, типа, зачем им такие бойцы.

Вовчик. А как ты будешь осторожнее-то? Они ж наливают стакан вина и следят, чтоб ты одним глотком его: «Давай-давай, не чай же пьешь». И так десять раз.

Кришна (Брусилову). Да чего ты на него время тратишь? Все равно оправдается. Порода такая.

Пауза.

Вовчик. О! А давай у Брусилова спросим. Брусилов, ты наемник?

Брусилов. Я? Да я просто военный. Я, кстати, в Ливии родился, и этим все сказано.

Вовчик. Для кого?

Брусилов. Объясняю. Специально для вовчиков. У меня родаки — военные спецы. Я больше трех лет в одном месте на земном шаре не жил. Ливия, Владивосток, Архангельск, Венгрия, Душанбе. Перелеты да переезды. Одни военные городки и помню.

Вовчик. Ну, нормально.

Брусилов. Не жалуюсь.

Вовчик. А чего сюда?

Брусилов. Что тебе сказать? ... Посмотришь на этих офицеров — одно нытье: зарплаты нет, жилья нет, мы никому не нужны. Сидят в гарнизонах, водку пьют. Тошно видеть. Чего плакаться-то, оружие в руки и вперед. В общем, надоело мне это.

Вовчик. Так, значит, ты того... повоевать решил?

Брусилов. Уволился и — сюда. А потом, эти ведь за Россию, да и вера у нас с ними одна.

Кришна. Не смеси — вера одна. Ты только в Москве в церкви не скажи, какие у тебя здесь единовѣрцы. Отлучат не глядя.

Брусиллов. Ну все же.

Кришна. Да язычники они все, язычники, еще и гордятся этим. А что касается за Россию, так это только сейчас. Как будет завтра? Тут уж лучше в Приднестровье или в Сербию надо было двигать.

Брусиллов. Сегодня я это понял. А ты, кстати, как решаешь проблему «человек-армия»?

Кришна. Сам видишь.

Брусиллов. А-а, уклоняешься, значит?

Кришна. Ну, вон аж где от военкома скрываюсь.

Брусиллов. Надежное местечко.

Вовчик. Так давай допишем, что ли.

Кришна. Не могу я эту лабуду писать, у меня руки дрожат.

Вовчик. Ага, руки дрожат. От страха, да? А на меня тебе наплевать? Хороший товарищ, ничего не скажешь.

Кришна. Ты кому понты эти канифолишь?

Вовчик. Одной молодежкой учительнице физкультуры. Я с ней в Краснодаре познакомился, когда сюда ехал.

Кришна. В Краснодаре? Ничего не путаешь?

Вовчик. Ты че, допрашиваешь? В Краснодаре. Я у нее две недели прожил. У нее еще дом такой нехилый, дочь десятилетняя. Правда, не похожа на мамку совсем.

Кришна. А как отчество твоей учительницы?

Вовчик. Отчество... Не знаю... Алексеевна... Викторовна.

Кришна. Ты две недели общался с учительницей, а она тебе даже не рассказывала истории из школы и не говорила, как ее называют дети?

Вовчик. А что?

Кришна. Не смейся мои тапочки. Нет никакой учительницы. Ты все придумал, обдолбав, и думал, я поверю.

Вовчик. Блин, расколос! Догадливый гад! А я сразу понял, что ты мусорок. Кришна. Все на лету рублишь, и паспорт у тебя мутный, ментовский, рожа-то мусорская. Деньги, опять же, водятся. Или ты габэшник? А?

Кришна. Незажно. Главное, что ты придумываешь всякую хрень и вприливаешь и ее всем направо и на-

лево. Вот какого черта ты это фуфло придумал?

Вовчик. Воспарить человеку захотелось. А тебе в падлу написать? Для боевого товарища? В падлу.

Кришна. У меня руки дрожат. А твоя, наверное, уже месяц, как зажила.

Вовчик. Тогда чего бы я ходил такой забинтованный?

Кришна. Это у тебя надо спросить, да ведь ты врешь, как дышишь.

Брусиллов. Достали уже. Ваши терки мне вот уже где. Тоже черкнуть письмо, что ли.

Кришна. У твоей-то хоть есть отчество?

Брусиллов. Расслабься.

Вовчик. Нет, я первый. *(Срывает бинт, под которым обнажается здоровая рука, берет листок, карандаш.)*

Кришна. Я же говорил, он только прикидывается.

Брусиллов *(Вовчику)*. Отломи немного. *(Вовчик достает из кармана перочинный нож, разрезает карандаш пополам, одну часть отдает Брусиллову.)* А ты, студент, в голове пиши, раз руки трясутся. Голова-то не трясется?

Кришна. Ладно, буду писать в голове. Хотя мне кажется, только у меня одного из нас реальная женщина.

Вовчик. Ну и как твою малую?...

Кришна *(перебивает)*. Изабелла Александровна! Фамилию не скажу.

Брусиллов. Выходит, Белла. Как в песне, что ли?

Кришна. Ага.

Все трое пишут письма. Вовчик — сидя на корточках, Брусиллов — за столом. Кришна стоит в центре сцены. Он просто мысленно обращается к своей девушке, силуэт которой появляется вдали. У двух других героев по ходу их монологов тоже могут появиться женщины — такие, какими они себя представляют.

Кришна. Ну, привет! Ты злишься, правда? Злишься. Не сказал ни слова, уехал. Только записку оставил. А ведь ты лучшее, что у меня есть. Ты у меня еще есть? Хоть немного?

Петербургский вечер за три месяца до данных событий. Кришна и Белла гуляют по городу.

Кришна. Вон, видишь?

Белла. Где? Ага, точно, пустая.

Подходят к лавочке, Кришна садится на нее, Белла устраивается у него на коленях.

Кришна. Тут и спинка есть.

Белла. Лавочка с удобствами.

Кришна. Купе.

Белла. СВ.

Целуются.

Кришна. Не надоело тебе вот так, на лавочках да по подъездам?

Белла. В меню есть что-то другое?

Кришна. Не знаю.

Белла. А чего ты такой в последнее время?

Кришна. Какой?

Белла. Ну, вот такой.

Кришна. Да так, думаю думаю.

Пауза.

Почему у вас улыбки мумий?
И глаза, как мертвый водоем?
Пепельные кондоры раздумий
Поселились в городе моем.

Почему бы не скрипеть воротам?
Некому их тронуть, выходя:
Золотые метлы пулеметов
Помели народ на площадях.

Это Роальд Мандельштам. А вот представь, завтра бы у нас война началась.

Белла. Представила. Что дальше?

Кришна. Да нет. Неправильно. Я другое хотел сказать. Вот представь, например, на Кавказе идет война...

Белла. На Кавказе идет война? А кто там с кем?

Кришна. Ты что, телевизор не смотришь?

Белла. Смотрю. Да разве там что-то разберешь? Ну, допустим, там идет какая-то война. И что?

Кришна. Представь, там есть девушка. Такая же, как ты. Ну, тоже Белла... Только там живет. Она ходит по городу — жметесь к заборам, а ночью не может заснуть от выстрелов. Война ведь. Такое творится! И она — ну, Белла эта с Кавказа — такая, как ты, только оттуда... Ты понимаешь?

Белла. Продолжай.

Кришна. Она знает: изнасилова-

ние — ну, это самое малое, что она может пережить, когда за ней придут...

Белла (*перебивает*). Ты мне напишешь реферат по философии?

Кришна. Что, реферат? Да чего там писать... А ты бы меня отпустила?

Белла. Куда?

Кришна. На Кавказ. Чтобы я заступился за нее. Ну, как мог.

Белла. Знаю я твою Беллу.

Кришна. Правда?

Белла. Ей хорошо будет. Если ты со мной останешься. (*Целует его.*) Только ты не дури, Дима.

Кришна (*он уже снова в подвале*). Ну, а я вот. Как говорит Вовчик, за один маленький народ подписался. Семьдесят тысяч нас. Тех — больше. Воюю, значит. Нам главное город удержать, столицу.

Вовчик. А потом такая рукопашная завязалась! Ну, уж я тут штыком их, штыком!

Брусилов. ...я, кажется, тебе уже говорил, был у меня один друг. Он обычно так девушек на улицах грузил: «Извините, вы не дочь военного?» — «А что?» Представь, они у него спрашивали: «А что?» Ему-то только того и надо. Тогда этот кекс сразу подсовывал свою теорию. Дескать, раньше военная профессия была в цене. В училища набирали самых крепких парней, а все девчонки мечтали выйти за них. Результат: здоровые, красивые дети. Селекция, понимаешь. А сейчас что? Вот. И я о том же.

Вовчик. Пощады? Ну уж нет, не будет этого! Вы умрете достойно!!!

Кришна (*в трансе*). Бледных, уже даже уже не плачущих женщин выводят из подвала... Или... Пулеметы расстреливают сад. Каждый снаряд при полете чуть изменяет направление, двигается от дерева к дереву, но отступающие не мешают движению огненных пунктиров... Людей прошивают, как бумагу... Ты-то думала, что черепная кость человека толстая? А ничего подобного: вот они лежат с крупнокалиберными проломами в голове... Черепные коробки, оказывается, не толще обычного бутылочного стекла... Будто кто-то сделал «розочку», но не успел пустить ее в ход... Белые парашюты-снежинки спешат в темно-красный провал дымящейся головы, но тают, не долетая...

Вовчик. Так мы эти пеленки детские — на портянки! Да! А что делать?

Брусилов. Я же, по сути, сбежал из гарнизона. Скучно там, а здесь Брусиловым вот прозвали, в честь генерала. Уважают, значит. Но бардак тут — это просто что-то. Армии нет, народ тусуется отрядами по десять-пятнадцать человек, а на деле каждый подчиняется только себе. Под пулями ходят в полный рост. Храбростью это считают. Да вы бы лучше оружие освоили, чучундры.

Я вот тут на днях одному джигиту задницу, извини, спас. Что ты думаешь, в буквальном смысле. Лежит он себе в канаве, изогнутый, как йог, — у нас так Кришна с высшими силами по утрам общается. Ага, ну, лежит этот джигит, по танку из РПП, значит, целит. Вот так. Я ему говорю: «Пятую точку спрячь». Он спрашивает: «А что, обожжет?» «Нет, — говорю, — оторвет. Там ведь такой факел сзади вырывается — что тебе сказать, сразу кранты».

Вовчик. А я кричу: «В атаку! Вперед!»

Кришна. Здесь место одно есть. Самое удивительное на всем Кавказе. Озимова скала называется, чудо природы. Недалеко от города стоит небольшой такой бугорок над обрывом, ну, метров в пятнадцать высотой. Каждый вечер, часов в восемь, там начинает дуть такой ветер, что если распрямишь тело, то повиснешь на его потоках. Вот так, под наклоном. Градусов сорок пять. Просто разбрасываешь в стороны руки и видишь над обрывом. Представила? А если подожмешь ноги, тебя отбросит на два шага назад. Потом снова подходишь к обрыву, опять зависаешь. И снова. Я привезу тебя сюда. Зависнем вместе! Это как на волнах! *(Слышно завывание ветра на Озимовой скале. Кришна и Белла зависают на воздушных потоках. Силуэт зависшей, взявшей за руки пары, остается на дальнем фоне и после слов Кришны.)* Ветер выдувает слезы, только они не капают вниз, а текут по голове к ушам. Как будто плачешь лежа. Мы накупаемся до одури, и потом побежим обратно, без напряжения. Нас ветер погонит.

Вовчик. Нет, я, конечно, не Богдан Хмельницкий, но возглавить этот поход пришлось! А больше некому было.

Брусилов. Или вот. Село три дня назад заминировали. Ну, кто же так делает. Представь, наставили противопехоток, эмЭсок третьих. Нормальные такие мины. Ну, их еще лягушками называют: они подпрыгивают при взрыве. Технические характеристики что надо. Срок боевой работы этой штуки не ограничивается, но самоликвидатором она не оснащена. Не оснащена, нет. Элементов неизвлекаемости и необезвреживаемости не имеет. Очень высокая чувствительность взрывателя — я тебе говорю. А то еще недавно получили пулеметы новенькие... Блин! О чем это я?

Вовчик. Да зачем мне ваши ордена. О своей прекрасной Родине думайте. Маленькой и прекрасной. Так им и сказал, когда товарищей хоронили.

Кришна. Ветер начинает дуть в восемь вечера, в два ночи все заканчивается. И так каждый день. Будто кто-то включает его и выключает.

...Да, здесь в одном селе захватили человек десять, привели на Озимову скалу и сбросили с нее, оставили их там на дне долины мучиться... Переломанных... А двое последних, два брата, зависли. Тогда уже начал дуть ветер. Им и в спину стреляли, и вниз толкали, а они все висели. Говорят, что они мертвые зависли. Чуть! Мертвый, он и минуты так не протянет. Надо ведь, чтоб тело прямым было! Труп падает, висеть может только живой. А вы говорите, мертвые...

На дальнем фоне все тот же силуэт зависшей пары, взявшей за руки, только сейчас оказывается, что это не Кришна с Беллой, а два расстрелянных брата.

Вовчик *(заканчивая писать)*. Вот такие пироги. А так все нормально. Где там Казик? Скорее бы уж.

Кришна. Пора бы.

Брусилов. Сколько можно решать. Да, подпортил нам биографию вражеский боевичок.

Кришна. Подпортил. Но дело, может, и не только в нем.

Брусилов. А в чем?

Кришна *(Вовчику)*. Рассказывай.

Вовчик. Ой, да нечего там рассказывать. Просто так вышло.

Брусилов (*настороженно*). Что вышло? Еще сюрпризы?

Вовчик. Как сказать...

Брусилов. Говори как есть!

Кришна. Я скажу. Ну помнишь, шашлыки из свинины ели?

Брусилов. Ели.

Кришна. Ага, ты их еще похвалил. Хорошая, говоришь, свинина. На этой неделе, сказал, от голода не умру. Классные шашлыки, хорошо так прожарились. Никогда таких, типа, не...

Брусилов (*перебивает*). Украли?!

Кришна. Нет, сказали же, ничейные были. Там другое. Помнишь, мы сдали это село, как его... Мегврикиси. Бездарно так сдали...

Брусилов. Дальше!

Кришна. Тогда к нам эти, местные, подходят и говорят, дескать, там поросята молочные в вольере на брошенной территории.

Вовчик. Сказали же: идите, хлопцы, берите, а то пропадут.

Кришна. И сам все слышал: мы десять раз спросили, есть ли там кто еще из наших. Никого. Если кто попадется — враги это.

Вовчик. Ты ведь хотел с нами идти, а потом передумал. Чего, мол, колхоз разводить.

Кришна. Ну, идем мы по селу, идем. Идем. По Мегврикиси. Там еще такая дорожка есть...

Брусилов. Что потом?!

Вовчик. А нам навстречу два типа. Автоматы в руках. Все при делах.

Кришна. Мы так и не поняли, куда они идут, еще и разговаривают шепотом. Вообще не ясно ничего. И темно — глаз выколи.

Вовчик. Вот. Короче, Кришна им гранату подарил.

Брусилов. Так!..

Кришна. Лежат они, а Вовчик винтовку направляет на них.

Вовчик. И говорю: «Иди, а я буду стрелять по всему, что шевелится, кроме тебя».

Кришна. Я подошел, а они готовые. Оба. У одного мешок с поросятами. Шевелится.

Вовчик. Наши это оказались. Ахсар с Инчиком.

Брусилов. Скоты! Скоты!! Скоты!!!

Кришна. Мы не хотели.

Вовчик. Кто ж знал.

Кришна. Ну, чего они там шарятся по ночи, а?

Брусилов. А какого хрена вы гранатами бросаетесь, а?! Есть граната — надо бросить?! Так? Руку она тебе жжет?! Граната! Жжет руку?!

Вовчик. Ну а что мы должны делать? Спрашивать: стой, кто идет? Равняйся-мирно, да?

Брусилов. Да пересидели бы в траве, обдолбыши!

Кришна. Брусилов, ну ты же ел шашлыки. Понравилось?

Брусилов. Так! Студент, ты завалил двух человек, а теперь бравируешь своим вегетарианством!

Кришна. Я не то хотел сказать.

Брусилов. А что? Идиоты! Обдолбыши! Дал же Бог братьев по оружию. Нет, ну это по сторону добра и зла! Вы понимаете, что теперь нас точно...

Кришна. Если узнают.

Брусилов. Здесь ничего не спрячешь.

Вовчик. Хорошо. Мы тебя отмажем. Я скажу... Послушай, что я им скажу. Мы ведь двоих убили: вот раз, вот два. Нас двоих и стреляйте, а Брусилова отпустите. Дебет-кредит. Все справедливо.

Брусилов. Лучше я вас здесь сам прибью.

Вовчик. Слушай, ты того... тоже здесь... не надо.

Кришна. Правда, Брусилов, не наезжай, в конце концов, кто ты нам? (*Пауза.*) И опять же, десять процентов потерь на войне — дружеский огонь.

Брусилов. Это если мы за кого не воюем, а с нами все пятьдесят. Да. Когда они нас прихлопнут, это очень даже правильно будет: от нас один вред.

Кришна. Ну чего же, вред. Вон Вовчик геройствовал — детей спасал. Потом, дедушку мы отбили, ну, который с простреленной ногой за памятником три часа под огнем стоял. А одних мин сколько вытянули голыми руками. Да ты и сам здесь спуска не давал.

Брусилов. Не вспомнят. На нас два трупа. Вы хоть стволы-то забрали у них?

Вовчик. Да. В лесу закопали.

Кришна. А они ваши уже конфисковали. И мой, наверное, уже прибрали.

Брусилов. Ага. Нам-то они выдали, а ты сам купил. И ведь продукты покупаешь на свои.

Вовчик. Солидный клиент. Откуда у студента деньги?

Кришна. Так, были кое-какие сбережения. На черный день.

Вовчик. Колись, откуда. Говори. Недолго осталось.

Брусилов. У тебя папа важный перец, да?

Кришна. Смеешься?

Вовчик. Говори, сын мой. Я тебя исповедую. И если ты здесь еще чем-то промышляешь втайне от своих друзей, я прощу тебя. Но не сразу.

Кришна. Да ты что, с ума сошел?

Вовчик. Тогда говори, откуда бабки.

Кришна. Откуда бабки. Вот привязались. Коммерческая тайна...

Вовчик. Приторговываешь чем-то потихоньку?

Кришна. Да ты что, с дуба рухнул?

Вовчик. Говори, что толкаешь! А может, тыришь чего? Кстати, ночник вот у нас пропал.

Кришна. Какой еще ночник, ты чо?

Вовчик. Не прикидывайся — ПЭЭН-Вэ. Прибор ночного видения.

Кришна. И что?

Вовчик. Да так, ничего.

Брусилов. Кстати, да. Я его со вчерашнего вечера не видел.

Кришна. Твои проблемы.

Брусилов. Что значит — мои проблемы? Это был наш ночник. Теперь его нет. Где он?

Вовчик. А знаешь, Брусилов, я бы хорошенько потряс этого востоковеда.

Кришна. Ты чо, гондон помойный, думаешь...

Вовчик. А знаешь, что у нас с крысами делали?

Кришна. С крысами?

Брусилов. Где ночник?!

Кришна. А я почему знаю!

Брусилов. Прикидываешься, солдат?

Брусилов наступает на Кришну.

Кришна. А почему ты думаешь, что я его увел, а не этот?

Брусилов. У этого денег нет. У тебя есть.

Вовчик. Классный ночничок был.

Тут такой по сотке покатыл бы. Трехкратное увеличение, защита от засветок, опять же.

Брусилов. Где ночник? Больше спрашивать не буду!

Кришна. Засунь его себе плашмя...

Брусилов. Ах ты курва!!!

Брусилов бросается к Кришне.

Вовчик (радостно). Ну, все, он тебя сейчас размажет за ночник-то.

Кришна снова принимает боевую позу, но это не помогает ему: советский офицер стремительно хватает студента, валит его на пол, начинает душить.

Брусилов. Вот тварь!

Голос из-за двери. Мужики, не ссорьтесь! Не ссорьтесь, мужики!

Брусилов. Ты у меня расстрела не дождешься!

Кришна (хрипя). Да не брал я этот драный ночник.

Вовчик (он с удовольствием смотрит сверху на лежащего Кришну). Тогда говори, откуда бабки?

Кришна. Бабки... Ладно, пусти, скажу.

Брусилов отпускает, Кришна встает.

Кришна. Ну ты даешь, товарищ майор. Я думал, ты нормальный, а ты — нашел, кому верить.

Брусилов. Ночник!

Вовчик. Деньги...

Кришна. Короче... Девушка моя стационарная, ну, с которой я встречался постоянно. Два года...

Вовчик. Красивая хоть?

Кришна. Прохожие оборачиваются.

Брусилов. Так. И при чем здесь девушка?

Кришна. Ну, я ее... того.

Вовчик. Убил и съел?

Кришна. Хуже.

Брусилов. Ну.

Кришна. Я ее продал.

Вовчик (вместе). Почему?!

Брусилов. Как?!

Кришна. Все просто. Она там крутому одному очень нравилась. Он по ней с ума сходил, крышу ему рвало не по-детски. Цветами все ее задаривал. Говорил мне: «Студент, уйди. Что хочешь, для тебя сделаю». А она меня любила. Просто так, ни за что. Сначала-то я по-

сылал его куда подальше, а потом, когда на войну эту решил ехать, зачем, думаю, добру пропадать. Ну, что, я приеду сюда и начну канючить: «Дайте мне оружие, дайте мне поесть»?

Брусилов. Как мы, короче.

Кришна. Ну, типа того. Нет, я за все сам заплатил. А деньги... вот. Заключил договор: я уезжаю на полгода, а ты делай что хочешь. Остальное — судьба. Или не судьба. И еще. Пообещал я ей не писать. Пытаюсь вот держаться.

Вовчик. Сколько взял-то?

Кришна. Да какая разница.

Брусилов. Молодец!

Вовчик. Красавчик, чего там говорить!

Кришна. Красавчик? Правда? А я думал, обдолбыш.

Брусилов. Нет, чего же обдолбыш. Крепкий хозяйственник.

Вовчик. Обдолбыш, конечно, но здесь просто орел.

Кришна. Так я правильно сделал?

Вовчик. Ну да. А че, ты же ее не в Турцию продал.

Брусилов. И не на органы. Все о кей. Железная картина, порядок, не пустяк.

Кришна. Но она меня любила. Наверное.

Брусилов. Да ладно, полюбит еще.

Вовчик. Представь, ты вернешься домой, придешь к ней, а он тебе предъявы там разные там кидать начнет: мол, я здесь основной, отвали. А ты его мочканешь.

Брусилов. Ага, опыт уже есть. В борьбе обретишь ты право свое.

Вовчик. Не парься. Ты все правильно сделал.

Брусилов. Хорош.

Кришна. Правда? Вы так считаете? Тронут.

Вовчик. Ну дак.

Кришна. А я вот что хочу вас попросить. Если меня сегодня... аннигилируют, а кто-то из вас останется живым, то передайте Белле...

Брусилов. Что твои духовные поиски окончились сокрушительным успехом? Передадим.

Вовчик. Нет. Что вы встретитесь в следующей жизни. Ты будешь камнем, а она речкой.

Кришна. Да, глупо как-то. Ладно, ничего не надо.

Вовчик. А если меня... как это... аннулируют, а вы останетесь живы, то возьмите там, в общежитии, за холодильником, мешочек.

Брусилов. А что в мешочке?

Вовчик. Ясен пень, ночник.

Кришна (без зла). Ах ты погань.

Вовчик. Да знал же, что придут за нами, вот и сховал. Не мне, так вам понадобится.

Брусилов. Вот те на. А если бы я из-за твоих маневров нашего студента?..

Вовчик. Ну, то такое.

Брусилов. Это, конечно, все хорошо, но куда же провалился Казбек?

Вовчик. Слушайте, а давайте так. Гранату в тех мужиков бросил, конечно, Кришна, но ведь это я ему сказал так сделать. Почти приказал.

Кришна. И что?

Вовчик. А ты разве не понял, ведь книги умные читаешь. Так вот, военный преступник — это не тот, кто преступный приказ исполняет, не-ет, а тот, кто его отдает. Значит, виноват я.

Брусилов. Ты че городишь? Мы все трое у кого в отряде?

Вовчик. У Казбека.

Брусилов. Правильно. А среди нас троих главный кто? По жизни?

Кришна. Ну, ты.

Брусилов. Точно. Вы мои подчиненные. А кто отвечает за подчиненных? Командир. Как я накажу вас — это уже мое дело, а вот перед вышестоящим начальством отвечаю я. Во всех армиях так.

Кришна. И что нам всем теперь делать?

Брусилов. А ничего. Выходит, наши двухсотые на моей совести.

Кришна. Ну, это вообще софистика какая-то.

Вовчик. Не, Брусилов, ты это студента так грузи, а я только себе подчиняюсь.

Кришна. Да все равно решать будут они. Адвоката не дадут никому.

Вовчик. И слава Богу. А то у меня всегда адвокаты плохие были.

Кришна. Часто были?

Вовчик. Три раза. Три ходки. А все отчего? Дурной я. Сначала делаю, потом думаю. Не, хуже. Иногда вообще не думаю. Вот знаешь, как я впервые загремел? Еще в школе было. Взял и взорвал раковину в женском туалете.

Кришна. Зачем?

Вовчик. Ото ж, зачем. Не знаю.

Кришна. И что, тебя из-за этой разбитой раковины на малолетку?

Вовчик. Нет. Там осколком учительницу задело.

Кришна. Учительницу физкультуры?

Вовчик. Ага, моложавую. Только я вот все ее отчества вспомнить не могу.

Кришна. Да ладно, черт с ним, с отчеством.

Вовчик. Ну, дальше пошло-поехало. Метало меня, я все ездил куда-то, жил где придется. А вот здесь, кстати, хорошо себя чувствую. Этот запах керосина, чуваки в камуфляжах, живешь одним днем — норма. Будто что-то правильное делаешь.

Кришна. Меня здесь тоже прет. А что там делать, водку пить да по бабам ходить? Брусилов, а тебе здесь как, хорошо?

Брусилов. Да просто живу и радуюсь. С такими-то орлами чего грустить.

Вовчик. Ну отлично.

Голос из-за двери. Казик идет! Мужики, Казбек!!!

Голос Казбека доносится сначала издали — командир спускается в подвал, потом появляется он сам.

Брусилов. Все, кранты.

Казбек. Где они?! Где эти русские?! Студент, Вовчик, Брусилов! Где мои русские братья? А-а, вот они!!! (Вооруженный Казбек входит в подвал, обнимает добровольцев, за ним следует Аршак. Он несколько смущен, а может, это только кажется.)

Кто вас сюда заточил? Этот? Ты держал моих русских братьев в сыром подвале! Знаешь, кто ты после этого? Эти воины-освободители приехали воевать за твой дом, за твоих женщин и детей, а ты запер их сюда! Грозил расстрелом! Знаешь, кто ты после этого? Ты чурка! Официально! Чурка чугунная! Как ты мог подумать, что вот эти Георгии Победоносцы на стороне наших врагов, что они сражаются за этих неоколониалистов? Братья, простите меня, простите за этого вот чурку! Нет, ну это... я не знаю...

Брусилов. Да ладно, ничего.

Кришна. Ну, с кем не бывает.

Казбек. Мы ко мне. Сейчас все ко мне домой. Поляна-маляна! О, я вам такой шашлык сделаю!.. Вино! А вино нам принесет угадай кто, чурка? (Аршак.) С тебя вино, понял? А теперь официально извинись перед нашими братьями.

Кришна. Да ладно, не надо.

Вовчик. Мы уже попустились.

Казбек. Эй, помолчите-ка. Так-с, я что-то не слышу.

Аршак. Извините, ну, а...

Казбек. Ох, если еще раз узнаю...

Вовчик. Он исправится.

Казбек. Мы все надеемся на это. Ну что, идем?

Кришна. Пошли.

Казбек. На машине поедем.

Кришна. На какой машине?

Казбек. На железной — здесь стоит.

Брусилов. На БМП, что ли?

Казбек. Ага. Поведешь? Ты же умеешь.

Брусилов. Умею.

Казбек. Ай, красавец! Официально!

Брусилов. А зачем нам по городу — на броневике?

Казбек. Ох, пустяки. Не думай. Просто надо децл поработать. Мой дом — там немного враги.

Кришна. Какие еще враги?

Казбек. Да неоколониалисты эти. Захватили микрорайон, мракобесы Средневековья! Но ничего, сейчас наведем порядок и — шашлыки. Мы с Брусиловым поедем в этой консерве, а вы втроем пойдете вдоль дамбы. Стрелять по моему сигналу.

Брусилов. Так что, воевать будем?

Казбек. Ой, да разве это воевать. Просто организм должен себе на обед заработать. Доктор сказал. (Смеется.) Все, пошли-пошли! Сейчас мы сделаем брусиловский прорыв. Официально. Быстрее. Ну! Я уже проголодался. Нарядим этим козлам шалаш и — кушать. Чурка, с тебя вино. Кришна, братан! Люблю тебя! Давай песню какую-нибудь сбацаем, что ли. Давай вместе.

Поют:

В горах и предгорьях цветут эдельвейсы.
В долине послышался крик коростели.
Мы скоро увидимся, будем мы вместе,

Подвешенки

Дорога к тебе мою песню несет.
О, Белла, чао! О, Белла, чао.
О. Белла, чао, Белла, чао, Белла, чао,

О, Белла, чао, Белла, чао, о, Белла, чао,
Белла, чао, Белла, чао, чао, чао *

Направляются к выходу.

Конец

ТРЕУГОЛЬНИК АФАР

Обычная комната в частном доме. Это тот дом, который еще недавно отбивал Казбек и Аршак со своими русским друзьями. По всей видимости, им это удалось, так как в нем находится его настоящий хозяин — Казбек. Он сидит за столом в комнате, освещенной примусом. Глубокая ночь. На столе — стакан, хлеб, немного зелени, граната, рядом автомат АК-74. Казбек сначала сидит на стуле в полудреме, потом начинает разговаривать сам с собой. Представляет.

Один, два, три... двадцать... восемьдесят... триста пятьдесят... четыреста... четыреста пятьдесят... пятьсот пятьдесят... Пятьсот девяносто девять... Шестьсот! Шестьсот!! Шестьсот!!!

Вот так, да? За один день? Просто так? Шестьсот танков. Даже не продали, подарили... Это конец! Все зря! Три года воевали... ранение... Алан, Зураб... Так, ни за что. Пустые хлопоты. Четыре валета — по жизни. Ну уж нет!

Вскакивает, начинает крушить прикладом автомата шкаф-стенку.

Ничего вам не отдам! Все сожгу! Ни стула вам! Ни куска хлеба!

Успокаивается, садится за стол, что-то вспоминает.

Да, надо сходить. Надо. Сейчас, а когда еще? Может, в последний раз.

Собирается, берет автомат, две гранаты, уходит.

Улица, мешки с песком, где-то горит костер, передвигаются тени вооруженных людей. Голос из темноты: «Стой, кто идет?»

Казбек. Это, я, Казик.

Голоса. Привет! Как ты? Все нормально?

Казбек. А вы как здесь, негодяи?

Голоса. Да ничего. Кукурузу вот на костре печем. Бери.

Казбек берет кукурузу, ест.

Голос. Не сырая?

Казбек. Не-е, в самый раз.

Голос. На здоровье. Соль вот.

Казбек. Шашлыки из кукурузы. Да, время нынче голодное.

Голос. А что делать.

Из тени появляется Аршак, обнимает Казбека. Потом оба, сидя на корточках, курят.

Аршак. Чего не спится-то? Сегодня же не твое дежурство.

Казбек. Да вот... Отправил сегодня Заринку с детьми.

Аршак. А я вчера своих проводил. Со скандалом. Не хотим, говорят, за хребет, лучше здесь умрем. Тоже мне герои. Еле вытолкал, прикинь. Так-то спокойнее — вон какая свистопляска пошла, ну, а. У меня вся спина болит: целый день сегодня покойников да раненых таскал. Что будет, как думаешь?

Казбек. Отобьемся, может.

Аршак. Должны. Отбивались же до этого.

Казбек. Хотя... слышал?

Аршак. Да. Округ им шестьсот танков подарил. Даже не верится. (Пауза.) А ты куда собрался?

Казбек. Хочу на кладбище сходить, на могилы родителей.

Аршак. Ты это... осторожнее. Там уже не наши позиции. (Вдруг о чем-то догадываясь.) Постой! Ты что, прощаться идешь? Ну-ка скажи!

Казбек. Нет. Просто давно не был.

Аршак. Не ври. Я тебя знаю! Ты что, не веришь! Думаешь, не отобьемся? Думаешь, это в последний раз? Ну, а?

* Вольный перевод Гарика Сукачева итальянской народной песни.

Казбек. Прекрати. (*Встает.*) Я пошел.

Аршак (*тоже встает*). Я с тобой!

Оба уходят. (Следует учесть, что на протяжении ближайших сцен друзья пробираются по разбитому городу, по лесу и по кладбищу).

Сцена следующая

Казбек и Аршак снова сидят на корточках, курят.

Аршак. Казик, ты что, не веришь?

Казбек. Да отстань.

Аршак. Казик!

Казбек. Ты же знаешь, Россия им шестьсот танков передала. Запросто. Возьмите и все. Завтра они все здесь будут. А у нас что? Только город два километра на четыре. Сметут, на хрен, все за неделю.

Аршак. Ха! Да половина этих танков вообще металлолом! И кто на них поедет? Эти же уроды передают друг друга. Ты и сам знаешь, как горят эти коробки, ну, а. А у нас тут мины на каждом шагу.

Казбек. Они что, дураки — сюда соваться? Поставят технику во-о-н там и начнут сверху долбить днем и ночью, пока не сравняют здесь все.

Аршак. Ну ничего, мы уйдем. Потом вернемся. Партизанить будем.

Казбек. Да кто партизанить-то будет? Все только говорят. Партизанить...

Аршак. Ну, пускал же твой дед поезда под откос в Белоруссии.

Казбек. Нашел, кого сравнивать с моим дедом. Мой дед — Советский Союз, а я — наша республика.

Аршак. Казик, да ты что, забыл. Мы ведь нарты — дети солнца. Сослан, Бартаз, Дзерасса — наши предки. Мы хозяева времени и пространства.

Аршак напевает народную песню.

Казбек. Что ты несешь? Какие нарты? Весь этот эпос наши профессора придумали, чтобы сюда туристы ехали. Знал я одного такого профессора. Алкаш.

Аршак. Братан, ты просто устал. Ничего, сейчас придешь домой, выпьешь две снотворных таблетки. Проснешься веселый, как Буратино. Пройдет депресняк. Пошли. Ну, а?

Уходят.

Сцена следующая

Снова Аршак и Казбек курят, сидя на корточках.

Казбек. Уже недалеко осталось.

Аршак. Только на гору подняться.

Казбек. Завтра сюда пригонят танки, и — самых счастливых из нас назовут беженцами. Этнические чистки — слышал о таком?

Аршак. Напугал. «Беженцами»! Сейчас обижусь! Да я давно хочу отсюда ноги сделать. Это все — оно мне надо? Убиваться тут еще. Я сам вчера со своими чуть не уехал за хребет. Пусть эти гады подавятся нашей землей. Зато я жить останусь. Назло. У меня дети есть, сын.

Казбек. А что ты будешь там делать?

Аршак. Будто ты не знаешь.

Казбек. Скажешь: «Здрасьте, я браток, меня выгнали с моей родины, официально, теперь я приехал на вашу»? Будешь копейки у бабушек отбирать, у продавщиц сигарет?

Аршак. Да, да, да. А ты сначала разберись с теми, кто отбирает у них. А там серьезный народ. Но мы-то круче. Посчитай: у нас двадцать человек, у Сармата пятнадцать, у Резо... Все обстрелянные, оружия много, патронов много. Да мы кого угодно порвем. Порвем, как Тузик кепку. Ну, а.

Казбек. Порвем...

Аршак. А что делать? Когда нас убивали, вы водку пили да по девкам ходили. Теперь наши проблемы стали вашими. Деньги на стол! Все, Казбек, ты свое отработал, теперь ты нервный, больной, тебе отдохнуть надо. Давай вообще бросим все и поедem завтра. Ты здесь никому не должен.

Казбек. Да уж...

Аршак. Только подумай. Сколько тебе лет?

Казбек. Двадцать семь.

Аршак. О! А что ты видел за это время? Родился, учился, армия, потом эта война чертова. Ты ведь техникум закончил, геологом хотел стать.

Казбек. Вулканологом.

Аршак. С добрым утром. А это еще что такое?

Казбек. Вулканы изучать хотел. Официально.

Аршак. Так это вообще... Расскажи.

Казбек. Не поймешь.

Аршак. Ясное дело. Я ведь дурак, ты один у нас такой умный.

Казбек. Разогрей эти горы до тысячи градусов — поймешь.

Аршак. Ну?

Казбек. Знаешь, какие самые красивые озера?

Аршак. Удиви меня.

Казбек. Лавовые. На вулканах которые. Только там вместо воды расплавленный камень.

Аршак. Офигеть! Такое есть?

Казбек. Ты думал. А еще там, на островах, есть вулкан один. Из него порода вылетает тонкими струйками такими. Они потом застывают в воздухе. Получаются... ну как сказать, такие лески, что ли, песочные. А местные жители называют их «волосы Мон-Пеле».

Аршак. Из-за футболиста, что ли?

Казбек. Из-за какого футболиста? В честь богини их — Мон-Пеле. Она в кратере живет. Официально.

Аршак. Внутри, что ли?

Казбек. Ну!

Аршак. Круто!

Казбек. Ну так. А что такое Парикутин, тебе еще рано знать.

Аршак. Расскажи уж.

Казбек. Не, молодой еще.

Аршак. Добей меня, ну, а.

Казбек. Короче, это вулкан такой. Он вырос прямо на глазах на огороде у одного фермера в Мексике.

Аршак. Во повезло мужику.

Казбек. Не говори. Представь, ты спокойно себе живешь, а тебе однажды с утра: получите вулкан, распишитесь. А?

Аршак. Да-а, нормальный такой подгон. А сколько их на земле, вулканов?

Казбек. Действующих — пятьсот шестнадцать. Может, даже расскажу тебе о вулкане Телеки и треугольнике Афар. Это такой... ну... пуп земли, что ли. Узнаешь — у тебя вообще крышу сорвет. Официально.

Аршак. Обещаешь?

Казбек. Обещаю.

Сцена следующая

Подняв над собой на вытянутых руках автоматы, Казбек и Аршак переходят вброд реку. Казбек идет первым.

Аршак. Вулкан в огороде! Обалдеть! А я бы не хотел такого, если честно. Пусть уж лучше такие овощи растут у соседа!

Казбек (*всматриваясь в темноту*). Тихо!

Казбек и Аршак резко залегают, смотря перед собой, видят вдали тени.

Казбек. Это они.

Аршак. Опа! Не нарваться бы. Ходят-ходят. Что они там делают? Несут что-то? Окапываются. Нет, не окапываются.

Казбек. Черт их знает. Это не люди.

Аршак. Да уж. Вон сколько у нас народу положили.

Казбек. Ты не понял. Это вообще не люди!

Аршак. Как так?

Казбек. Не люди! Видишь, у них головы медвежьи.

Аршак. Да ты с ума сошел.

Казбек. Посмотри получше. Вон же.

Аршак. Хорош дурить!

Казбек. Да ты посмотри только. Разве люди бывают такие?

Аршак. Казик, сейчас не время.

Казбек. Да ты на морду вон того посмотри!

Аршак. Это у него борода, идиот.

Казбек. Не борода!

Аршак. Я сейчас отстрелю ему эту бороду. Вместе с головой.

Казбек. Нет!

Аршак готовится стрелять, Казбек не дает ему это сделать. Оба лежат еще полминуты в укрытии.

Аршак. Ушли, кажется.

Казбек. Ага. Идем.

Поднимаются, идут.

Аршак. А ты тоже как придумаешь: медвежья голова! (*Смеется.*)

Казбек. Я не придумал. Это от войны расплодилось.

Аршак. Может, хватит, а?

Казбек. Я ничего не придумал!

Аршак. Ладно, не придумал так не

придумал. Черт с тобой. (Пауза.) Что я там втирал? А, вот. Ну кто знал, что так все будет. Вот кто виноват, что ты теперь здесь под пулями кувыркаешься, а? Слушай, Казик. Я ж тебе всегда добра хотел. Давай так. Мы делаем на все это вот такую кучу — сдем за хребет и начинаем жить по-взрослому! Понял?

Казбек. Поясни.

Аршак. Ну представь, дурилка картонная, мы будем держать рынок. Всего один. Прикинь, ты там самый главный, ну, а. Тебе все бабки несут, боятся тебя, как дети темноты... Да! И не спорь!

Казбек. Ага, а здесь нас победят. Тебя, меня — нас всех как пацанов сделают, да. Войну проиграть! Это ж тебе не в футбол играть.

Аршак. И что? Плюнь на все!!! Братан, сейчас бабло решает. Будут деньги — мы сюда зоть на вертолете прилетим. Да только тебе уже обратно не захочется. Москва, Женева, Лас-Вегас — вот о чем должен думать гений Кавказа. А эти развалены... Кому они нужны? Не смейся, ну, а. Мы еще спасибо им скажем, что нас прогнали. Только представь: ты весь в «Алдидасе».

Казбек. В «Алдидасе»? Вот это да.

Аршак. Ага, в настоящем. С полосками. У тебя дубленка, цепи вот здесь и здесь золотые, свой кабинет, «мерс», охрана, сауна.

Казбек. Я не люблю сауну.

Аршак. А что любишь?

Казбек. Русскую, с веником.

Аршак. Так я что говорю, сауна с русской баней. Березовый веник.

Казбек. Дубовый.

Аршак. Два дубовых веника! Ты сидишь, такой расслабленный, в простыне, чай пьешь, заливаешь коньяком, трешь по телефону. Ты говоришь: типа, перечислите столько «зеленых» туда-то, столько туда, а этого уберите. Все такое. А потом тебе двух... нет... трех телок приволят: «Казик, мы твои навеки». Одна рыжая, другая блондинка, третья брюнетка.

Казбек. А какой я больше нравлюсь?

Аршак. Что за вопрос, ну, а? Ты больше нравишься той, которая нравится тебе.

Казбек. Логично.

Аршак. Да. Ты ведь хозяин положе-

ния. Короче, Казик. Ради меня. Мы же родственники, боевые друзья и все такое... ну вот. Давай так: ты год живешь там, командуешь нами. Наши слушаются тебя, с тобой не страшно, ты хитрый, ты продумываешь все вперед, а там не только пушками, еще и головой надо работать. Казик, ты ведь не только мне нужен... Давай! Всего год, ну, а? А потом делай что хочешь.

Казбек. Год?

Аршак. Год.

Казбек. То есть мне надо всего год официально побыть бандитом.

Аршак. Назови это так.

Казбек. А вы как-нибудь без меня можете?

Аршак. Какой же ты. (Пауза.) Я вот книжку тут одну листал. Там написано. Есть, оказывается, такая штука. Боязнь успеха называется. Это про тебя. Живет себе такой Казик в занюханном городке на Кавказе. И все у него может быть: и деньги, и девки, и тачки, но что-то ему мешает. А вся причина вот тут, в голове Казика, который не хочет всего этого. Тяжелый случай. (Пауза.) Слушай, а как, ты говоришь, этот пуп земли называется?

Казбек. Треугольник Афар. Он в Африке. Прикинь, нехилый такой треугольничек. Там каждая сторона — это горная гряда в шестьдесят километров и вулканы по бокам. Официально. Вот так. (Чертит на земле, показывает.) Короче, там плиты геотектонические расходятся в разные стороны... Ой, как тебе, дурню, объяснить... Словом, все, что происходит с землей, там начинается. А внутри треугольника всегда жара под шестьдесят градусов. Мертвое место. Ну, не в том смысле мертвое.

Аршак. Я понял. А это вообще красиво?

Казбек. Даже страшно подумать, как красиво. А еще говорят, треугольник Афар — прародина человечества.

Аршак. Вот ни фига себе. А ты хочешь все это увидеть?

Казбек. Спрашиваешь.

Аршак. Что ты вот так туда приедешь, все сам потрогаешь?

Казбек. Да это просто сон.

Аршак. Так вот. Делай как скажу, и увидишь. Ну, не хочешь «мерс» — да черт с тобой. Не хочешь девок, любишь

Зарину — флаг в руки. Не нужно тебе много бабла — и это переживем. А вот треугольник Афар ты обязан увидеть. Понял, да! И волосы богини. И озера эти каменные. И что там еще!.. Заработаем — вместе поедем.

Казбек. Ну, ты в чем-то прав.

Аршак. Не то слово. Так ты согласен?

Казбек. Год?

Аршак. Всего год. Согласен?

Казбек. Елки зеленые...

Аршак. Ну?

Казбек. А ты поедешь со мной?

Аршак. На прародину? Что за вопросы, дорогой!

Казбек. Правда поедешь?

Аршак. Я тебя умоляю...

Казбек. Афар...

Аршак. Только вот что: а мы там не поджаримся? Шестьдесят градусов.

Казбек. Так мы ж на тачке с кондиционером.

Аршак. А, да-да. Только быстро: сначала туда, потом обратно. Слушай, меня уже что-то печет.

Казбек. То ли еще будет.

Аршак. Треугольник Афар, я к тебе спешу! Казик, все будет супер! Я тебе говорю. Пойдем скорее!

Уходят.

Сцена следующая

Казбек и Аршак пробираются по кладбищу.

Аршак (показывая на две могилы). Русские.

Казбек. Ага, Кришна с Вовчиком. Надо бы прибрать здесь.

Аршак. Наверное, месяц уже никто не ухаживал. Да кто сейчас сюда пойдет?

Казбек. Отчаянная была парочка. А, вспоминаю. Моя сестра Кришне на день рождение картину подарила. «Горячие точки, или курильщики — предвестники зари». Хорошее название?

Аршак. Остроумно. А знаешь, это ведь они тогда двоих наших положили, Ахсара с Иналом?

Казбек. Они не специально.

Аршак. А с ними... глупо все так.

Казбек. Глупее уже и не придумаешь.

Аршак. А все потому, что без ненависти они воевали. Нельзя так. Здесь нельзя, ну, а. Да и не их это драка, я им говорил об этом. А мне студент все отвечал: нет чужих драк. Что за глупости?

Казбек. Я ведь потом узнал, как все было. Кришна с Вовчиком — они ведь отстреливались в окружении полдня. В том ресторане, заброшенном. А когда те боевички появились из-за угла, выстрелить вот так, в упор, не смогли. Пожалели. И гранат у них уже не было.

Аршак. Да, и разоружили их.

Казбек. Взяли, как детей. А я вспомню... мрак. Мясо черное, глаза выжжены. Что ты хочешь, четыре дня паяльными лампами пытали.

Аршак. Не, я без двух гранат даже ведро на помойку вынести не выйду.

Казбек. Я тоже. Если что — сразу себя. Не дай Бог все это.

Аршак. А третий, этот, как его, Брусилов, в Югославии героически. Слышал?

Казбек. Угу.

Аршак. Идем?

Уходят.

Сцена следующая

Аршак и Казбек пробираются между могил по кладбищу. Выходят на открытое место.

Аршак. Еще немного.

Казбек. Где-то здесь. (Спотыкается.) Черт, ничего не видно. Я и днем-то всегда блуждаю в этом месте. Приготовь ствол. Мало ли что.

Аршак и Казбек снимают с плеч автоматы.

Аршак. А эти уже недалеко. Видишь огоньки?

Казбек. Да. Вон куда подобрались. Официально. А еще танки подгонят — что будет.

Аршак. Не думай об этом.

Казбек. Так, а где же могилы?

Аршак. Не видно. Заблудились, наверное. Я же говорил, надо левее брать.

Казбек. Вроде точно пришли.

Аршак (подходит к одной из оград).

Ограды-то есть. (Заходит внутрь, зажигает спички, рассматривает.) О, черт!

Казбек. Что там?

Аршак. Земля разворочена. Ни хрена себе! Памятник украли, сволочи!

Казбек (подходит к другой могиле).
Здесь тоже!

Аршак. И здесь!

Казбек. И там. Продали, наверное, уже. Вот гады. (Рассматривает землю).
Следы. Свежие. На грузовике приехали.

Аршак (бросается к Казбеку, хватая его).
Пойдем отсюда! Здесь опасно!

Казбек (вырывается). Где могилы?
(Заходит внутрь следующей оградки, падает на колени, шарит руками в темноте.) Их нет!

Аршак. Казбек, уходим!

Казбек. Здесь плиты были! Мраморные! Забрали! Обе! Отца и матери! Они взяли!

Аршак. Казбек, пошли-пошли!

Казбек (передергивает затвор автомата, начинает беспорядочно стрелять в темноту. Аршак набрасывается на него, пытается сбить с ног, не дать выстрелить, Казбек вырывается).
Все из меня вынули, суки! Ненавижу!!!

Казбек стреляет, Аршак пытается удержать его. В ответ раздаются

автоматная очередь. Казбек падает, лежит в оградке, рядом Аршак.

Аршак (полушепотом). Казик, ты что наделал? Зачем, а? Вставай... Ну... Пойдем... Все будет хорошо... Пойдем, друг... Ну... давай-давай... Отобьемся... Вставай, не дури... Год, всего год... Пойдем!.. А как же треугольник Афар... Ты ведь обещал... Зачем нам это кладбище... Пойдем, братан... Веник... дубовый... Пошли... Ради меня... Ну!.. Что я скажу Зарине... Давай, вставай... Там поляна... Тебя ждут... Ты слышишь?.. Потом отдохнешь... Казик, ты что...

Сцена следующая

Аршак возвращается к своему посту: на одном плече у него висит свой автомат, на другом — автомат Казбека. Из-за стены мешков с песком доносится окрик: «Эй, кто идет? Кто идет?» — «Это я». — «Аршак. Не узнал. А где Казик?» — «Я теперь Казик. Я — Казик!»

Светает. Обессиленный Аршак сидит на земле, облокотившись спиной о стену с мешками с песком, курит. Слышен шум порывов ветра на Озимовой скале, затем этот звук меняется на звук лязганья гусениц шестисот танков. Сначала оно тихое, но с каждой секундой становится все громче и громче, заполняя собой все вокруг.

Конец

Золотой фонд

Намжил Нимбуев

Родился 11 июня 1948 г. в г. Улан-Удэ. Намжил — сын известного бурятского поэта Ш. Нимбуева. Он рос в атмосфере поэтического творчества. Стихи писал с 11 лет. В 1962 г. в пионерском лагере Артек был удостоен золотой медали Крымского фестиваля за стихотворение «Руки прочь от Африки».

Автор поэтического сборника «Стреноженные молнии». Из-под его пера также вышли пьесы, рассказы, эссе. Ушел из жизни в 1971 г.

Намжил Нимбуев вслед за поэтами Древнего Востока повторяет вновь и вновь: всматривайтесь в привычное — и вы увидите неожиданное, всматривайтесь в простое — и увидите сложное, всматривайтесь в малое — и увидите великое.

Евгений Чан

Для своих двадцати трех лет отпущенных судьбой, Намжил сделал немало. Он очень торопился. Точно предчувствовал, что времени у него остается все меньше и меньше. Пробовал себя в разных жанрах литературы. Написал пять одноактных и одну многоактную пьесу на бурятском языке. Тексты нескольких популярных песен, эссе-размышление о верлибре и еще много неопубликованных стихотворений. В соавторстве с молодым калмыцким прозаиком Олегом Манджиевым написал детскую повесть «Мальчишка в бантиках», изданную в Элисте (1974) и Улан-Удэ (1988). Им переведено множество произведений бурятских, калмыцких и монгольских поэтов.

Намжил Нимбуев писал: «Женщины носят под сердцем детей, поэты — первые книги». Первый сборник своих стихов подготовил в 19 лет. Но, к сожалению, сборник был издан после его смерти, в 1974 г., Бурятским книжным издательством, а затем был переиздан в Москве в издательстве «Современник» в 1975 и 1979 гг. Автор назвал свою книгу «Стреноженные молнии». И сразу же обнаружил свою поразительную индивидуальность. В его стихах была сокровенная внутренняя цельность. Поэтическое вдохновение — подобно молнии: оно прекрасное. Неземное видение, уловимое разве только избранным.

Как заметил Анатолий Байбородин: «Благодаря высокой образованности и глубокому проникновению в языковой дух бурятского народа (это позволило ему на русском языке показать колорит бурятской культуры) он явил своей поэзией талантливый и дерзкий пример слияния бурятских фольклорных мотивов с высокой русской, европейской и японской культурой стиха. В бурятской поэзии он стал поэтом без провинциальных границ»^{*}.

10 тысяч стихотворных строк вышло из-под пера поэта. Из них 8 тысяч он знал наизусть.

Творчество Намжила Нимбуева знают и чтят не только бурятские читатели. Он широко известен за пределами России. Его стихи переведены на немецкий, швейцарский, английский языки, включены в программу обучения мировой литературы Кембриджского и Оксфордского университетов.

^{*} Цит. по: Байбородин А. Я загрустил об уходящем времени кочевий... // Стихи / Н. Нимбуев. Улан-Удэ, 1998. С. 124.

* * *

Я опрокинусь небом,
ты разольешься морем,
мы засинеем вместе
горизонтом вдали...

Буду в тебе отражаться,
будем с тобой целоваться,
и поплывут между нами
белые корабли!

* * *

Влюбленные,
бежимте в темноту —
под купол ночи!

Там место всем,
кто вечный знает праздник:
по узеньким, незрячим переулкам,
кривым, как соловьиные коленца,
спешить,
любя, скорбя и задыхаясь,
жевать в кофейнях каменные бублики
и мерзнуть на некрашенных скамейках,
в поцелуях и осенних листьях.

В ночных трамваях, парках и подъездах
играются незримо, в страшной тайне
малютки-драмы.
Без зрителей,
оваций,
декораций

Под куполом, мерцающим в ночи,
встречаются измученные губы,
как корабли,
потрепанные в бурях...

Влюбленные,
бежимте в темноту!
И синим парусом взовьете ночь
над буднями грохочущего века!

УТРЕННИЙ НАМАЗ

А. Ш.

Не шуми, цветущая яблоня,
не роняй розовых аистят,
рожденных умереть на закате.

Не пляшите, журавли, в небе,
спрячьтесь у меня за пазухой.

Не стучи, грачонок, о скорлупу,
ведь всюду слышно.

Тише, ради Бога, тише!

На пороге моей скромной хижинки
любимая расчесывает волосы,
словно играет
на золотистострунной арфе.

* * *

Скуластым бурым волком,
обретшим вновь надежду,
глухими переулками
я рыскал этой ночью
со шрамами кровавыми
от первых поцелуев
возлюбленной моей!

* * *

Чувства мои —
ненадежное облако света
на горной вершине.
Ступай осторожно,
скользкой тропкою идущая девушка,
и не нарушь громкой песней
тишину моих гор.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Милая,
спичку зажги
или пошарь выключатель!
Месяц разлуки с тобою —
самоизгнание в ад!
Руки мои ослепли,
тепло твоих рук позабыли.
Глаза позабыли глаза,
волосы — волосы,
губы — губы...
Милая, здравствуй!

ВЕТРЕНАЯ ДОЧЬ

Полны кукушкиных песен
июньские ночи были.
Тяжелые гроздья черемух
изнемогали в цвету.

«Где ты была, негодная?
С кем прогуляла всю ночь?»

Она в ответ лишь смеялась
обугленными губами
и, голову жадно закинув,
из-под крана воду пила.

У МОЛЬБЕРТА ВЕСНЫ

Философы,
весной не размышляйте на балконе:
едва вы мир спасете
от столкновенья с какой-нибудь кометой —
в толпе пройдет девчонка с белым бантом,
звездой падучей чиркнет по лицу
нахальный взгляд ее прекрасных глаз,
и стройная колонна ваших мыслей —
акрополь логики, спасение от кометы —
развалится в мгновенье на куски,
как будто где-то дернули за нитку...
Жестокая девчонка,
мазок весенней буйной акварели,
что ты наделала?!
Философы,
весной не размышляйте на балконе.

ЖЕНЩИНА ИГРАЕТ НА РОЯЛЕ

В домике заброшенном
у моря
женщина играет на рояле.
В окна и на гулкую веранду
заползает дикий виноград.
Здесь шаги чужие не тревожат
ящериц, снующих по тропинкам,
и не лягут на пороге
от росы тяжелые цветы.
Только море катится,
и только
женщина играет на рояле.
Музыка в ее прекрасном теле
все мирские чувства умертвила.

Как под бризом водорослей ветви,
возникают зыбкие созвучья
и сплетают беглые картины,
словно на оглохшую веранду
заползает дикий виноград.
Чуть касаясь черно-белых клавиш,
пальцы перепархивают сонно,
словно на осенние аллеи

оппадают белые цветы...
Только окна заслоняет зелень,
тянет с моря свежестью,
и только
женщина играет на рояле.
Лишь по временам она внезапно
прерывает буйные аккорды
и выходит молча на веранду,
чтобы посмотреть:
который век.

А МНЕ БЫ ТОЛЬКО...

Поглаживая с грустью верных кошек,
клянутся миру лысые мужи,
что молодость глупа,
что черствый хлеб
полуголодных институтских лет
не столь уж экзотичен, как казалось,
а попросту уродовал желудок,
что место первой встречи —
танцплощадка —
такая же летучая случайность,
как жаркий мимолетный взгляд
прошедшей по аллее незнакомки,
что загсовская круглая печать
мерцает саркастической звездой
на ситцевом семейном небосклоне,
клянутся миру старые мужья.

А мне бы только:
чтоб неугасимо
сияли сквозь рутину трудных лет
глаза пугливой тихой недотроги,
в которых я любовь
и удивленье,
и скрытый вызов времени прочел.

* * *

О, родина,
лишь гляну на тебя —
моя песня умолкает смущенно.

БУДЬ У МЕНЯ ГОЛОС

Будь у меня голос,
атласный, гортанный,
словно гарцующая
на цыпочках сабля,

пел бы о бурятках,
коричневых, как земля,

об алых саранках,
сорванных на скаку,

о пылающем солнце,
запутавшемся в ковьялях.

Эх,
будь у меня голос!

* * *

Стою на планете
под деревом моей родины.
Играю словом —
румяным краснощеким яблоком —
подкидываю и ловлю его,
подкидываю и ловлю его.

Меня обступили со всех сторон
лошади, цветы, дети
И немым тысячецветным взглядом
просят не прерывать моего занятия

Стою на планете
под деревом моей родины.
Играю словом —
румяным краснощеким яблоком —
подкидываю и ловлю его,
подкидываю и ловлю его.

И нет времени слезы вытереть.

* * *

Женщины
носят под сердцем детей.
Поэты —
первые книги.
Стихи и люди встречаются.
И возникает
вечная завязь
света и доброты.

ЗАСТИГНУТЫЕ БУРЕЙ ПУТНИКИ В ГОРНОЙ ХИЖИНЕ

В печной трубе
свистит метель —
и воет волком на луну.

Два теплых сердца
под лавиной снега
еще не перестали биться?

«Подкинь полено,
милый друг,
и мы продолжим разговор
о вечности и нашем месте в ней».

* * *

Что заробел я
перед чистым листом,
как ребенок?
Словно заново жизнь
разрешили начать.

РАЗГОВОР С ВЕКОМ

Я — XX века бурят,
скотоводов безвестных потомок.
Надо мною горят,
солнца горят из неона.
Каменный город —
моя колыбель.
Я как рыба в воде
в какофонии адских машин.
Очагом мне служила конфорка,
иноходцем рысистым — трамвай.
Вольный дух пустырей, голубятен чердачных —
во мне.
Тайны тихих задворков,
заброшенных старых церквушек —
мне ведомы с детства.
Царство шумных проспектов
и улиц бурливых
русской речи меня научило,
она —
материнскою кровью во мне
В пестром мире страстей
каждый день я себя открываю
и по-детски дивлюсь:
как я был ограничен вчера.
ну а в дни неурядиц случайных
я бодрю свое сердце
иронией едкой.

Но когда раз в году
из улуса глухого к нам в гости
приезжает столетний мой дед
и, от чарки одной захмелев,
стоя песню тянуть начинает,
позабитую, старую песню —

почему я слабею,
рыдания горло мне душат,
а глаза набухают,
вдруг огромней от слез становясь?
Я —
вселенского джаза дитя —
почему я рыдаю?
«Слез не надо стыдиться,
это — новое время пришло,
а вчерашнее в Лету уходит.
Расставанье — печали сестра,
ты ведь предков достойный потомок,
оттого голоса их живучи в тебе.
Прошрое тоже прекрасно,
но прекраснее завтрашний день.
Это пращурьы знают
и тебя не винят», —
говорил мне мой разум.

* * *

Тем утром весенним,
когда
вдруг умер столетний табунщик,
меж ставен его пятистенки
грачонок разбил скорлупу.

* * *

Ручьи моей родины,
горло промойте мое,
стрижи моей родины,
с клюва меня покормите,
леса моей родины,
в тайну меня посвятите.
Для вас в моем сердце
песня любви.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СМУТЬЯНА НАМСАРАЯ

Солнце еще пряталось за синими сопками, когда взъерошенный и невыспавшийся Васька примчался в аймачную больницу. Его помятая полуторка судорожно дернулась и заглохла посередине огромной лужи. Поднимая вокруг себя грязные фонтаны, Васька прошлепал к больничному крыльцу и с грохотом ворвался в переднюю, напугал двух молоденьких медсестер, которые сидели на кожаном диване и чуть слышно прыскали в кулак. Девушки замолчали и с удивлением посмотрели на долговязого рыжего парня в телогрейке, так неожиданно нарушившего привычную тишину больницы.

Шумно поздоровавшись с ними, Васька тут же стал грозно расспрашивать, не знают ли они, где его жена, Люська Ерофеева, которая родила позавчера, и кто у него, парень или девка. Те ничего не знали и сконфуженно стояли перед ним, словно заробевшие синицы. Тогда Васька начал сердиться, и его бас порожней жестяной бочкой прокатился по гулкому коридору.

— Ваша жена, молодой человек, родила мальчика, — Васька обернулся. Пред ним стояла улыбающаяся женщина в белом халате. — От души поздравляю вас с сыном!

— Большое вам спасибо, мамаша! Мужик у меня, значит!

Васька весело заржал, не умея скрывать своих чувств. Не удержавшись, зазвенели бисерным смехом и те молоденькие медсестры.

— Подождите, пожалуйста. Вашу жену выпишут через час, — женщина в халате поморщилась от громкого Васькиного гоготания и скрылась в соседней двери.

Когда вышла Люся, намаявшийся Васька сидел на диване и сосал потухшую папиросу. Он бросился навстречу и забрал у нее из рук большой теплый сверток.

— Ох, Люська, а я тебя совсем, кажись, заждался! — его скуластое лицо заходило в радостной ухмылке.

— Так я же, Вася, ребеночка кормила, — ответила Люся печальным голосом, дрожащим от волнения. Она выглядела необычайно бледно, в ее синих глазах подергивался напряженный испуг, словно она хотела сказать что-то, но боялась.

А Васька не обратил на это внимания, полагая, что Люся просто ослабла после родов, и безмятежно направился к выходу.

— Ух, какой ты у меня попрыгунчик! — нежно громыхал он, чувствуя, как сынишка колотит его в живот. — Поди что весь в батяню: такой же дерганый!

Люся с тем же отрешенным видом брела следом, обхватив цветастый узел с одеждой, и, казалось, вовсе не слышала Васькиного голубиного воркования.

Машина никак не хотела заводиться. Она натужно хрипела и кашляла по-старушечьи. Чертыхаясь, Васька месил вокруг нее грязь резиновыми сапожищами. Он изрядно повозился в моторе, отпустил крепкое мужское ругательство и бешено, с придыхом мотанул заводную ручку. Полуторка, наконец, затряслась и оскорбленно взревела.

Выбравшись из лужи, Васька рванул было на радостях что есть духу по центральной улице. Люся испуганно пихнула под бок:

— Чокнулся, что ли? Не успела я родить, а ты уж убить ребеночка хочешь... — она глубоко, по-детски вздохнула и умолкла, тоскливо глядя на раскачивающийся «дворник».

— И чего ты это вздыхаешь да вздыхаешь, случилось что? — удивился Васька. И не получив ответа, успокоил:

— Ну, ладно, Люсечка! Я повезу вас на первой скорости, а то дорога и впрямь никудышная.

— Приехали! — белобрысый Петька ворвался в горницу и зашлепал по полу ногами.

Когда счастливый Васька, гордо держа на вытянутых руках завернутого сына, появился на пороге в окружении сестреночек, таких же рыжих, как и он

сам, в комнате его с волнением ждали родители, братья с женами, соседи и куча Васькиных племяшей.

Все молча смотрели на Ваську, который стал отцом и принес в просторную избу, где он сам родился, новое пополнение многочисленному семейству Ерофеевых. А Васька стоял посередине горницы, прижимая к необъятной груди маленький теплый комочек, и никак не мог согнать с рябоватого лица прущую изнутри радостную улыбку.

Наконец он медленно и торжественно подошел к столу, опустил руки. Все заулыбались и придвинулись поближе. Загадочно и хитровато оглядываясь, Васька осторожно развернул одеяло.

И тут словно гром грянул. На одеяле лежал толстенький, скуластый, черно-волосый карапуз с узкими раскосыми глазами и мелко дергал пухлыми ножонками. Сомневаться в его азиатском происхождении было просто невыносимо. Все молчали и не могли сказать ни слова. Потом отец собрался и выдал из себя:

— Да что же это получается, люди добрые?..

В ответ заскрипели пружины, слышались глухие, сдавленные рыдания. На кровати лежала Люська и, уткнувшись в подушку, горько плакала.

И всем вдруг стало ясно, в чем дело. Снова наступила напряженная тишина, только Васька яростно скрежетал зубами.

Тут хромой Никифор, пятистенная изба которого стояла напротив, высказал догадку:

— А можа, ребенков перепутали? Ведь сколь было случаев, когда бабе по ошибке доставалось совсем не то дите, которое она, значит, рожала собственоручно.

Ерофеевы обрадованно ухватились за эту мысль и облегченно засуетились. Как они раньше не додумались, господи, ведь все так просто. Было решено поехать в район и там все выяснить. Отец с матерью стали заворачивать черноглазого малышонка, а Васька пошел заводить машину.

На пороге его остановил горестный и усталый Люськин голос:

— Не было никакой ошибки, я одна родила на этой неделе.

Васька затравленно оглянулся, отец окаменел на месте, растерянно обнимая уже завернутого бурятенка. Недолговременный хмель облегчения, ударивший было в голову, бесследно улетучился, и дом Ерофеевых снова наполнило тягостное молчание. Скуластенький бурятенок, словно понимая тяжесть свалившегося горя, вдруг тоненько и жалобно заплакал, от чего у каждого на душе заскребли кошки.

Потом озабоченные и помрачневшие люди стали выходить на широкое ерофеевское крыльцо, чувствуя, что молодых и таких невезучих супругов лучше всего сейчас оставить наедине.

Горница опустела, Васька с Люсей остались втроем с бурятенком да с негладным горем, которое вдруг черной тенью замаячило в окне, наизнанку перевернуло всю их беззаботную, в сущности, только начинающуюся семейную жизнь. От того, что люди вышли, унося под сердцем тревогу и прогорклое чувство какой-то непонятной им досады, горе молодых супругов нисколько не уменьшилось, наоборот, оно стало острее и ощутимее посреди гулкой пустынности ерофеевского дома.

Васька долго молчал, видимо, не зная, что обычно говорят другие люди, когда им вот также изменяют жены, которых они любили и считали преданными на всю жизнь. Он стоял у комода и с отрешенным лицом разглядывал потускневшую карточку, где заезжий фотограф заснял его, Ваську, совсем голеньким карапузом в обнимку с черным лохматым псом Дунькой, который прошлой весной скончался по старости лет. Васькой овладело странное чувство, навязчивое и сильное. Нет, это была не ревность, Ваське стало невыносимо тоскливо от мысли, что он, оказывается, не умеет быть любимым человеком, что он сам не умеет любить свою синеглазую Люську, да так глубоко и беззаветно, чтобы она никогда не смогла изменить и к тому же, как сейчас, принести в подоле совсем чужого ему ребенка.

Пока недоумевающий Васька терзался подобными мыслями, Люська лежала у окна на высокой с никелированными шарами кровати, неподвижная, безучастная, но чувствовалось, что она с напряжением вслушивается в наступившую тишину и со страхом ждет, что скажет Васька. Тут крошечный бурятенок снова тихонько заплакал, видно, успев проголодаться. От этого плача Васька словно ожил и чуть слышно заговорил, с досадой поглядывая на хнычущего ребенка:

— Чо, значит, обманывала ты меня, Люська...

— Нет, Васенька, нет! — зашлась в крике Люся, повернув к нему заплаканное красивое лицо.

— Врешь! — пронзительно заорал Васька и часто заскрипел половицами. — Все-то ты брешешь, Люська. Небось, снюхалась с кем из парней, когда я прошлой осенью был на курсах?

— Нет!

— Заткнись, потаскуха! — В другой раз Васька бы проклял себя за эту жестокость, но сейчас не мог и не хотел заглушать в себе безрассудной горькой ярости, которая распирала сердце и опьяняла его. — Конечно, крутила с прыщавым Галсаном или там Балданом из комитета? То-то он повадился тогда, кобель, провожать тебя после собраний.

— Не говори так о Галсане!

Но Васька распалился пуще и в слепом гневном размахивал ночным горшком деда, непонятным образом подвернувшимся ему под руку:

— Ага, защищать полезла! Выходит, моя правда: в Хошун-Узур ведет тропиночка-то. В Хошун-Узур! А я-то удивляюсь: с чего это вдруг в нашем рыжем семействе бурятонок объявился.

— Так, по-твоему, сын приبلудный? Кровный он, и мне и тебе кровный!

— Ну, вот что. Забирай своего бурятенка и неси к своему хахалю в Хошун-Узур. А я погляжу, в какую избу завернете! Мне чужое семя ни к чему.

Васька замолчал и, словно во сне, увидел, как Люська принялась собирать свои платья. Он хотел остановить ее, но только махнул рукой и ушел на кухню. Хлопнула дверь в сенях, в окне было видно, как Люська с узлом и ребенком прошла по двору. Никто из Ерофеевских не побежал ей вдогонку.

С этого дня в доме Ерофеевых стало совсем тоскливо. Просыпались, коротали день в привычных обязанностях, ложились спать. Васька подурнел лицом, ходил замкнутый, неразговорчивый, никто не мог догадаться, о чем он думает и думает ли вообще. С утра заводил свою полуторку, уезжал до сумерек, а в дни отгула торчал вместе с деревенской ребятней на дневных сеансах. И неизвестно было, когда перегорит в нем эта хандра.

Однажды вечером у Ерофеевской ограды, всхрапнули кони, двое вихрастых подростков отворили ворота, во двор въехала телега с косарским скарбом. С сенокоса вернулся Васькин дед с внуками.

Всем семейством ужинали на воздухе, под тополями. Женщины вполголоса обсуждали разные бабьи заботы, мужчины дымили, расспрашивали старика о травостое, о косовице. Появился Васька, поздоровался с дедом, щелкнул по носам приехавших братишек и молча устроился в конце дощатого стола.

Старый Никанорыч утер рукавом рот и оглядел свое семейство, словно озбоченная насадка.

— Слышь, а Люська чего запропастилась? — спросил он вдруг у матери.

Никто ему не ответил. Васька принялся изучать свои твердые ногти.

— Опять полаялись, небось? — снова спросил дед.

Все молчали, только слышалось ребячье посапывание.

— Я прогнал ее, — ответил Васька, глядя куда-то мимо амбара. Дед рассердился.

— Хорош гусь, а? А я-то, старый дурак, все думал: вернусь, дома меня новый внучок поджидает. Ты ее что, вместе с дитем прогнал?

— Вместе...

— Уйрди! А вы что смотрели, остановить не могли? — крикнул Никанорыч на домочадцев. — Неродная дочь, так можно в три шеи!

Все кандре разом вылилась из Васьки.

— Да она, дед, в подоле принесла! Приблудила на стороне! — заорал он свирепо, едва не опрокинув миску со щами.

— А ты почему знаешь? — строго спросил Никанорыч.

— Почему, почему. Чернявый он, дед, и глаза у него косые, что два коромысла! Лисья блудит с бурятами из Хошун-Узура, а я живи с ней, да?! — закричал Васька, и всем показалось, что его хватит падучая.

Никанорыч вдруг медленно отодвинул миску, и глаза его стали задумчивыми и теплыми. Домашних пробрал озноб, точно перед ними сидел блаженный.

— Намсарай... — произнес Никанорыч почти неслышно. Ерофеевским послышалось, что не дед говорит, а ветер прошелестел в тополях. — Намсараюшка, конечно, Намсараюшка... Я так и знал. Ох, долгонько я тебя ждал. Думал, умру, не увидев тебя. Вот ты и пришел. Пришел...

Дети со страхом смотрели на Никанорыча, видя, как он на глазах трогается умом. Но взрослые седьмым наитием, плотью почувствовали, что за словами старика кроется настоящая правда. Не надо сейчас тревожить деда расспросами, не спугнуть его мысли, он скажет эту непонятную правду сам.

— Слушай, Васька. И вы все слушайте. Был у меня прадед, Евстигней Ерофеев, Биряк у него было прозвище. Лесничил он в тридцати верстах от Тарбагатая. Из тайги не вылезал, жил бобылем со своей единственной дочкой, Марьей. Жинка-то от родов смелчалась, мученица. И вышел однажды с ними случай. Лютая зима была, буря навалилась. Пошла Марья овса жеребцу задать, слышит: стонет вроде кто в кустах. Девка была смелая, выдернула кол и пошла. Видит: в сугробе молодой парень лежит, шапку где-то потерял, обмороженный весь. Откуда взялся в этой глухомани. Марья здоровая девка была, взвалила горемыку на плечо и в избу приволокла. Смотрит с отцом: бурят вроде. Весь белый, кожа клочьями валится. Одной ногой в могиле, словом. Но ничего, оттерли снегом, намазали медвежьим жиром, отошел. А когда полегчало, рассказал все. Здешним оказался, из бедных улусников. Тамшний один богач заманил его сестру к себе, напоил девку, надругался и пьяной на мороз выгнал. А та и околела, не доползла до дома. Они с парнем-то этим, Намсараем, сиротами были. И взяла Намсарая лютая обида.

Попоронил сестру, напился и порешил того богача. Убежал в тайгу, в чем был, заплутал, и не набредил, горемычный, на сторожку, замерз бы, как сестрица.

Ну, куда было парню деться. Из тайги выйдет, а его урядники поджидают. Остался у Евстигнея, прадеда моего. Старательный оказался парень, за что ни возьмется — все-то у него ладно выходит. Своим стал у Ерофеевых. А Марья тогда была девкой на выданье. И случилось так, что поймал Евстигней ее с Намсараем в темном закутке. Напужались оба, затряслись. А Евстигней только махнул рукой и в дом пошел, не стал мешать их любви. Так вот и появился в ерофеевском роду бурят. Остался Намсарай с Марьей у Евстигнея, фамилию его взял и имя русское принял: Тимофей. Родился у них вскоре сынишка Никанор, отец мой, значит. Рыжий весь, веснушчатый, в мать и деда пошел, глаза только косоватые. Не одолела, выходит, Тимофеева кровь Евстигнеевскую. Покручинился малость Тимофей. Жалко, конечно. А Евстигней ему говорит: «Не тужи, паря, возьмет когда-нибудь верх и твоя кровь!..» Вот и взяла... Теперь-то Тимофею, Намсараю, значит, легче лежать в могиле: будет ходить по земле и его семья, чернявое... Так-то вот, Васька.

Васька опрокинул скамью, перепрыгнул через плетень и огородами побежал к нижней улице.

— Ты куда, Васька! — тревожно закричала мать.

— Оставь его, Степанида. Знамо, куда побег, — дед усмехнулся. — Пусть себе бежит. Дело молодое...

ПОГОНЯ

Новелла

Стоял конец июля. Жара держалась, но чувствовалась уже умиротворенность природы, все казалось как никогда цветным и разноликим. На Улан-Удэнский базар валила зелень, спрос был большой, потому на прилавках она не залеживалась.

Грузовик Цыдыпа миновал рыночные ворота, резко застопорил и, гудя клаксоном, стал медленно протискиваться в толпе. У картофельного ряда машина остановилась, и приехавшие с Цыдыпом коренастые колхозницы принялись скидывать на асфальт тяжелые пыльные мешки.

Цыдып сходил к соседнему ларю за огурцами, снова залез в душную кабину и, выудив из бардачка початую чекушку, мигом опорожнил ее. Аппетитно похрумкав огурцом, с удовлетворением откинулся на спинку. Стекла были подняты, но шум и крики все равно проникали внутрь. Городской рынок жил суматошной жизнью крохотного государства. Крестьянам из окрестных сел, снующим за прилавками, бледным горожанам с матерчатыми авоськами не было ровным счетом никакого дела до грузного сорокалетнего бурята, лениво пристроившегося за баранкой колхозного грузовика, поэтому мысли Цыдыпа копошились вяло и размеренно.

Вчера он здорово перепил. В колхозе у них зарплату выдавали раз в месяц, оттого все летело кувыркком, и начиналась пьяная неделя. Последнюю кружку, с краями, ему поднес не то сухорукий Добчин, не то сват Санжимитып. После нее и ухнул Цыдып в черную дыру без дна и стенок. Подобрала его на краю тосхона молодая одинокая вдовушка Гэлэгма, утащила к себе в дом; там и разыскал утром Цыдыпа бесноватый дарга Мункуев. Поднял, хмельного, и погнал за сотню километров в город, с бабами, вздумавшими торговать картофелем.

Цыдып взглянул на долговязого очкастого старика в болоньевом плаще, брезгливо копающегося тонкими пальцами в свинине у семейской молодухи, и ему стало жаль этой деревенской девки, робко глазающей на чопорного интеллигента. Он зло сплюнул, словно метаясь в старика. Но слюна ударила о горячее стекло и, засыхая, поползла вниз. Цыдып подумал, и зачем только людям припичило селиться десятками тысяч в одном месте, ходить по тесным улицам, едва не ошибаясь лбами, когда земли вокруг сколько хочешь. Вот и гадай, кто из слоняющихся по рынку порядочный человек, а кто попросту вор.

Дальше мысли Цыдыпа споткнулись, и думать ни о чем уже не хотелось. Он с хрустом потянулся и погрузился было в дрему, как вдруг увидел за капотом смуглого мальчонку. Тот весело грыз оранжевое яблоко, из ивовой корзинки выглядывали пучки зеленого лука.

Цыдып скользнул по нему слабым взглядом, словно, любопытствуя, всмотрелся пристальной... В следующий миг будто кто-то, жаркий, ударил по голове молотом. На плечах этого десятилетнего мальчика вертелась по сторонам и кусала пунцовый жар яблока маленькая, коротко постриженная голова Сэсэг, жены Цыдыпа. Сходство было поразительным, и в эту минуту безбожник и весельчак Цыдып с ужасом понял, что имеет дело с дьяволом. Давясь мокротой, он прохрипел обрывок буддийской молитвы; хмель слетел с него, как вода с промасленной бумаги. Терпкий, ядреный пот покатился по ключицам, и рубаха вымокла. В висках бешено заколотилось, тело тряслось, словно он никак не мог согреться в душной кабине.

Мальчонка повернулся на пятках к лобовому стеклу, и Цыдып со страхом увидел, что у этого огольца и уголки губ, и слегка двоящийся подбородок совершенная копия его же самого. Та же ирония, та же надменность. Цыдып окончательно уверился в существовании дьявола; и чернявого бурятенка с яблоком во рту неумолимо, на какой-то миг заслонил тот страшный осенний вечер, который Цыдып проклял когда-то в отчаянье и все эти одиннадцать лет носил

под сердцем, словно могучий охолощенный бычище с деревянным, накрепко приросшим к груди ярмом.

...Свадьба гремела вовсю, отгоняя сон столетних старух на противоположной окраине тосхона. Во дворе, под широкими брезентовыми тентами, тянулись дощатые, на скорую руку сколоченные столы с длинными вереницами подвыпивших гостей. Молодцевато женихаясь, Цыдып сидел в пронафталиненном костюме во главе и озирался, стараясь выглядеть свою невесту. Сэсэг сбилась с ног, прислуживая гостям, и лишь изредка пробегала мимо со смущенной счастливой улыбкой. Цыдып порядком захмелел, с трудом ворочал языком и в ответ на поздравления земляков лишь бессмысленно хохотал.

Затем он грузно поднялся и пошел в темноту мимо столов с чадящими керосиновыми лампами. Зайдя за покосившуюся ригу Мухадаю, Цыдып справил нужду и хотел вернуться, как увидел у плетня идущую с коровой девушку. Это была Мидаг, восемнадцатилетняя дочь пастуха Нимы. Цыдып подумал, что она уже совсем взрослая и надо бы пригласить ее на свадьбу. Только больно нелюдима девчонка, говорят, не водится ни с одним парнем. А так ладная из себя и лицо приятное.

Мидаг тихо поздоровалась и хотела пройти мимо. Цыдып посторонился, но неожиданно для себя потянул за руку и привлек к груди. Вначале он играл с нею, как с маленькой девочкой, но, чувствуя вскоре под руками тугое женское тело, охваченный безрассудным острым желанием, неловко ее повалил на землю. В ту минуту он совершенно не думал о Сэсэг и, словно медведь, в веселой ярости подминал под себя девушку. Мидаг отчаянно сопротивлялась и раздирала ему в кровь лицо. Тогда он не на шутку рассердился. Цыдыпу ли, первому парню, пасовать перед вчерашней школьницей. Он зарычал и, дыша винным перегаром, сильнее придавил жертву. Не в силах совладать с двадцативосьмилетним мужчиной, слабая девушка обмякла, и борьба стихла.

Шум в голове усилился. Встав на ноги, Цыдып устало покачнулся. Тут и вцепились в его волосы худые руки старой женщины, едва не сошедшей с ума при виде изнасилованной дочери. Горбатая Сэндэма, отправившаяся разыскивать пропавшую дочь, наткнулась в темноте на людей и теперь с воплями висела на пьяном Цыдыпе. Так опозорить ее маленькую невинную дочурку. Пусть покарают боги эту змею. Что Цыдыпу за дело до юной Мидаг, разве мало он перепортил девок, разве не с его свадьбы доносятся пьяные голоса, разве не он обручен с Сэсэг, первой красоткой на тосхоне. Обезумела от горя горбатая Сэндэма, ее сухонькое тело тяжело давило на Цыдыпа, и он, словно подрубленный тополь, падал, цепко хватаясь за шаткий плетень, хотя в другой раз играючи пронес бы на саженных плечах матерое листовничное бревно. На крики старой матери сбегались хмельные, ничего не соображавшие гости. Лишь тогда в затуманенном мозгу Цыдыпа мелькнул просвет, он понял, как глупо поломал свою жизнь, подумал о Сэсэг, и, глухо, по-мужски зарыдав, забылся мучительным черным сном.

Горе несчастной Сэндэмы не улеглось. Утром, найдя спящего Цыдыпа в избе у Мухадаю, поселковый милиционер Гуруев, дальний родственник пастуха Нимы, вел включенного, умиравшего со стыда Цыдыпа к правлению, где их ждал газик. У брезентового тента, под которым только вчера играли свадьбу, стояла Сэсэг. Она была в простеньком ситцевом платице, в тапочках на босу ногу, а в руках трепыхался узорчатый шелковый платок, подаренный Цыдыпом еще в первый вечер жениховства. Цыдып едва не потерял сознание, издали узнав скорбную фигуру. И столько в ней было отчуждения и гордого презрения, что Цыдып не выдержал взгляда Сэсэг. На всем пути к правлению у своих домов стояли сельчане и молча смотрели вслед. Деревня словно вымерла, ни одного веселого звука, только лаяли собаки, точно люди хоронили кого-то.

Суд приговорил Цыдыпа к семи годам заключения. Выйдя из тюрьмы, он слонялся по разным городам, а прошлой осенью вернулся на родину. К себе в село показываться Цыдып не решился и устроился шофером в другом районе.

Встретившийся в городе земляк рассказал, что Сэсэг на следующий день после свадьбы села в проходящий грузовик и с тех пор ее никто не видел.

...Цыдып осторожно покосился на мальчонку. Тот уже доел яблоко, ловко бросил огрызки в урну и двинулся к прилавку, пиная облупившимся ботинком пустые картонки. Цыдып с бьющимся сердцем вылез из кабины и пошел следом, боясь упустить из виду. Сэсэг непременно живет в городе, он должен найти ее, только не потерять мальчонку.

Оголец в облупленных ботинках пошнырял некоторое время по рынку, купил у бородатого китайца серу, засунул в рот и засеменил к воротам, сплевывая под ноги. Миновал трамвайную линию и побежал вверх по направлению к Батарейке. Цыдып шагал в десяти метрах, любовно оглядывая сынишку. Семь лет тюремных мытарств, размышлял он, дают же право на прежнюю любовь. Сэсэг не прогонит, простит, и они начнут новую хорошую жизнь, поздновато, правда, но ведь все еще можно наверстать. Надо обязательно купить сыну крепкие башмаки, а то, вишь, ободрались; небось, целыми днями футбол гоняет. И штаны вельветовые нужно справить, стыдно, должно быть, парню в этих зала-таных бегать. Ничего, Цыдып мужик еще хоть куда, будет работать, как вол, и пить бросит. Придет достаток и в его семью, вот только срок дайте. Цыдып уже не сомневался в своих планах и умиротворенно рассуждал. Мысли о будущей жизни приятно грели ему сердце.

И вдруг мальчонка провалился. Цыдыпа бросило в жар, он сорвался с места и гулко загрохотал сапожищами. Слава богу! Бурятенок появился из-за покосившегося забора, застегивая на ходу прореху. Цыдып обрадованно перевел дыхание и заспешил вдогонку. Прежняя уверенность оставила его, и теперь он уже почти бежал по улице, нетерпеливо расталкивая прохожих.

Но вскоре Цыдып оплошал. Мальчишка вдруг резко обернулся, словно ища кого-то, и Цыдып, как застигнутый вор, отпрянул за столб, хотя на то не было никакой причины. В следующий момент он пожалел об этом и решил было вовсе не показываться на глаза сыну. Но тот не убежал. При виде испуганного усатого лица Цыдыпа, бурятенок плутовато ухмыльнулся, видимо, подумав, что дядя попросту забавляется с ним, и принял игру. Он озорно запрыгал по деревянному тротуару, прятался в калитки, показывая оттуда смеющуюся румяную рожицу. Вдруг он нырнул в чей-то двор и пропал. Едва не поседевший от горя Цыдып бросился в ворота и увидел сына, который лежал под скамейкой и хитро попрыскивал в воротник. Увидя искаженного от ужаса Цыдыпа, мальчонка понял, что дядя не шутит, с криком выбежал на улицу и кинулся под гору. Мысль, что он может так и не найти свою Сэсэг, ужаснула Цыдыпа, и он, уже не думал, что обращает внимание, зашумел по бульжникам следом. Мальчонка, словно затравленный зайчонок, несся далеко впереди, от быстрого бега и страха у него зашло сердце, и он не мог кричать.

...Странной была эта погоня. Люди останавливались и недоуменно оборачивались. Грузный пожилой мужчина с изуродованным злостью, испытанным лицом бежал, задыхаясь, за крохотным смуглявым огольцом. Тот задавал такого стрекача, что расстояние между ним и громадного роста преследователем несколько не сокращалось. Опрятная круглая заплатка на маленьких тугих ягодицах бешено подпрыгивала, словно боясь отстать от мальчонки. Бывает всегда необычно, когда человек всерьез гоняется за другим, и теперь всякий оценивал эту странную погоню по-своему. Первые, которых было большинство, твердо полагали, что этот озорник наверняка стащил у мужчины кошелку с овощами. Другие, самые рассудительные, знали, что дело здесь пахнет не просто кражей, а чем, сказать не могли, и, задумавшись, расходились всяк по назначению, сетуя на сложность человеческой природы и на превратности, которые всюду преследуют человека.

Между тем бурятенок добежал до переулка, верно, знакомого, и бросился вдоль забора, зовя на помощь мать. Цыдып мужественно торопился следом, хотя силы оставляли его. Напротив закопченного барака мальчонку поймали какие-то люди и с торжественными возгласами принялись возить за ухо.

— Воренок, воренок! Поймали воренка! — орали они, смыкаясь грозным кольцом.

Подбегая, Цыдып увидел сынишку, словно канарейка в клетке, мечущегося в середине враждебной толпы, и слезы жалости брызнули у него из глаз.

В это время из дверей барака выскочила молодая тридцатилетняя женщина и кинулась к мальчонке.

— Не трогайте моего сына, слышите, сволочи! — кричала она по-русски, точно разъяренная тигрица, продираясь в толпе; и прижала к полной груди задохнувшегося бурятенка. Это была Сэсэг.

Подбежавший Цыдып через силу попытался объяснить людям, досадливо отмахиваясь от протянутой корзинки с луком.

— Нет, нет, не он вор, то есть он вообще не вор!

Отошедший мальчонка повернул заплаканное лицо и, узнав Цыдыпа, тонко и визгливо заревел. Разгневанная Сэсэг тотчас же вцепилась Цыдыпу в лацканы и затрала его:

— Что тебе нужно, пьянчуга, от моего Тумэна? Чем он тебе не угодил, а, гадина?

Застывшие в щетине у Цыдыпа слезы оторвались и скатились к губам. На него кричала его Сэсэг, уже взрослая женщина. Лицо у нее совершенно не изменилось и оставалось по-прежнему прекрасным, только вот руки, которые рвали пиджак Цыдыпа, были погрубевшими и жилистыми, потому что знали, должно быть, много черной работы. Она была в старом залоснившемся халате и грубых ремесленных ботинках. Перед Цыдыпом стояла закаленная жизнью мать, и только тот самый шелковый платок, штопанный-перештопанный, висел на плечах и напоминал ему прежнюю Сэсэг. И сына ее звали Тумэном, как и мечтали они тогда.

Цыдып хотел объяснить Сэсэг, что это он и есть, ее блудный муж, что эти одиннадцать лет смыли его вину, и он пришел за своей прежней возлюбленной, чтобы начать жизнь заново. Он, конечно, здорово изменился, даже постарел, но ведь в его глазах тот же лихорадочный неукротимый блеск, он так же горяч душой, как и прежде.

Но Сэсэг не узнавала его и, оскорбленная в своих материнских чувствах, поносила на чем свет стоит злого обрюзгшего пьянчугу. Тут мальчонка вырвался из ее рук и с криками: «Папа, папа!» — бросился к высокому русскому в комбинезоне, показавшемуся из-за водокачки. Тот, молодой рыжий мужчина, поднял бурятенка на руки, крепко прижал к груди и пошел к толпе.

С каждым его шагом Цыдыпу словно кто-то заколачивал в грудь клинья. Он повернулся и медленно побрел вверх по улице. «Все кончено, все кончено», — повторял он про себя, всхлиывая и не ведая, куда идет. Одно только он знал достоверно, что напьется и будет валяться где-нибудь на постоялом дворе. Цыдыпу казалось, что он спускается с последнего перевала, на котором мечтал остановиться, хотя на самом деле он поднимался в гору по мощеной мостовой.

Одноглазый дедок на лавочке в козлином кожухе поглядел вслед плачущему Цыдыпу и укоризненно покачал бородой, словно японская фарфоровая статуэтка с двигающейся головкой: странно устроены люди, странен и этот громадный верзил, всхлипывает, точно малое дитя, а ведь воренка-то поймали...

СВЕТЛАНА

Новелла

— Да отъезди я достану машину, непонятливая твоя душа! Коли умел бы их рожать, так не ты один — вся деревня разъезжала бы на «Волгах». Я сам, брат, второй месяц маюсь без вездеходки — загнал ее в конец. А ты — подавай

машину!.. — председатель колхоза вытер лысину полотняным платком и метко плюнул на середину лужи. — Вот коли не побрезгуешь телегой — так это я, пожалуйста!

— Ну, хорошо, старина, давай телегу, — корреспондента республиканской газеты Чингиса Цыренова начинал раздражать этот плутоватый мужичонка. Лукавит все.

Чингис устало опустил на скамейку у чьих-то ворот, закурил и нервно швырнул обгорелую спичку вслед уходящему председателю. Дернул же его черт забираться так далеко в самую осеннюю распутицу, ни передовиков, ни сверхплановых показателей. «Но погоди же, лысая пройдоха, я сделаю из всего этого такой разгромный фельетончик, что не будешь знать, в какую щель тебе приткнуться...»

— Настроение невеселое? — Чингис вздрогнул. Из соседнего окошка выглядывала миловидная русская девушка и улыбалась ему бархатными глазами. «Слава богу, хоть одна приветливая душа нашлась», — подумал Чингис и подошел к палисаднику. Ему всегда нравились брюнетки, они казались проще и осязаемей.

«А она чертовски красива», — отметил он про себя, подходя к приветливой девушке. Тонкое точеное лицо, гладкие матовые щеки, приятный глазу прямой нос с высокой седловиной, густые черные волосы доставали плеч. На коленях лежала скатерть с начатой вышивкой, так что ног ее он не заметил. Опрятная цветастая кофточка слегка оттопырилась, и в глубине ее угадывались крутые дрожащие груди. Чингис почувствовал острое желание приподняться на носки: тогда бы он увидел всю девичью грудь. Но тут же с досадой отогнал эту мысль. На него доверчиво и с ожиданием смотрели широко раскрытые глаза, и Чингис долго не мог начать разговора. «Где же мне встречалось такое лицо?», — ворошил он память, хотя эту русскую девушку видел впервые.

Чингису показалось, что он не сможет говорить ей свои обычные комплименты и остроты, которыми сразу располагал к себе встречавшихся ранее девчонок. Наконец, слово за слово, разговор завязался, и к Чингису вернулось прежнее спокойствие. Девушку звали Светланой. Они долго беседовали между собой, говорили о стихах, о любви, о журналистской работе. Чингис необычайно оживился, забрался на палисадник и так шумно размахивал оттуда руками, что привлекал внимание молодых женщин, беспрестанно проходивших к колодцу и от колодца. Они останавливались в стороне, стараясь не звякать ведрами, с любопытством слушали, а когда Чингис вопросительно оглядывался на них, кокетливо передегивали плечами и шли дальше. Светлана оказалась чудесной собеседницей, внимательно слушала, а, не соглашаясь, мягко перебивала и тут же смущенно улыбалась... Каждый раз, когда она умолкала, Чингис спохватывался и начинал говорить сбивчиво и поспешно, боясь, как бы Светлана не закрыла окно и не скрылась в полумраке комнаты.

Разговор прервал неизвестно откуда появившийся лысый председатель. Согнутым корявым пальцем он осторожно постучался в плечо Чингиса: побаивался все же этого молодого ершистого газетчика.

— Карета подана, — с удовольствием проговорил он, дохнув на Чингиса запахом крепкого самосада, и ткнул тем же корявым пальцем в сторону приземистой кобыленки, запряженной в дощатый фургон. Вокруг нее суетился колченогий дед в бараньем колушке, то поправляя чересседельник, то подтягивая супонь.

— Вот и хорошо. Мы с тобой, Светлана, еще увидимся, должно быть, — неожиданно фальшивым голосом выдавил из себя Чингис, стараясь выглядеть бодрым. Он хотел добавить, но, видя рядом плутоватого председателя, досадливо махнул рукой и поплелся к телеге.

Огибая большую заплесневелую лужу, Чингис обернулся и снова увидел улыбающуюся девушку. Лысый председатель шепнул ей что-то на ухо, отчего она сконфузилась и захлопнула окошко.

Уже валясь на скрипучую телегу, Чингис вдруг вспомнил, что не узнал фамилию Светланы. Подошедший председатель ответил, что фамилия ее Иванова, что

в семье у них еще восемь огольцов, что отца зарезали по пьянке, а мать совсем сбилась с ног. Председатель горестно вздохнул, и Чингис впервые подумал, что этот рыжебородый мужичонка, видно, не такой уж черствый.

— Девка она простая, ласковая. Ее на селе почитай все уважают: и старухи, и пацанята. Э-э!

Словословный председатель хотел сказать еще что-то, но тут возница с веселым гиком оттянул лошаденку по крутому заду, и Чингис откинулся на бок. Низенькая Светланина изба и задранный в небо конец долговязого колодца-журавля стали постепенно отставать, а по бесконечным зеленоватым лужам тяжело шли тучи, набрякшие долгими осенними дождями...

Вернувшись в Улан-Удэ, Чингис очутился в кругу своих прежних друзей. Снова вылази в рестораны по случаю крупных гонораров, снова девчонки и командировки. Вначале Чингис и не вспоминал встречи со Светланой. Но однажды поймал себя на мысли, что, оказывается, никогда не забывал ее. Дома, в трамвае, в редакционном газике — всюду время от времени появлялось перед ним тоненькое лицо Светы, а рядом всегда возникал лысый председатель, о котором он так и не написал «разгромного» фельетона. И сны Чингису снились одинаковые: все тот же лысый председатель по сто раз шептал Светлане на ухо, а та беспрестанно захлопывала окошко. Чингис старался отвыкнуть от всех этих мыслей, хватался за любое задание, заводил новые знакомства. «В ее лице действительно есть что-то крестьянское, — пытался он убеждать себя, — самая заурядная провинциалка. Выйдя замуж, такие девицы быстро прожигают свою красоту. Какое мне удовольствие от того, что она нарожает десять детей, будет почтительно глядеть в рот и кивать каждому слову?»

В конце концов, ему самому надоели эти здравые измышления, и он решил все же написать ей одно-единственное письмо. Оно получилось длинное и бес-толковое. Через неделю пришел ответ. Светлана писала, что не забыла осенней встречи и помнит о нем... Чингис не сдержался и отправил письмо втрое больше прежнего. Они начали переписываться. На столе у Чингиса росла стопка душистых конвертов, надписанных круглым детским почерком. К весне он не вытерпел и сообщил, что хочет приехать. Светлана с непонятным испугом умоляла не делать этого и вообще зря не беспокоиться. Но Чингис не слушал. Он отправил Светлане телеграмму о своем выезде, взял отпуск и тут же сел на поезд... Тепловозный гудок спросил о чем-то в темноту, и пригородный поезд, звякая буферами, тронулся с места. Чингис остался на перроне. Опешившая старушонка стаскивала с подножки свои последние мешки. Чингис перенес их через лужи в полутемный зал ожидания и вышел на крыльцо. Неожиданно во мраке ярким светом брызнули фары, и у деревянного здания вокзальчика завизжала тормозами полуторка. С нее свалилась компания горлающих парней и девок, почему-то держа подмышками гитары, трубы и балалайки. Чья-то сильная рука хлопнула по плечу, и Чингис тут же узнал того самого лысого председателя. Обрадовался, как старому приятелю.

— Как поживаешь, пресса? — весело мигнул председатель, снова превратившись в прежнего лукавого мужичонку. В довершение ко всему он вытер лысину тем же полотняным платком и смачно плюнул под ноги. — Куда направляетесь? К нам? Что ж, милости просим: нынче у нас все ладненько.

Когда Чингис вопросительно кивнул головой в сторону вокзала, откуда уже вырывалась неистовая песня, председатель с гордостью ответил, что вот, дескать, его сорванцы заняли первое место на районном смотре самодеятельности и теперь едут в Улан-Удэ. Пришлось подбросить до станции. Он с удовольствием заберет с собой Чингиса, вот только сначала надо заехать на цементный завод, потом еще куда-то, а потом уже к теще, словом, до своего села они доберутся завтра пополуночи. Когда Чингис заявил, что это его не устраивает, председатель покосился на него странно и посоветовал идти пешком, благо до деревни километров всего шесть-семь.

— Во-он огонечки-то прыгают, — красный кончик папиросы чиркнул по горизонту и упал к коленям. — Поторопишься, к полуночи будешь на месте.

Председатель озабоченно подождал, пока стихнут шаги Чингиса, и проворно прыгнул на подножку кабины.

...Дорога была вся в рытвинах и идти было трудно. Луна палевого цвета перебегала из одной лужи в другую и старчески морщилась, когда чингисов сапог тяжело падал в воду. Ходким шагом минуя телеграфные столбы, Чингис думал о том, как он зайдет в избу к Светлане, как она поднимется навстречу, как удивленно поглядят ее братишки и сестренки. Потом уже, наедине, отдаст Светлане стопку томиков Ружевица, Лорки, Такубоку. О чем они будут говорить? Сначала, конечно о разных пустяках, затем...

«Но почему она не пришла на вокзал?», — вдруг удивленно подумал Чингис и даже остановился. Жаркая боль залила сердце. Чингис уже хотел повернуть обратно, как увидел впереди себя пешехода. Не сомневаясь, пошел навстречу. Снова разочарованно остановился. Не она. К нему приближалась сгорбленная фигура какого-то мужичонки в заячьей ушанке, с трудом передвигавшегося на костылях. «Экая нужда тебе припала тащиться в такую даль», — с жалостью подумал Чингис и, подойдя к безногому мужичку, грубовато спросил:

— Эй, дружище, далеко ли до Березина?

Мужичок испуганно выпрямился, и при ярком лунном свете Чингис увидел такое, что заставило его с криком отшатнуться: на него смотрело печальное лицо Светы. Она поглядела на Чингиса, затем со стоном оперлась на костыли.

...Неизмеримо огромное, нежное чувство охватило вдруг Чингиса и стало расти, распирая грудь. Он почти задохнулся, с треском оторвал у горла пуговицу. Уже не колеблясь, подошел к Светлане, бережно поднял на руки вместе с костылями и пошел к деревне. Слабый свет долго выхватывал из темноты эту странную картину: высокий скуластый парень нес на руках маленькую русскую девочку в заячьей ушанке. Затем дорога вильнула за невысокий холм, и они исчезли. А луна долго висела над ними, провожая до околицы, и ей самой вдруг показалось, что она плачет радостными бабьими слезами.

Первоцвет

№ 1 (22) 2006

Литературно-художественный альманах для юношества

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, регистрационный номер И-0391 от 28 июля 1998 г.

Выпуск альманаха осуществляется
благодаря финансовой поддержке Комитета по культуре
администрации Иркутской области и Комитета
по молодежной политике.

*Областная юношеская библиотека им. И. П. Уткина
и редакционная коллегия альманаха «Первоцвет»
сердечно благодарят оперативную типографию «На Чехова»
за помощь в издании альманаха, понимание и поддержку*

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Адрес редакции: 664011, г. Иркутск, ул. Чехова, д. 10
Тел. (3952) 29-07-93, 20-43-01
E-mail: library@youlib.irk.ru

Бумага офсетная. Печать RISO.

Тираж 800. Заказ № 150.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Оперативная типография «На Чехова»
Иркутск, ул. Чехова, 10, тел.: (3952) 209-355, 209-056
E-mail: info@print.irk.ru www.print.irk.ru